

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

3
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, RAS Institute of
Socio-Political Research, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State
Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State Uni-
versity for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Ger-
many

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and
History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal,
Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University,
Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

И.А. Звезницева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Ратиц*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталь, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор, РГГУ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

History of Philosophy. Social Philosophy

- Ludmila E. Kryshchop*
Lessing as a philosophical theologian 10
- Svetlana A. Konacheva*
The “carnal turn” in the discussion about the Sacred 28
- Maksim A. Pylaev*
Narrative Theology of E. Jungel and the Philosophy of the Name of A.F. Losev 43
- Oksana A. Nazarova*
Reflections on reading a book Teresa Obolevich “Semyon Frank in European
and emigrant culture” 56

Sociology. Theoretical and empirical researches

- Zhan T. Toshchenko*
Production practice. Imitation? 67
- Georgii V. Nioradze*
Features of career guidance in groups of professions “person-sign”
(designers and architects) 76
- Elizaveta O. Nechaeva*
Ethical foundations of communication in the professional activities
of nursing staff 87
- Albert A. Kurmangulov*
Perception gender features of medical visualization systems 96
- Elena A. Kolosova, Svetlana N. Mayorova-Shcheglova*
Men in the women’s professional field
(using the example of kindergarten teachers) 108

Art Studies

- Alla A. Vasilchenko*
Transformation of the natural motif as a method of shaping the ornament
of the down shawl of the Orenburg region 119
- Oksana A. Bratina*
Images of buffoons and fools in Russian cinema 135
- Leila F. Salimova*
Interpretation of mechanisms of life creation in the Russian theater
of the 21st century 147

СОДЕРЖАНИЕ

История философии. Социальная философия

<i>Людмила Э. Крыштон</i> Г.Э. Лессинг как философский теолог	10
<i>Светлана А. Коначева</i> «Плотский поворот» в дискуссии о священном	28
<i>Максим А. Пылаев</i> Нарративная теология Э. Юнгеля и философия имени А.Ф. Лосева	43
<i>Оксана А. Назарова</i> Размышления в связи с прочтением книги Терезы Оболевич «Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре»	56

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>Жан Т. Тощенко</i> Производственная практика: имитация?	67
<i>Георгий В. Ниорадзе</i> Особенности профориентации в группах профессий «человек-знак» (дизайнеры и архитекторы)	76
<i>Елизавета О. Нечаева</i> Этические основы коммуникации в профессиональной деятельности среднего медицинского персонала	87
<i>Альберт А. Курмангулов</i> Гендерные особенности восприятия визуального облика медицинских организаций	96
<i>Елена А. Колосова, Светлана Н. Майорова-Щеглова</i> Мужчины на женском профессиональном поле (на примере воспитателей в детских садах)	108

Искусствоведение

<i>Алла А. Васильченко</i> Трансформация природного мотива как метод формообразования орнамента пухового платка Оренбуржья	119
<i>Оксана А. Братина</i> Образы шутов и юродивых в отечественном кинематографе	135
<i>Лейла Ф. Салимова</i> Интерпретация механизмов жизнетворчества в отечественном театре XXI в.	147

История философии. Социальная философия

УДК 130.121

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-10-27

Г.Э. Лессинг как философский теолог

Людмила Э. Крыштоп

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
kryshstop-le@rudn.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению философско-теологических взглядов Г.Э. Лессинга. Именно в немецком Просвещении зарождается и начинает активно развиваться то, что сегодня мы называем философской теологией. В выраженной форме это понятие было сформулировано И. Кантом. Ему же принадлежит краткое, но глубокое по своему существу описание сущности философской теологии и ее функций, а также основных ее отличительных черт от теологии библейской. Кант обращает внимание при этом на свободу, характерную для философского теолога, но подчеркивает также, что результаты философско-теологических изысканий должны предлагаться библейским теологам в качестве рекомендаций, но не в качестве навязываемых истин. Аналогично и библейская теология должна предоставлять философской теологии свободу в рассмотрении, но сама должна стоять на страже спасения душ вверенной паствы. В рамках философии И. Канта такой подход основывается на предлагаемом им разделении на частное и публичное применение разума. Однако мы видим, что Кант в этом отношении укоренен в предшествующей ему философско-теологической традиции. Не в меньшей степени философским теологом можно считать Г.Э. Лессинга. Несмотря на то что сам Лессинг в данном случае не пользуется этим понятием напрямую, его позиция по вопросам религии и веры и их философского осмысления здесь полностью совпадает с кантовской. Особенно ярко это прослеживается в состоявшемся споре между ним и представителем лютеранской ортодоксии И.М. Гёце в рамках одной из наиболее интересных и оживленных дискуссий немецкого Просвещения, а именно «спора о фрагментах». В статье подробно рассматриваются основные этапы развития данной дискуссии, а также позиции сторон. В итоге автор статьи приходит к выводу о том, что защищаемая в рамках этой дискуссии Лессингом позиция может быть охарактеризована как философская теология.

Ключевые слова: философская теология, Кант, Лессинг, немецкое Просвещение, спор о фрагментах

© Крыштоп Л.Э., 2023

Для цитирования: Крыштоп Л.Э. Лессинг как философский теолог // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 10–27. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-10-27

Lessing as a philosophical theologian

Ludmila E. Kryshstop

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia, kryshstop-le@rudn.ru*

Abstract. The article concerns philosophical and theological views of G.E. Lessing. It was in the German Enlightenment that what today we call philosophical theology was born and began to actively develop. This concept was formulated in its expressed form by Kant. He also owns a brief but profound description of the essence of philosophical theology and its functions, as well as main features distinguishing it from biblical theology. Kant draws attention here to the freedom as an essential characteristic of a philosophical theologian, but also emphasizes that the results of philosophical research should be offered to biblical theologians as recommendations, but not as imposed truths. Likewise, biblical theology must give philosophical theology freedom of consideration, but must itself stand guard over the salvation of the souls of its entrusted flock. Within the framework of the philosophy of I. Kant, such an approach is based on the division he proposes between the private and public use of reason. However, we see that Kant for that matter is rooted in the philosophical and theological tradition that preceded him. No less a philosophical theologian can be considered G.E. Lessing. Despite the fact that Lessing himself herein does not use the concept directly, his position on issues of religion and faith and their philosophical understanding on that completely coincides with Kant's. It can be seen especially clearly in the dispute that took place between him and Goeze in the framework of one of the most interesting and lively discussions of the German Enlightenment, namely the *Fragmentenstreit*. The article considers in detail the key stages of development of the discussion, as well as the positions of the parties. As a result, the author of the article comes to the conclusion that the discussion position defended by Lessing can be characterized as philosophical theology.

Keywords: philosophical theology, Kant, Lessing, German Enlightenment, *Fragmentenstreit*

For citation: Kryshstop, L.E. (2023), "Lessing as a philosophical theologian", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 10–27, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-10-27

Сегодня в России, как, впрочем, и за рубежом, активно развивается философская теология. У этого названия, равно как и у самой философской теологии согласно ее существу, имеются как ярые сторонники, так и не менее ярые противники (прежде всего со стороны теологии церковной и философии). В этой статье мне хотелось бы остановиться на конкретном историко-философском сюжете из истории становления философской теологии (а то, что она имеется и во вполне развитом виде сегодня представлена, вряд ли смогут подвергнуть сомнению даже наиболее ярые ее противники, настаивающие на ее нелепости, абсурдности и неуместности). Этот сюжет, на наш взгляд, является тем более интересным, что позволяет немного оттенить то первоначальное понимание философской теологии, которое вкладывалось в него еще пару столетий назад. А это, в свою очередь, могло бы сослужить добрую службу и в современных дискуссиях¹, помогая понять, в чем современная философская теология верна той своей первоначальной интенции, а в чем, возможно уже давно, от нее далеко отклонилась.

В центре нашего внимания при этом окажется философское творчество и судьба Г.Э. Лессинга, а конкретнее – роль Лессинга в зарождении и развитии одной из наиболее оживленных дискуссий немецкого Просвещения, получившей эвфемическое название «спор о фрагментах». Но прежде чем мы погрузимся в этот сюжет, необходимо немного сказать об общем понимании философской теологии в то время. Это тем более важно, что сам Лессинг не употребляет такого термина. Более того, мы не находим у него прямого именованя себя как философского теолога. Однако характеристика его как философского теолога, на наш взгляд, является совершенно оправданной. И убеждает нас в этом то понимание философской теологии, которое менее чем через два десятилетия представляет нам И. Кант.

Кант о философской теологии

Несмотря на распространенность точки зрения, согласно которой в полностью сформулированном виде концепт философской теологии мы находим впервые только у Шлейермахера в его «Кратком изложении теологических занятий, предназначенном для

¹Пожалуй, наиболее полной работой на русском языке, посвященной рассмотрению философской теологии и дающей также общий обзор некоторых современных дискуссий вокруг философской теологии, можно считать недавно вышедшую в свет монографию [Шохин 2022].

вводных лекций» (1811), она не может считаться истинной. Уже теория Канта несколькими десятилетиями ранее прямо говорит о философской теологии. При этом у него это понятие, так же как и у Шлейермахера, наполняется определенным институциональным значением, связываясь с разделением полномочий разных университетских подразделений – философского и теологического факультета. При этом Кант не только достаточно подробно описывает особенности философской теологии и ее сущностные черты, но и дает достаточно четкое представление о ее функциях и задачах, а также – совершенно в духе своего критического подхода – о ее границах. Основным сочинением Канта, развивающим этот концепт, является «Религия в пределах только разума» (1793). Именно там мы видим прямое упоминание философской теологии и философских теологов, противопоставляемых теологии библейской и библейским теологам. Не менее интересной, и в этом отношении сходной по содержанию, является другая кантовская работа – «Спор факультетов» (1798).

Центральным для понимания сущности философской теологии у Канта является ее противопоставление теологии библейской. В отличие от последней, философская теология может пользоваться в своих изысканиях по вопросам веры и религии всем, в том числе и библейским текстом. Однако важно, что философская теология делает это полностью свободно (не будучи ограничена сама по себе никакими внешними нормами, навязываемыми со стороны библейской теологии) и исключительно для целей разума. Само такое понимание философской теологии или философского учения о религии (эти понятия здесь самим Кантом употребляются синонимично)² полностью соответствует названию работы – «Религия в пределах только разума». И не зря Кант помещает это лаконичное рассмотрение сущности и задач философской теологии в самом начале своей работы, предваряя ее основные четыре части.

Но не менее важным для Канта является вопрос возможного (и должного) взаимодействия философской и библейской теологии. Оно определяется совершенно однозначно. Философская теология может свободно заимствовать все что угодно у библейской теологии. Это ее неотчуждаемое право. Но она ничего не может вносить в библейскую теологию. И в данном случае Кант, по сути, прямо санкционирует цензурирование философских размышле-

²См.: *Kant I. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft* // Kant I. *Gesammelte Schriften*. Bd. 6. Berlin: Georg Reimer, 1914. S. 10; *Кант И. Религия в пределах только разума* // Кант И. *Собр. соч.*: В 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. С. 13.

ний по вопросам религии со стороны библейской теологии и теологического факультета соответственно. Именно теологическому факультету в вопросе цензурирования отводится приоритетное место, которое Кант не только не оспаривает, а даже его обосновывает. По мысли Канта, само представление о цензуре подразумевает наличие четко определенного учения, с позиции которого эта цензура может производиться. Такое учение есть у библейских теологов. Именно поэтому они могут производить цензурирование в строгом смысле слова, если видят, что это учение нарушается. У философов же, так как они производят свободное исследование, в принципе не может быть никакого четко определенного учения, которое могло бы нарушаться. Следовательно, и никакой цензуры философский факультет осуществлять не может³.

В то же время это цензурирование должно само по себе иметь свои границы. И в данном случае мы переходим уже к обсуждению того, что и в самой библейской теологии Кант выделяет две разные стороны – спасение душ и спасение наук. Библейский теолог, основываясь на библейском тексте и его официальной церковной интерпретации, может сам выступать в двух ипостасях – как собственно духовное лицо и как ученый в рамках теологического факультета. Первый путь – непосредственное служение, забота о пастве, тогда как второй – являясь членом публичного сообщества, должен следить за тем, чтобы притязания первого на сохранение церковного вероучения не наносили ущерба науке. И именно этому второму – библейскому теологу в роли ученого – и должна принадлежать верховная цензура⁴. В итоге мы видим многоступенчатую схему. Философские изыскания могут цензурироваться со стороны теологического факультета, но только в том случае, если они выходят за рамки сферы своих полномочий и пытаются что-то навязывать теологическому факультету. Сама библейская теология также должна цензурироваться, но ни в коем случае не со стороны философского факультета, а изнутри, т. е. цензурировать саму себя, заботясь о том, чтобы не выходить за свои собственные границы.

Кантовское разделение функций между философским и теологическим факультетом при рассмотрении вопроса толкования Священного Писания и в еще большей степени выделение разных ролей в работе библейского теолога тесно переплетается с проведением различия между публичным и частным применением разума, а также вопросом о возможности и необходимости ограничения свободы в процессе просвещения. Эта тема прямо затрагивается в

³См.: Ibid. S. 9; Там же. С. 12.

⁴См.: Ibid. S. 11; Там же. С. 8.

кантовской небольшой статье «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» (1784). Позиция Канта здесь весьма диалектична. В целом он полагает, что для просвещения общества (в необходимости и ценности которого Кант не сомневается) необходима свобода. Но на эту свободу Кант налагает ограничение. Свобода, и притом полная, возможна только в публичном применении разума, т. е. таком, «которое осуществляет кто-то, например, *ученый*, [обращаясь ко] *всей читающей публике*»⁵. Но от публичного применения разума Кант четко отличает частное применение разума, т. е. такое, «когда он может пользоваться своим разумом на определенном, доверенном ему *гражданском* посту или службе»⁶. Именно частное применение разума характерно для солдата, выполняющего приказ командира, а также для священнослужителя, читающего проповедь членам вверенной ему церковью общины. И оно «нередко должно быть очень ограниченным»⁷, что связано с необходимостью поддержания единства и целостности общества и предотвращения его распада. Но те же самые лица вне своей официальной службы могут и должны иметь возможность свободно высказывать свои взгляды и мнения по самым разнообразным вопросам, в том числе и по вопросам, попадающим в сферу их ведения. По сути, речь идет о том, что пока человек находится на своем посту (например, священник, читающий проповедь), он вынужден доносить до своих слушателей именно те истины, которые официально одобрены церковью, поставившей его на служение. Однако когда тот же самый человек не находится «при исполнении», он должен иметь право свободно высказывать свои мысли, надеясь, что когда-нибудь они смогут помочь в реформировании и улучшении сферы его обязанностей (в частности, в улучшении определенных аспектов церковного вероучения). Но до тех пор, пока эти изменения не будут официально утверждены, такой человек, выступая не как ученый, а как определенное «должностное» лицо, не имеет права отходить от вверенного ему учения.

При сопоставлении этого разделения на две сферы в деятельности библейского теолога, который может выступать как пастор и как ученый, и разделением функций между теологическим фа-

⁵*Kant I.* Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. 8. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter, 1923. S. 36–37; *Kant II.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант II. Сочинения на русском и немецком языках / Под ред. Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 1. М.: Фирма АО Камі, 1993. С. 131–133.

⁶*Ibid.* S. 37; Там же. С. 133.

⁷*Ibid.* S. 36; Там же. С. 131.

культетом в целом и философским мы приходим к интересному выводу. По сути, за философским факультетом Кант резервирует полную свободу, воспринимаемую как сущность самого философского рассмотрения. Но интересен не только этот кантовский вывод, но и его обоснование. А оно предельно просто – философ не может навязывать свое мнение теологу и не может пытаться принудить кого бы то ни было его принимать (в том числе и сторонников той или иной религии). Философия по своей природе свободна. Но это означает не только то, что никто не имеет права ограничивать свободу философского рассмотрения чего бы то ни было, но также и то, что философия сама по себе не связана ни с каким должностным положением и не имеет сама никакого инструментария для принуждения кого бы то ни было к чему бы то ни было и навязывания своих выводов другим. Свобода философии – это не только отрицание внешнего давления на философию, но и отказ от давления самой философии на других.

Лессинг и «спор о фрагментах»: предыстория зарождения дискуссии

Дискуссия, известная сегодня как «спор о фрагментах», получила свое название в честь публикации Лессингом небольшой части скандального для того времени сочинения Г.С. Реймария «Апология, или Сочинение в защиту разумных почитателей Бога». Данное название сам Лессинг озаглавил «Фрагменты неизвестного». Спор о фрагментах имеет огромное значение для рассмотрения теологических взглядов Лессинга. Хотя мы и можем говорить о его позиции в отношении религии и в отрыве от дискуссии, развернувшейся по поводу опубликованных Лессингом фрагментов Реймария, она все же способна открыть нам новые важные нюансы. Кроме того, сложно не учитывать также и то, что основные для Лессинга сочинения, выражающие его взгляды на веру и религию, а также их появление так или иначе связаны с ходом этого спора. Это как основные его полемические работы, направленные на опровержение обвинений И.М. Гёце, которые сегодня мало известны вне круга узких специалистов, так и его всем известные печатные сочинения. Так, его сочинение «Воспитание человеческого рода» (одно из основных сегодня рассматриваемых философско-теологических сочинений Лессинга) выходило двумя частями. Первая часть (§ 1–53) была издана в 1777 г. в составе опубликованных «Фрагментов неизвестного» (еще до написания известной лессинговской поэмы «Натан Мудрый», сегодня часто рассматриваемой в контексте

изучения его теологических взглядов), тогда как вторая (§ 54–100) вышла в свет уже позже – в 1780 г. [Strohschneider-Kohrs 1994, S. 281]. Также и сама поэма «Натан Мудрый» во многом явилась ответом на последствия развернувшегося спора, выразившегося в том, что Лессинга лишили его прежней неприкосновенности перед цензорами и обязали публиковать что бы то ни было только после разрешения со стороны правительства Брауншвейга, что и вынудило его обратиться к театру как еще одному оружию его борьбы. Эти моменты сегодня нередко полностью выпадают из поля зрения, однако они крайне важны как для лучшего понимания теологической позиции Лессинга, так и для изучения просветительской теологии немецкого Просвещения в целом. Остановимся несколько подробнее на деталях этого спора.

Определяющим моментом для последующего зарождения спора о фрагментах стал май 1770 г., когда Лессинг выразил согласие покинуть поприще вольной журналистики и начать работать в качестве библиотекаря в известной библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле. 13 февраля 1772 г. решением герцога Брауншвейга он был освобожден от цензурирования его работ, однако при одном условии – что он никогда не будет писать ничего, что было бы направлено против христианской веры. Лессинг достаточно быстро освоился на новом месте и уже через два года начал публиковать различные манускрипты из собраний вверенной ему библиотеки. Данная серия публикаций носила общее название «История и литература: из сокровищ герцогской библиотеки Вольфенбюттеля» (*Zur Geschichte und Literatur: aus den Schätzen der Herzoglichen Bibliothek zu Wolfenbüttel*). Именно в рамках этой серии Лессингом и были опубликованы самые первые фрагменты сочинения Реймария, которые в его распоряжение предоставили дети Реймария – Йоганн Альберт и Элиза.

Изначально Лессинг опубликовал только один фрагмент. Этот фрагмент был посвящен веротерпимости по отношению к деистам. Он был написан в ключе апологии естественной религии и содержал прямое осуждение двух важных для того времени тенденций. Во-первых, критике подвергалось отождествление деистов с атеистами и безбожниками. Само по себе это явление крайне примечательно и действительно было распространено еще в то время. Наиболее известной жертвой такого отождествления был Спиноза, который нередко фигурировал в философских и теологических работах того времени как «безбожник». Другой важной мишенью впоследствии станет сам Лессинг в рамках другой, не менее оживленной дискуссии немецкого Просвещения – «спора о пантеизме». Во-вторых, Реймарий прямо осуждал использование церковными

властями инструментария властей светских в своей борьбе с иноверцами, в том числе и с деистами. По его мнению, такой стовор недопустим и противоречит не только разуму, но и основаниям христианской веры [Крыштоп 2020, с. 294–295]. Видимо, именно на это изначально и рассчитывал Лессинг, полагая, что принятие первой, крайне незначительной части фрагментов облегчит потом публикацию второй части, уже гораздо более критической по отношению к христианству как таковому.

Вторая часть фрагментов носила гораздо более критический по отношению к христианству характер. Также она была значительно больше по объему. Лессингом были отобраны пять новых фрагментов, которые касались самых различных аспектов иудео-христианской традиции. Основными идеями, здесь развиваемыми, были невозможность всеобщего божественного откровения, филологическая и историческая критика библейского повествования о переходе евреев через Красное море, а также общий вывод о том, что Ветхий Завет не может являться богодухновенным текстом. Но наиболее скандальным был фрагмент, посвященный учению о воскресении Иисуса Христа. По мысли Реймария, воскресения не было, и апостолы специально придумали его для укрепления позиций новой, ими проповедуемой религии, которая в целом не имела прямого отношения к религии Иисуса. Последняя же представлялась как исключительно чистая моральная религия [Крыштоп 2020, с. 285–295]. Эта порция фрагментов не могла пройти незамеченной и вызвала бурную реакцию, прежде всего со стороны лютеранской ортодоксии, представителем которой и был Иоганн Мельхиор Гёце.

«Спор о фрагментах»: Гёце vs. Лессинг

Критика, высказываемая Гёце, сама по себе была важна и показательна для общего противостояния лютеранской ортодоксии и теологии Просвещения в то время в Германии [Allison 1966, p. 107, 110]. Но не менее важна его роль и в другом аспекте. Гёце не был ни единственным, ни даже первым, кто выступил с резкой критикой опубликованных фрагментов [Allison 1966, pp. 101–107]. Но мишенью остальных критиков был анонимный автор и само содержание опубликованных фрагментов. Критика же Гёце была направлена непосредственно на Лессинга, эти фрагменты опубликовавшего⁸.

⁸Тошимаса Ясуката отмечает, что у Гёце в данном случае могли быть и причины личного характера, побудившие его направить острие своей критики именно непосредственно на Лессинга [Yasukata 2002, pp. 42–44].

И именно его сочинения стали переломными, обратив всеобщее внимание на Лессинга, который, судя по всему, надеялся и в первой фазе спора о фрагментах действительно оставался как бы в тени, играя роль стороннего незаинтересованного наблюдателя, который не имеет никакого отношения к этим фрагментам. Критика Гёце заставила и остальных задуматься над целым рядом вопросов: почему именно Лессинг опубликовал эти фрагменты и почему именно эти? Почему он просто их не оставил неизвестными для широкой публики? Какую цель при их публикации он преследовал? Сам Гёце при этом был уверен, что Лессинг, публикуя эти фрагменты, выступает в роли адвоката «неизвестного автора», тем самым с ним соглашаясь. Все это вынуждало Лессинга так или иначе на критику реагировать, сделав для него невозможной позицию стороннего наблюдателя⁹.

В то же время возбудить подобного рода вопросы было вовсе не сложно. Лессинг не только опубликовал данные фрагменты, но и высказал свою позицию по этому поводу. Эта позиция задумывалась как апологетика христианства. Соответствующий раздел даже носил название «Опровержения издателя». По факту же эти соображения ярко выражали лейтмотив радикального крыла теологии Просвещения, порождением которого и был во многом сам Реймарий. Хотя они и представляли попытку Лессинга отстоять христианство, однако это отстаивание было весьма специфического рода и с позиции лютеранской ортодоксии расценивалось как не менее яростная и в чем-то даже более опасная, чем сами опубликованные фрагменты, его атака [Allison 1966, p. 107].

В своих «Опровержениях издателя» Лессинг пишет:

Кратко: буква – это не дух, а Библия – это не религия. Следовательно, возражения против букв и против Библии – это также не возражения против духа и против религии. Ибо Библия явно содержит больше, чем то, что надлежит религии: и это только лишь гипотеза, что она в этом большем также должна быть безошибочна. Также религия была прежде, чем была Библия. Христианство было прежде, чем писали евангелисты и апостолы. Прошло определенное время до того, как первый из них написал; и очень значительное, прежде чем сформировался весь канон. Следовательно, как бы много не зависело от этих писаний, но целостная истина религии не может покоиться на них. ...Религия истинна не потому, что ей учили евангелисты и апостолы,

⁹ В рамках этого спора Лессинг не только пытался оправдаться и выразить свою позицию более отчетливо, но пошел еще далее, опубликовав еще один фрагмент – «О цели Иисуса и его учеников», который и по сей день считается наиболее скандальным.

но они учили ей, так как она истинна. Письменные предания должны разъясняться из ее внутренней истины, и никакие письменные предания не могут придать ей внутреннюю истину, если она ее не имеет¹⁰.

Именно эти высказывания Лессинга Гёце подверг резкой критике, разобрав их пункт за пунктом. Воспроизведем лишь ключевые моменты этой полемики. Во-первых, Гёце, совершенно в духе традиционного христианского вероучения, подчеркивал, что буква неотделима от духа и буква и выражает дух. Соответственно, и Библия неотделима от религии и выражает религию. Нет духа без буквы, и абсурдно говорить о религии без Библии¹¹. Это приводило ко второму, не менее значимому тезису: невозможно говорить о существовании религии до Библии. Библия представляет собой Слово Божие, Божественное Откровение. Говорить о религии до Библии все равно, что утверждать, что религия была до Божественного Откровения. С точки зрения Гёце, это не просто глупо, но и абсурдно¹². В-третьих, невозможно также говорить о том, что Библия не исчерпывает всей истины. Истина есть не что иное, как воля Божия, выраженная в его слове. Таким образом, истина неразрывно связана с Библией и производна только от Библии. Если бы не было Библии, то и истина нам не была бы известна¹³. В-четвертых, совершенно неверно утверждать, что евангелисты и апостолы учили христианству, так как оно истинно. Они писали соответствующие библейские тексты, вдохновенные Святым Духом (т. е. самим Богом), соответственно, христианская вера истинна именно потому, что ей учили евангелисты и апостолы, или, другими словами, так как ей учит сам Бог посредством евангелистов и апостолов¹⁴.

В итоге мы видим ключевое расхождение между стратегиями защиты христианской веры. Лессинг пытается оправдать христи-

¹⁰ Lessing G.E. Theologische Schriften II. Gegensätze des Herausgebers // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 458–459.

¹¹ См.: Goeze J.M. Etwas vorläufiges gegen des Herrn Hofrats Lessings mittelbare und unmittelbare feindselige Angriffe auf unsre allerheiligste Religion, und auf den einigen Lehrgrund derselben, die heilige Schrift // Lessing G.E. Werke. Bd. 8. München: Carl Hanser Verlag, 1979. S. 23–24.

¹² См.: Ibid. S. 25–26.

¹³ См.: Ibid. S. 26–28.

¹⁴ См.: Ibid. S. 28. На это возражение в «Аксиомах» Лессинг дает следующий предельно ясный и однозначный ответ: «Даже то, чему учит Бог, истинно не потому, что этому хочет учить Бог, но Бог учит этому потому, что это истинно» (см.: Lessing G.E. Axiomata // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 149).

анство, показывая, что в нем заложено нечто истинное само по себе. И именно этого истинного нам и надо держаться. То же, что можно легко подвергнуть критике (в частности, и такой радикальной, как у автора опубликованных им фрагментов), на самом деле не является сущностно важным для христианства, это легко можно и вовсе отбросить. Вывод Лессинга предельно прост – нам необходима определенная интерпретация христианского вероучения, проводимая с позиции апелляции к универсальной истине. Для Гёце же само разделение истины универсальной и истины христианского учения и библейского текста не имеет смысла. Истина есть Бог. И она становится нам известна впервые и только благодаря божественному откровению, т. е. тому, что сам Бог нам о себе сообщает. И она дается в Библии и только в ней.

Не менее интересен и вывод Гёце, в котором он, хоть и косвенно, но подает повод для важного вопроса – почему Лессинг решил эти скандальные фрагменты опубликовать? Гёце заканчивает свое небольшое сочинение следующими словами: «Я желаю, чтобы господин издатель смог предоставить нам из сокровищниц вверенной ему библиотеки в будущем нечто лучшее, чем яд и огорчения»¹⁵.

«Спор о фрагментах»: Лессинг vs. Гёце

В качестве ответа на эти выпады Гёце Лессинг написал свое сочинение «Аксиомы» с подробным рассмотрением каждого возражения Гёце, а также небольшое предваряющее сочинение «Притча». Изначально оно должно было состоять всего лишь из двух частей – «Притча» и «Просьба». Однако пока Лессинг писал эти две части, Гёце издал вторую часть своего сочинения «Нечто предварительное». Прочитав его, Лессинг написал третью часть – «Отказ» – и опубликовал все части вместе в одном издании.

Язык Лессинга, особенно в первой части, очень метафоричен. Однако в этом случае значение лессинговских метафор вполне прозрачно. В приводимой Лессингом притче речь идет о великолепном дворце (творении Бога), наполненном светом и мудростью внутри, который излучает красоту и гармонию вовне, распространяя ее на все королевство. Однако этот дворец оснащен лишь немногими окнами, что делает совершенно непонятным, как он может быть столь светлым внутри, если в нем так мало окон. К тому же в нем очень запутанные коридоры. В итоге совершенно невозможно воссоздать его план. Однако многие архитекторы неустанно спорят об этом

¹⁵ Goeze J.M. Etwas vorläufiges gegen des Herrn Hofrats Lessings... S. 29.

плане и каждый считает, что его план верен. Однажды ночью сторожевой поднял тревогу, так как во дворце вспыхнул пожар. Все кинулись спасать не сам дворец, а каждый свой план этого дворца. Никто не мог договориться, где же огонь и как его лучше потушить. В итоге, если бы пожар действительно был, дворец успел бы сгореть, пока они спорили. В образе этих архитекторов без особых сложностей угадывается образ лютеранских ортодоксов, которые спорят о значениях давно непонятных символов, теряя из виду при этом главное. Те же немногие в королевстве, кто осмеливался утверждать, что план дворца вовсе не важен, достаточно того, что он прекрасен и излучает красоту на всю страну, подвергались в королевстве осуждению¹⁶. Под этими немногими, судя по всему, Лессинг имел в виду себя и Реймария, и подобных теологов Просвещения, которые старались не пренебрегать внутренней истиной в угоду историческим наносным деталям.

Не менее интересно, и для нашего исследования более важно, содержание «Просьбы». Здесь Лессинг предлагает свое собственное объяснение того, почему он все же предпочел издать эти скандальные, отравляющие фрагменты, опасные для христианской веры. Объяснение Лессинга основано на разделении функций его как библиотекаря и Гёце как пастора. И для разъяснения этого различия Лессинг также приводит красочный образ – ботаника и пастуха. Пастух интересуется травами, но только в той мере, в которой они нужны для поддержания жизни его овец. Именно поэтому для пастуха принципиально важен вопрос о воздействии трав на его овец, важно, чтобы травы не были ядовиты, не были опасны для них. Ботаник же интересуется травами самими по себе и радуется, если ему удастся найти новую, еще ранее неизвестную траву. И он стремится сделать свое открытие известным широкой публике, независимо от того, идет ли речь о ядовитой или безопасной траве. Этим различием можно объяснить и разную реакцию на опубликованные фрагменты со стороны Гёце и Лессинга. Гёце прежде всего задается вопросом о их воздействии на его паству. Лессинг же заботится прежде всего о том, чтобы то, что он нашел и что еще ранее не было известно, стало известно публике¹⁷. В конечном счете

¹⁶ См.: *Lessing G.E. Theologische Schriften II. Eine Parabel // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 118–120.*

¹⁷ То же самое объяснение Лессинг представляет и в другом сочинении – «Анти-Гёце». Здесь же он неоднократно подчеркивает, что ни в коем случае не является ни адвокатом, ни сторонником Реймария (см.: *Lessing G.E. Anti-Goeze // Lessing G.E. Werke. Bd. 8. München: Carl Hanser Verlag, 1979. S. 244–249*). Лессинг специально подчеркивает: «Ибо я

просьба Лессинга заключается в том, чтобы Гёце не вмешивался в его работу как библиотекаря, как и он сам не имеет никакого желания вмешиваться в работу Гёце как пастора¹⁸.

Фактически эта часть была написана очень сдержанно и в каком-то смысле даже содержала своеобразное оправдание Гёце и его критики. Гёце, выступая как пастор, имеет полное право писать то, что он пишет. Его позиция оправдана и имеет свое основание в возложенных на него функциях. Сам по себе такой подход Лессинг не критикует. Единственное, о чем он настоятельно просит, не выходить за рамки своей непосредственной пасторской работы и пасторской заботы о спасении душ верных и не вмешиваться в его работу библиотекаря, суть которой Лессинг видит в обнаружении ранее неизвестных ценных с интеллектуальной точки зрения сочинений. И в данном случае мы снова сталкиваемся, по сути, с тем же разделением сфер обязанностей, что и у Канта. Кант говорит о библейском теологе и теологе философском, Лессинг же – о пасторе (пастухе) и библиотекаре (ботанике). Суть остается та же. Пастор не должен вмешиваться в деятельность библиотекаря, ограничивая его в работе и исполнении своих непосредственных обязанностей. Однако и библиотекарь не должен вмешиваться в работу пастора.

Третья часть – «Отказ» – полностью соответствует своему названию и пишется Лессингом в более агрессивной и саркастической манере. Лессинг в прямом смысле вызывает Гёце на интеллектуальный поединок, призывая его писать так много, как он только может, но и давая клятву, что он никогда больше не будет держать пера, если согласится с тем, в чем на самом деле Гёце не прав¹⁹. Именно в этот момент Лессинг видимо решил не сдаваться и вести борьбу, не только защищая себя и «неизвестного» автора, но также и сражаясь за истину. К сожалению, последствия этого поединка были для самого Лессинга весьма неприятны. Гёце апеллировал к властям, в результате чего Лессинга лишили его

нигде не говорил, что я считаю дело моего безымянного [автора], так как оно представлено, благим или истинным. Я никогда этого не говорил, напротив, я говорил как раз обратное. Я говорил и показывал, что даже если безымянный прав и в столь многих отдельных пунктах, то в целом из этого все же не следует то, что он, как кажется, хочет, чтобы из этого следовало» (Ibid. S. 245). Напротив, он публикует эти фрагменты для того, чтобы как можно больше людей могли их исследовать и опровергнуть (см.: Ibid. S. 160).

¹⁸ См.: *Lessing G.E. Theologische Schriften II...* S. 120–124.

¹⁹ См.: Ibid. S. 124–127.

цензорских привилегий. Но будучи ограничен в своей свободе в прямой интеллектуальной борьбе в философско-теологических сочинениях, он перешел к борьбе иносказательной, на подмостках театральной сцены. Стоит также отметить, что с содержательной точки зрения наиболее значимыми являются первые сочинения, написанные в рамках этой полемики, как со стороны Гёце, так и со стороны Лессинга. Впоследствии оба автора достаточно быстро перешли к стилю личных оскорблений и выпадов в адрес друг друга [Yasukata 2002, p. 42]. Мы также не видим существенных изменений и добавления принципиально новых аргументов и контраргументов, а лишь переформулировки и более распространенные представления старых [Allison 1966, p. 107, 110, 120].

В этой полемике интересен и еще один аспект. В данном случае Лессинг явным образом выступает в качестве представителя достаточно радикального крыла теологии Просвещения. Свою основную задачу Лессинг видит в разведении внутренней истины религии (ее духа) и внешних форм ее выражения (буквы). Первая как раз и является универсальной, душеспасительной, абсолютно и безусловно необходимой, вечной и неизменной, т. е. наделяется по-прежнему всеми традиционными предикатами Истины как таковой (которая и есть Бог). Но вот ее внешнее выражение уже связывается непосредственно с измерением исторических фактов и культурных обусловленностей. Если это измерение и может рассматриваться в терминах истины, то такие фактичности могут претендовать только на случайную, само по себе не необходимую и временную истинность. Это разделение двух пластов Священного Писания восходит к середине XVIII в. и во времена Лессинга уже становится весьма устойчивым концептом в рамках просветительской теологии. Ее истоки принято усматривать в герменевтике С. Баумгартена, который, как считается, как раз в этом отношении испытал достаточно сильное влияние со стороны вольфианской традиции разделения истин на два класса (истины вечные и случайные), а также проведения принципиального различия между рациональным и историческим типами познания, отдавая абсолютный приоритет первому и значительно пренебрегая вторым [Крыштоп 2020, с. 280–309]. Именно это направление мысли здесь и представляет Лессинг. И именно в этом наиболее отчетливо прослеживается подход, который чуть позже Кант назовет «философской теологией». И как и в случае Канта, мы видим, что для Лессинга в понимании этого подхода были равно важны две части – отсутствие давления на философию при рассмотрении теологических вопросов со стороны церковных теологов и невмешательство философии в дела собственно теологические.

Заключение

Рассмотрение взглядов Лессинга на то, что мы, опираясь на данное несколько позже Кантом понимание, могли бы назвать философской теологией, интересно не только с точки зрения прояснения историко-философского контекста зарождения и развития этого понятия. Указание на некоторые аспекты изначального понимания философской теологии и особенностей занятия ею в немецком Просвещении способно и сегодня помочь нам разобраться в возникающих порой сложностях в понимании сути и задач этой дисциплины, а также ее границ. Последнее, как кажется, могло бы оградить философскую теологию от многих нападков, если бы она этих границ решила держаться.

С одной стороны, немецкие просветители очень хорошо показывают ту черту философского теологизирования, которая и сегодня воспринимается нередко как основная характеристика философской теологии – свободу, свободное применение разума в рассмотрении вопросов веры и религии. Именно в этом философская теология усматривает свое принципиальное отличие от просто теологии, связанной тем или иным церковным вероучением и находящейся как бы «на службе» у этого вероучения. Чаще всего в этом же усматривается и повод для гордости, так как церковная сестра в этом контексте воспринимается нередко как поработенная, занимающая подчиненное положение по отношению к вероучению, ограниченная в своих выводах и тем самым как бы превращенная лишь в инструмент, оружие апологетической борьбы.

С другой стороны, у немецких просветителей, и в частности у Канта и Лессинга, мы видим и еще один не менее важный аспект, который, возможно, современные философские теологи могли бы взять на вооружение. Сферы деятельности теолога философского и теолога церковного четко разделяются. Причем разделяются таким образом, что именно последнему отдается приоритетная роль в деле определения того, что может быть полезно, а что вредно для спасения души. Философские теологи могут лишь высказывать свои идеи с надеждой на то, что они смогут помочь в реформировании определенных аспектов церковного вероучения, но ни в коем случае не пытаясь принудить собственно теологов и священнослужителей с ними соглашаться и их принимать и не критикуя последних за нежелание это делать. Именно в ведении церковных теологов находится вопрос спасения души, который настолько важен, что не терпит никакой поспешности и опрометчивости. И не дело философских теологов вмешиваться в процесс исполнения этих обязанностей церковными теологами, выступающими в качестве пастырей вверенной им паствы.

Источники

- Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках / Под ред. Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 1. М.: Фирма АО Kami, 1993. С. 125–147.
- Кант И.* Религия в пределах только разума // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. С. 5–222.
- Goeze J.M.* Etwas vorläufiges gegen des Herrn Hofrats Lessings mittelbare und unmittelbare feindselige Angriffe auf unsre allerheiligste Religion, und auf den einigen Lehrgrund derselben, die heilige Schrift // Lessing G.E. Werke. Bd. 8. München: Carl Hanser Verlag, 1979. S. 21–29.
- Kant I.* Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft // Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. 6. Berlin: Georg Reimer, 1914. S. 1–202.
- Kant I.* Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. 8. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter, 1923. S. 33–42.
- Lessing G.E.* Anti-Goeze // Lessing G.E. Werke. Bd. 8. München: Carl Hanser Verlag, 1979. S. 160–256.
- Lessing G.E.* Axiomata // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 128–159.
- Lessing G.E.* Theologische Schriften II. Eine Parabel // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 117–127.
- Lessing G.E.* Theologische Schriften II. Gegensätze des Herausgebers // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 457–495.

Литература

- Крыштоп 2020 – *Крыштоп Л.Э.* Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта. М.: Канон+, 2020. 528 с.
- Шохин 2022 – *Шохин В.К.* Философская теология: вариации, моменты, экспромты. СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. 512 с.
- Allison 1966 – *Allison H.E.* Lessing and the Enlightenment. His Philosophy of Religion and Its Relation to Eighteenth-Century Thought. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1966.
- Strohschneider-Kohrs 1994 – *Strohschneider-Kohrs I.* Lessing und Mendelssohn in ihrer Spätzeit // Moses Mendelssohn und die Kreise seiner Wirksamkeit / Hrsg. von M. Albrecht, E.J. Engel, N. Hinske. Tübingen, 1994. S. 269–290.
- Yasukata 2002 – *Yasukata T.* Lessing's Philosophy of Religion and the German Enlightenment. Lessing on Christianity and Reason. Oxford, New York: Oxford University Press, 2002.

References

- Allison, H.E. (1966), *Lessing and the Enlightenment. His Philosophy of Religion and Its Relation to Eighteenth-Century Thought*, The University of Michigan Press, Ann Arbor, USA.
- Kryshtop, L.E. (2020), *Moral' i religiya v filosofii nemetskogo Prosveshcheniya: ot Khr. Tomaziya do I. Kanta* [Moral and Religion in philosophy of German Enlightenment. From Chr. Thomasius to I. Kant], Kanon+, Moscow, Russia.
- Shohin, V.K. (2022), *Filosofskaya teologiya: variatsii, momenty, ekspromty* [Philosophical theology. Variations, moments, improvisations], Izd-vo SPbDA, Saint Petersburg, Russia.
- Strohschneider-Kohrs, I. (1994), "Lessing und Mendelssohn in ihrer Spätzeit", Albrecht, M., Engel, E.J. and Hinske, N. (eds.) *Moses Mendelssohn und die Kreise seiner Wirksamkeit*, Tübingen, S. 269–290.
- Yasukata, T. (2002), *Lessing's Philosophy of Religion and the German Enlightenment. Lessing on Christianity and Reason*, Oxford University Press, Oxford, New York, USA.

Информация об авторе

Людмила Э. Крыштон, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; kryshtop-le@rudn.ru

Information about the author

Ludmila E. Kryshtop, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198; kryshtop-le@rudn.ru

«Плотский поворот» в дискуссии о священном

Светлана А. Коначева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, konacheva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена плотскому повороту в современной философской и теологической герменевтике. В теологических исследованиях религия часто интерпретируется как относящаяся прежде всего к сфере духовного. Хотя в большинстве религиозных традиций (как христианских, так и нехристианских) Бог действительно является духовным и невоплощенным существом, присутствие Бога всегда опосредовано, и можно утверждать, что это опосредование всегда носит материальный характер. Мы анализируем теологические аспекты проекта «плотская герменевтика» (Ричард Кирни, Брайан Тринор, Джон Пантелеймон Мануссакис).

«Плотская герменевтика» демонстрирует новый философский поворот от чрезмерно абстрактного, релятивистского и ограниченного акцента на структурную лингвистику и деконструкцию в пользу нового акцента на основополагающем акте воплощения. С этой новой точки зрения лингвистика и текстологическая экзегеза могут по-прежнему оставаться необходимым аспектом герменевтики, но сами по себе они недостаточны. Это способ мышления, который мог бы помочь нам восстановить тело как текст и текст как тело: вернуть герменевтику феноменологии и наоборот, и напомнить нам, что интерпретация никогда не является невоплощенным актом. Плотская герменевтика провозглашает живое присутствие тела как неизбежную основу самого нашего бытия, включая любой акт интерпретации. Плотская герменевтика настаивает на пересечении текста и плоти, что одновременно отрицает превращение плоти в текст (и наоборот) и раскрывает абсолютную неразрывность того и другого.

Ключевые слова: плотская герменевтика, феноменология, интерпретация, тело, плоть

Для цитирования: Коначева С.А. «Плотский поворот» в дискуссии о священном // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 28–42. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-28-42

The “carnal turn” in the discussion about the Sacred

Svetlana A. Konacheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
konacheva@mail.ru*

Abstract. The paper is concerned with the carnal turn in contemporary philosophical theology. In the theological studies religion is often interpreted as primarily belonging to the sphere of the spiritual. While it is true that for most religious traditions (Christian as well as non-Christian) God is a spiritual and disembodied being, even the presence of God is always a mediated presence, and it may well be argued that this mediation is always material in character. We analyze theological aspects of the project *carnal hermeneutics* (Richard Kearney, Brian Treanor, John Panteleimon Manoussakis).

Carnal hermeneutics shows the new philosophical turn away from the overly abstract, relativist and limited emphasis on structural linguistics and deconstruction in favor of a new emphasis on the on the fundamental act of incarnation. From that new point of view, linguistics and textual exegesis may continue to be a necessary aspect of hermeneutics – but they are not sufficient in themselves. It is a way of thinking which might help us recover the body as text and the text as body: to restore hermeneutics to phenomenology and vice versa and to remind us that interpretation is never a dis-embodied act. Carnal hermeneutics declares the living presence of the body as the inescapable foundation of our very being – inclusive of any act of interpretation. The carnal hermeneutics insists upon the crisscrossing of text and flesh, which both denies the collapsing of flesh into text (and vice versa) and also reveals the utter inextricability of the two.

Keywords: carnal hermeneutics, phenomenology, interpretation, body, flesh

For citation: Konacheva, S.A. (2023), “The ‘carnal turn’ in the discussion about the Sacred”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 28–42, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-28-42

В континентальной философии последних десятилетий дискуссии о священном развиваются в рамках феноменологически-герменевтической проблематики. В этой дискуссии ряд мыслителей (Ж.-Л. Марион, Дж. Капуто, Дж. Ваттимо и С. Критчли), испытавших влияние Левинаса, с одной стороны и теории деконструкции – с другой, настаивают на принципиальной инаковости и непостижимости священного. Но есть и те, кто ищет иной путь: Р. Кирни, Б. Тринор, Дж.П. Мануссакис считают, что иконоборчество

философии инаковости должно сопровождаться возвращением к священному через возобновление внимания к традиционным историям, литургическим ритуалам, повторному очарованию природой и т. д. В их трудах мы обнаруживаем призыв к континентальной философии религии уделять больше внимания конкретным воплощенным практикам, призыв, который на самом деле является исследовательской программой, названной Кирни «плотской герменевтикой». Своего рода манифестом этой программы стал сборник эссе «Плотская герменевтика», опубликованный в 2015 г. в серии «Перспективы континентальной философии». Среди авторов сборника были признанные французские философы (Ж.-Л. Нанси, Ж.-Л. Кретъен, Ю. Кристева, М. Анри, Ж.-Л. Марион, П. Рикёр и Э. Фальк) и англоязычные феноменологи из Ирландии и Северной Америки (Э. Кейси, Э. О'Бирн, Д. Моран, К. Маккендрик и Дж.П. Мануссакис). Редакторы сборника Р. Кирни и Б. Тринор в своем обращении к современным философам обозначили «плотский поворот» в философской герменевтике, который, как они надеются, послужит коррекцией «лингвистического поворота», предпринятого Гадамером и Рикером. Они не утверждают, что лингвистический поворот был полностью ошибочным, а скорее, по словам Кирни, что «путешествие от плоти к тексту часто забывало обратный билет» [Kearney 2015, p. 16]. По мнению Кирни:

Уже в онтологической герменевтике Хайдеггера *Dasein* было лишено своего воплощенного покрова во имя квази-трансцендентального дискурса (*Rede*). Язык как «судьба бытия» затмил собой воплощенную жизнь единичных сущих, которые затем были низведены до статуса «онтических» частных. Временность понимания взяла верх над пространственностью плоти. Дальнейшее отклонение от плотского опыта было засвидетельствовано в герменевтических ориентациях Гадамера и Рикёра [Kearney 2015, p. 17].

Важно отметить, что, хотя Кирни недвусмысленно критикует это отклонение, это очень мягкая, ни в коем случае не отвергающая критика. Он прилагает все усилия, чтобы прояснить, что в герменевтике 1960-х гг. «отклонение» от плоти было непреднамеренным следствием энтузиазма, который пришел с освоением философами того времени структурной лингвистики. Кирни свидетельствует о том, что эти философы, многие из которых были его личными учителями, никогда не отрекались от феноменологического акцентирования воплощения. Скорее он указывает, что феноменология плоти играла фоновую роль по отношению к явному акценту структурной лингвистики на языке и символах. Эти мыслители,

которых стали называть «философами-герменевтами», никогда не переставали осознавать себя частью феноменологического движения. Хайдеггер, Гадамер и Рикёр постоянно напоминали, что они занимаются «герменевтической феноменологией». И все же нельзя отрицать, что лингвистический поворот к тексту часто истолковывался как поворот от плоти на практике, если не в принципе. Цель плотской герменевтики, таким образом, состоит в том, чтобы начать обратное путешествие. И, что очень важно, этот обратный билет не является односторонним; это бесконечное путешествие туда и обратно – от плоти к тексту и от текста к плоти. Кирни пишет, что плотская герменевтика стремится «вернуть герменевтику в феноменологию и наоборот» [Kearney 2015, p. 17]. Основной аргумент заключается в том, что не существует интерпретации без воплощения (и наоборот). Поэтому чрезмерное внимание герменевтики к тексту в ущерб плоти не должно быть исправлено полным отказом от интерпретации; скорее, как утверждает Кирни, цель плотской герменевтики «состоит в том, чтобы вновь обратиться к глубокой и неразрывной связи между ощущениями и интерпретацией» [Kearney 2015, p. 17].

В поисках истоков «плотской герменевтики» Кирни обращается к трудам Аристотеля, который во второй книге трактата «О душе» в своем анализе пяти чувств указал на загадочную роль «осязания». Аристотель утверждает, что осязание – это различающее чувство. В противовес распространенному мнению, что осязание и вкус, будучи непосредственными ощущениями, являются низшими чувствами, он указывает, что эти чувства выполняют свою собственную незаменимую функцию «посредничества». Рассматривая отношение плоти и осязания, Аристотель указывает, что «плоть необходимо есть приросшая к органу осязания среда, через которую происходит множество ощущений»¹. Плоть оказывается посредником (*metaxu*), который дает нам пространство для различения между различными видами опыта – горячим и холодным, мягким и твердым, привлекательным и непривлекательным. Как смело заявляет Кирни, Аристотель усматривает совершенство человека в совершенстве осязания. Почему? Потому что без осязания нет жизни. Все живые существа обладают осязанием, поэтому оно является самым универсальным из чувств. Как самое основное и всеобъемлющее из ощущений, оно выражает общую «чувствительность» плоти. Оно приводит нас в интимный контакт с конкретными вещами, оставаясь при этом универсальным чувством, которое

¹Аристотель. О душе // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 419.

пересекается с другими четырьмя чувствами. Оно выражает тело и душу одновременно. По мнению Кирни, простая и глубокая мысль Аристотеля заключается в том, что

...человек не может жить без чувств, нельзя существовать как душа без плоти, и каждое чувство требует способности быть затронутым – на любом расстоянии – тем, что человек чувствует (через глаза, уши, нос или язык). Осознание – это сердце и душа чувств, межчувственная связь и общая среда, которая делает возможным любое разумное посредничество между внешним и внутренним миром [Kearney 2015, p. 23].

Поэтому, в отличие от идеалистов, которые принижали нашу чувственную восприимчивость, и вопреки материалистам, утверждавшим, что осознание приводит нас в грубый контакт с вещами, Аристотель всегда настаивал на фильтрующем характере осознания. Быть осознательным –

...значит быть открытым миру через разрывы, вести переговоры между различными воплощенными существами, отвечать на просьбы, ориентироваться в чужой вселенной [Kearney 2022, p. 37].

После Аристотеля на протяжении многих столетий проблематика плоти игнорировалась философской традицией и вернулась в философские исследования только в феноменологии. Э. Гуссерль восстановил примат «плоти» (Leib) как живого тела, составляющего психическую реальность. Во втором разделе третьей главы «Идей II» Гуссерль, взяв пример, когда левая рука касается правой, описал феномен «двойного ощущения», при котором ощущение удваивается в двух частях тела, поскольку каждая из них в точном смысле является для другой внешней вещью, которая прикасается к ней и действует на нее, и каждая из них в то же время является телом. В этом двустороннем жесте человек больше не является изолированным субъектом, переживающим тело как простой объект, человек – плоть, переживающая плоть, одновременно активная и пассивная, конститутивная и рецептивная, дух и материя. Как полагает Кирни, Гуссерль отменил примат зрительного восприятия над осознательным, отдав первенство последнему. После Гуссерля к проблематике телесного обращались и Сартр, и Левинас. Феноменологию осознания как двойного ощущения вывел на новый уровень М. Мерло-Понти. В работе «Видимое и невидимое» он определяет плоть как «хиазм» между мной и миром – обратимое пересечение, которое предшествует всем аналитическим и трансцендентальным разделением между субъектом и объектом, сознанием и вещью.

Плоть – это не просто то, как я как субъект вижу, и не просто то, как меня как объект видят;

...толщина плоти между видящим и вещью является конститутивной, как для видимости, присущей вещи, так и для телесности, присущей видящему; она выступает не преградой между ним и ею, а средством коммуникации².

Пересматривая гуссерлевское понятие «переплетение» (*Verflechtung*), Мерло-Понти переосмысливает плоть как взаимное переплетение между воспринимающим и воспринимаемым.

И, наконец, Поль Рикёр, начинавший в 1950-е годы с феноменологии плоти, вдохновленный Гуссерлем и совершивший затем поворот к тексту, в поздних работах возвращается к возможностям герменевтики плоти. В одной из своих последних крупных работ «Я-сам как другой» (1990) в главе, имеющей название «Самость и инаковость», Рикер определяет плоть как посредницу «между “я” и самим миром, взятом согласно изменчивым условиям практики, а, следовательно, чуждости/странности»³. Как таковая, плоть обнаруживает определенную «глубинную пассивность», когда тело, в глубочайшей интимности своей плоти, подвержено инаковости.

Если Рикёр стремился привить герменевтическую проблему к феноменологическому методу, плотская герменевтика попытается вновь привить феноменологический метод к герменевтической проблематике и напомнить нам, что интерпретация никогда не является невоплощенным актом. Другими словами, наша герменевтика текста обеднеет, если она не будет дополнена феноменологией тела. Мы не должны выбирать между интерпретацией и ощущением, но должны признать, что одно без другого не существует. Ведь опыт, даже самый первичный, – это всегда обретение смысла, активное и интерпретативное взаимодействие с миром, а не пассивное восприятие чувственных данных. Фундаментальные вопросы плотской герменевтики, как пишет Кирни, сосредоточены на том, как тело читает мир:

...как тот или иной, как гостеприимный или враждебный, как привлекательный или отталкивающий, как вкусный или безвкусный, как живой или умирающий [Kearney 2015, p. 15].

²Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / Пер. с фр. О.Н. Шпарага. Мн.: Логвинов, 2006. С. 196.

³Рикёр П. Я-сам как другой: Пер. с фр. М.: Изд-во гуманит. лит., 2008. С. 372.

В этом смысле известная фраза о том, что герменевтика идет «до самого низа», означает весь путь от головы до ног; «избыток смысла», к которому Рикёр стремился привлечь наше внимание, является не только текстовым, но и плотским. Кирни указывает на этимологические корни слова *sapientia*, которое на латыни означает мудрость. Это слово, объясняет Кирни,

...происходит от *sapere* – вкушать. *Sapere-savourer-savoir*. Эта этимологическая связь напоминает нам, что наше глубочайшее знание – это вкус и осязание. Мы впервые познаем мир кончиками наших языков [Kearney 2015, p. 16].

Мы также можем подумать о многослойных значениях слова «смысл» (*sense*) – чувство в обычном понимании физических ощущений (зрение, звук, запах, вкус и осязание), значение (что-то, что «имеет смысл», «смысл» текста) и смысл в первоначальном этимологическом значении направления, относящийся к тому, как мы ориентируемся в пространстве и времени. Подобные этимологии и метафоры указывают на то, что человеческое понимание глубоко воплощено и связано с материальным миром. Свежий взгляд на наши метафоры позволяет понять, что герменевтика XX в. – в частности, в данном случае, работы Рикёра о метафоре, обнаруживающие избыток смысла во второй референции «живых метафор», – не противостоит плотскому повороту, но фактически дополняет его и дополняется им.

В «плотской герменевтике» понятия избытка смысла и зазора играют существенную роль. К ним обращается Б. Тринор в своем эссе «Учесть зазоры». Он пишет:

Там, где есть пробел, есть и избыток: нечто большее, что можно понять. Именно движение или переход туда и обратно через эти зазоры и составляет работу герменевтики [Treanor 2015, p. 73].

Тринор имеет в виду не только зазоры «в тексте и языке: интервалы между сюжетами, *différance* в словах и значениях», но и «плотские, материальные и земные» зазоры, такие как «синаптический зазор между нервами, зазоры между органами чувств и ощущаемыми объектами, различие между телом (*Körper, la chose*) и плотью (*Leib, la chair*)» [Treanor 2015, p. 60]. Подобно тезке герменевтики, Гермесу, «покровителю транспорта и сообщений», задача плотского герменевта – «помнить о зазорах», что означает помнить о избыточных значениях, которые проваливаются сквозь щели, открывающиеся в наших попытках достичь определенности и самопрозрачной

рациональности. Тем самым возникает возможность дополнить герменевтический поворот более глубоким вниманием к тому, как смысл возникает из нашего воплощения. Как отмечает Тринор, это позволяет избежать недостатков постмодернизма, включая желание выйти за пределы антропоцентризма, которое испытывают многие защитники окружающей среды, а также стремление Мишеля Серра и других к более тесному взаимодействию с наукой.

«Плотскую герменевтику» отличает радикальная приверженность к междисциплинарной работе, открывающей философскую герменевтику для плодотворного обмена с другими гуманитарными науками, такими как лингвистика, антропология, теология. По словам Рикёра, одной из важнейших задач для герменевтики XXI в. должен стать диалог с науками. Для «плотской герменевтики» это означает расширение герменевтического круга, в рамках которого часто тексты говорят с текстами, – для привлечения более «трудных» дисциплин, таких как когнитивные науки, нейронауки и другие науки об окружающей среде и жизни. Такая герменевтика стремится переосмыслить в новом ключе загадку плоти, которая веками ставила философов в тупик, и прежде всего осознать, что исследование плоти больше не может ограничиваться феноменологическим описанием человеческого тела, плоть должна быть признана мембраной или средой, соединяющей нас с «плотью мира». Плоть – это именно та грань, где человек встречается с мирами, которые превосходят и манят его – животным миром и окружающей средой, сакральным и профанным. Это место бесконечной передачи информации между собой и чужими, где «избыточный смысл» напоминает нам о том, что мы никогда не можем быть достаточными для самих себя.

Отдельно остановимся на приложении «плотской герменевтики» к религиозной проблематике. «Плотская герменевтика» претендует на то, что она ориентируется как в сакральном, так и в земном, перемещаясь вверх и вниз, переводя послания «сверху» и «снизу». Характерными примерами будут эссе К. МакКендрик и Дж.П. Мануссакиса. В своем эссе «Изначальное дыхание» Кармен МакКендрик распространяет плотскую герменевтику на Бытие 1:1–2, интерпретируя дыхание Бога («дух Божий» в Синодальном переводе) как творческий голос, произносящий текст мира в бытие. Когда мы читаем о духе Божьем, несущемся над «безвидной и пустой» землей, мы можем представить творческое изречение Бога не как простую заповедь, а как

...дыхание, придающее материи суть, а сути – смысл: голос, речь, в которой хаос переходит в форму и песню постоянно возникающего

мира... Мир – это и божественное слово, озвученное землей, и форма земли, сформированная божественным дыханием, несущая на себе след собственной встречи с божественностью [MacKendrick 2015, p. 297].

Такое тео-поэтическое прочтение творения бросает вызов доктрине *creatio ex nihilo*, которая, по мнению феминистских теологов, таких как Кэтрин Келлер, определена не столько библейским текстом, сколько мужским страхом бездны, глубины, чрева – *tohu va bohu u tehom* на иврите⁴. МакКендрик следует этой линии интерпретации. Она пишет:

Если мы воспринимаем творение как дыхание, движущее материю, то есть как говорящий голос – тогда написание также оказывается озвучиванием. Мир становится странной книгой, которая сама является своим соавтором и читает себя вслух, песней, которая сочиняет себя в пении (297).

Это говорение, в свою очередь, создает первых людей, которые говорят друг с другом, с животными и с Богом. И человеческая речь, конечно же, глубоко воплощена:

Вся наша речь – это модуляции дыхания, сырой материал, сформированный, растянутый и разрезанный движениями нашего тела, от диафрагмы до губ, превращенный в звук, выдыхаемый нашим собственным маленьким ветром [MacKendrick 2015, p. 297].

Таким образом, мы снова видим, что «текстуальный поворот» не может быть осуществлен независимо от «плотского поворота». Воплощение, речь и интерпретация слишком тесно переплетены, чтобы можно было провести резкое разделение. Соответственно, прочтение МакКендрика изначального дыхания позволяет нам увидеть творческое дыхание Бога не как развоплощенное Слово, стоящее над телом, но как «дыхание жизни, божественное дыхание, которое как ветер раздувает мир до пригодной для жизни формы» [MacKendrick 2015, p. 304]. И чтобы мы не подумали, что в этот момент МакКендрик позволила голосу преобладать над телом, она поясняет:

Это не просто творение голосом, какой бы аллегорической ни была его форма. Творение становится голосом, взаимодействием ма-

⁴Подробно концепция творения К. Келлер проанализирована в статье: [Коначева 2021, с. 38–60].

терии и дыхания. Движение мира продолжает речь или даже песню. И это тоже дыхание, которое движется в животных и движет всеми животными (людьми тоже), дыхание, которым мы живем [MacKendrick 2015, p. 305].

И снова речь идет не о Слове *или* теле, а о том, что материя всегда состоит из Слова *и* тела.

Дж.П. Мануссакис и в эссе «О плоти слова: инкарнационная герменевтика» [Manoussakis 2015], и в работе «Бог после метафизики» говорит о присущей христианству феноменологии плоти. Он размышляет над утверждением, на котором «христианство стоит или падает»: Слово стало плотью. Он предполагает, что долгая история неправильного прочтения этих слов привела к тому, что мы привыкли мыслить в терминах одухотворения плоти, а не воплощения духа. Здесь проблематика телесности рассматривается в контексте отношения к Другому. По мнению Мануссакиса, наш лучший шанс преодолеть раздробленность, которую навязывает нам человеческая природа, это путь, идущий через наше тело. Именно наше тело преодолевает расстояние, которое продолжает отделять нас от других. Именно наше тело позволяет нам соединиться с Богом. Герменевтика забыла о повелении «примите, ядите, сие есть тело Мое» в пользу текстового размышления, которое привело к маргинализации Евхаристии. Но мы не случайно *вкушаем* Евхаристию, и не случайно литургия принимает форму трапезы, как, например, трапеза, которую устраивает отец в честь возвращения блудного сына: «И приведите откормленного теленка и заколите его; станем есть и веселиться» (Лк. 15:23). Этими дарами мы обладаем благодаря телу, которое Христос взял на Себя в Своем кенотическом труде, чтобы преодолеть расстояние, которое отделяло нас от него. Во Христе Бог – это не просто Бог, который видит (теос), а Бог, который осязает и которого можно осязать, который прикасается и к которому можно прикоснуться. Мануссакис настаивает на том, что спиритуализация представляет собой реальную опасность, которая стремится отменить как воплощение, так и пресуществование Евхаристии. Каждый раз, когда человек принимает причастие, он не меняет хозяина своего тела, но оно изменяет человека – в обратном процессе пищеварения, что является показательным и образцовым примером обратной интенциональности, – в тело Господа. Церковь превращает мир во Христа на каждой литургии. Здесь нет места для «духовности» гнозиса. Именно по этой причине церковь не могла пойти на компромисс ни с одной из версий бессмертия, которые ей предлагала классическая мысль – ни с бессмертием одной только души, ни с реинкарнацией, но настаивала на скандальном и пара-

доксальном понятии воскрешения тел. Без физического тела расстояние, отделяющее нас друг от друга, становится непреодолимым.

Кирни также акцентирует тему Другого в «плотской герменевтике»:

Плотская герменевтика имеет решающее значение... для того, как мы чувствуем тонкие различия между враждебными и гостеприимными незнакомцами [Kearney 2012, p. 180].

По его мнению, сам факт того, что мы ориентированы на проявление для других, утверждает инаковость других. Когда я разговариваю с кем-то другим, «если голос изменится, если в партитуре диалога появится неожиданное», – короче говоря, если человек, с которым я говорю, делает что-нибудь, что показывает, что он живое существо, а не робот, – тогда «внезапно появляется свидетельство того, что и здесь, минута за минутой, живет жизнь» [Kearney 2011, p. 16]. В свете вышесказанного можно отметить, что «плотская герменевтика» – это ответ на важнейший вопрос: «Как мы чувствуем, формируем и расшифровываем другого в нашей среде?» [Kearney 2011, p. 17]. Кирни признает «парадокс воплощения»: людей как «плотских и метафорических существ», как «хозяев и странников во всем их языковом и телесном богатстве» [Kearney 2011, p. 17]. С помощью плотской герменевтики появляется возможность исследовать то, что Кирни называет «диакритическим ощущением» или «диакритическим восприятием», понимая под ним «то, как мы читаем тела, а тела читают нас» [Kearney 2012, p. 181]. Такая герменевтика показывает, что каждое чувство имеет свой собственный уникальный способ познания, который становится делом вкуса – знание становится вкусом, а вкус становится знанием:

Вкус (наряду с обонянием) – самое первичное чувство плотской герменевтики. Самое элементарное. Ибо вкушение уже *ab initio* есть преобразование природы в культуру... Даже самая элементарная культура еды – это способ расчленения нашей Вселенной на хорошую и плохую пищу, сырую и приготовленную, травоядную и плотоядную, враждебную или гостеприимную. Вопросы вкуса часто являются вопросами включения и исключения, даже жизни и смерти [Kearney 2012, p. 181].

Эта центральная роль пищи и вкуса также характерна для великих мировых традиций мудрости. В ряде случаев Кирни предлагает их прочтение, включая ряд отрывков из Священного Писания. Довольно часто это повествования, в которых гостеприимство

по отношению к незнакомцу является центральной темой, как в Быт. 18, где Авраам и Сарра принимают трех странников в Мамре, или в Евангелии от Иоанна, повествующем о том, что воскресший Христос встречает двух учеников на дороге в Эммаус как незнакомец только для того, чтобы быть узнаваемым при преломлении хлеба (Иоанн 20:16). Эти повествования, как «методологическая интерпретация второго порядка» интерпретаций первого порядка, как интерпретаций плотского общения между хозяевами и гостями, открывают нам, по словам Кирни, то, что «с самого начала Слово есть плоть во множестве вариантов» [Kearney 2012, p. 185]. Анализ осязания также демонстрирует нам, что, несмотря на то что радикальное значение воплощения часто замалчивалось в историческом христианстве, оно было там с самого начала. Апостол Павел в своем Послании к Филиппийцам говорит о том, что Христос добровольно отверг свою божественность – свое «равенство с Богом», – чтобы принять человеческое тело, предлагая Себя в качестве целителя для смертных. После своего опустошения (кенозиса) в плоть Христос провел большую часть своей жизни, исцеляя больных, прикасаясь к ним – возлагая руки на слепых, глухих и немых, калек и умирающих. Христос пришел на землю, чтобы прикоснуться к искалеченным. И, что особенно важно, не только Он прикасается к другим, но и сам открыт их прикосновениям (история о кровоточащей женщине, которая хватается за подол плаща Иисуса, уверение Фомы). Все эти евангельские сцены свидетельствуют о том, что Иисус «в высшей степени осязаем, а христианство – это история “двойного ощущения”» [Kearney 2012, p. 75].

Подводя итоги, отметим, что иногда в исследовательской литературе интерпретативные методы позиционируются как опровержение феноменологической методологии, выстраиваются такие проблематичные дихотомии, как: Хайдеггер против Гуссерля, герменевтический круг против феноменологической эпохи, трансцендентальное против экзистенциального и интерпретация против описания. Такие искусственные антиномии опровергаются тем, что герменевтика и феноменология рассматриваются большинством континентальных философов как внутренне-переплетенные аспекты одной общей интеллектуальной традиции. Необходимо подчеркнуть, что эта преэминентность между феноменологической и герменевтической методологией была отодвинута на задний план в постмодернизме предыдущих десятилетий, тотализировавшем интерпретацию в своем отказе от каких-либо онтологических или эпистемологических оснований. «Плотская герменевтика», напротив, обращаясь к традиции Мерло-Понти и Гуссерля, недвусмысленно заявляет о живом

присутствии тела как о неизбежном основании нашего бытия, включая любой акт интерпретации. По словам Рикера, «феноменология и герменевтика остаются предпосылками друг друга»⁵. И именно в плотской герменевтике эта неразрывность наиболее очевидна.

В дискуссиях о священном «плотская герменевтика» позволяет преодолеть чрезмерную спиритуализацию. Религия часто трактуется как относящаяся прежде всего к сфере духовного. Хотя в большинстве религиозных традиций (как христианских, так и нехристианских) Бог действительно является духовным существом, присутствие Бога всегда опосредовано, и можно утверждать, что это опосредование всегда носит материальный характер. Подход к религии только через изучение убеждений, концепций, ценностей и аргументов является односторонним. Религии

...также весьма приземлены, в них затрагиваются вопросы сексуальности, репродукции и семьи, практики, связанные с пищей, жертвоприношениями, вопросами рождения и смерти и т. д. [Jonkers 2013, p. 2].

Человеческое тело всегда задействовано в концепциях и практиках религий.

Представители «плотской герменевтики» показывают, что в христианстве как истории воплощения это явлено с особой силой. Воплощение означает принятие тела, способного осязать и быть осязаемым. Во Христе, как говорит нам Первое послание Иоанна, Бог стал личностью, «которую осязали руки наши». Забыть об этом – значит забыть о послании: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10:10). Как утверждает Кирни, «история христианства, – это история о соприкосновении и разрыве с плотью» [Kearney 2022, p. 80]. Оно теряет эту связь, когда предает истину Слова, ставшего плотью, уклоняясь в сторону антиплотского гностицизма и пуританства. Охота на ведьм и инквизиторское преследование «языческих» земных религий и чувственности были симптомами такого пуританского рвения. И именно эта история подавления тела вызывала гнев Ницше, писавшего о том, что христианству свойственна ненависть к чувствам и радости, что оно оставляет другим тело, желая получить только душу. Но это только половина истории, плотская герменевтика открывает «ана-карнационный» характер христианства, напоминая, что воплощение

⁵Ricoeur P. Phenomenology and hermeneutics // Noûs. 1975. № 9 (1). P. 101.

Христа не заканчивается на кресте, а снова начинается с воскресения. В этом и состоит «эсхатологическое обещание христианства как ана-карнации: воскресение тела, а не только души» [Kearney 2022, p. 83].

Источники

- Аристотель*. О душе // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369–450.
- Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое / Пер. с фр. О.Н. Шпарага. Мн.: Логвинов, 2006. 400 с.
- Рикёр П.* Я-сам как другой: Пер. с фр. М.: Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с.
- Ricoeur P.* Phenomenology and hermeneutic // *Noûs*. 1975. № 9 (1). P. 85–102.

Литература

- Коначева 2021 – *Коначева С.А.* От *creatio ex nihilo* к *creatio ex profundis*: переосмысление доктрины творения в постметафизической теологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39. № 2. С. 38–60.
- Jonkers 2013 – *Embodiment of religion*, Proceedings of the 2012 Conference of the European Society for Philosophy of Religion / Ed. by P. Jonkers, M. Sarot. Utrecht: *Ars Disputandi*, 2013. 306 p.
- Kearney 2011 – *Kearney R. and Semonovitch K.* At the Threshold: Foreigners, Strangers, Others // *Phenomenologies of the Stranger: Between Hostility and Hospitality* / Ed. by R. Kearney, K. Semonovitch. New York: Fordham University Press, 2011. P. 2–29.
- Kearney 2012 – *Kearney R.* Diacritical Hermeneutics // (eds.) *Hermeneutic Rationality / La rationalite hermeneutique* / Ed. by M. Portocarrero, L. Umbelino, A. Wiercinski. Berlin: Lit Verlag. P. 177–196.
- Kearney 2015 – *Kearney R.* The Wager of Carnal Hermeneutics / Ed. by R. Kearney, B. Treanor. New York: Fordham University Press, 2015. P. 15–56.
- Kearney 2022 – *Kearney R.* Touch. Recovering our most vital sense. New York: Columbia University Press, 2015. 202 p.
- MacKendrick 2015 – *MacKendrick K.* Original Breath / Ed. by R. Kearney, B. Treanor. New York: Fordham University Press, 2015. P. 295–305.
- Manoussakis 2015 – *Manoussakis J.P.* On the Flesh of the Word: Incarnational Hermeneutics // *Carnal Hermeneutics* / Ed. by R. Kearney, B. Treanor. New York: Fordham University Press, 2015. P. 306–316.
- Treanor 2015 – *Treanor Br.* Mind the Gap: The Challenge of Matter // *Carnal Hermeneutics* / Ed. by R. Kearney, B. Treanor. New York: Fordham University Press, 2015. P. 57–76.

References

- Jonkers, P. and Sarot, M. (eds.) (2013), *Embodiment of religion, Proceedings of the 2012 Conference of the European Society for Philosophy of Religion*, Ars Disputandi, Utrecht, Netherlands.
- Kearney, R. and Semonovitch, K. (2011), “At the Threshold: Foreigners, Strangers, Others”, Kearney, R. and Semonovitch, K. (eds.), *Phenomenologies of the Stranger: Between Hostility and Hospitality*, Fordham University Press, New York, USA, pp. 2–29.
- Kearney, R. (2012), “*Diacritical Hermeneutics*”, Portocarrero, M., Umbelino, L. and Wiercinski, A. (eds.), *Hermeneutic Rationality / La rationalite hermeneutique*, Lit Verlag, Berlin, Germany, pp. 177–196.
- Kearney, R. (2015), “The Wager of Carnal Hermeneutics”, Kearney, R. and Treanor, B. (eds.), *Carnal Hermeneutics*, Fordham University Press, New York, USA, pp. 15–56.
- Kearney, R. (2022), *Touch. Recovering our most vital sense*, Columbia University Press, New York, USA.
- Konacheva, S.A. (2021), From *creatio ex nihilo* to *creatio ex profundis*. Rethinking the Doctrine of Creation in Postmetaphysical Theology”, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 2 (39), pp. 38–60.
- MacKendrick, K. (2015), “Original Breath”, Kearney, R. and Treanor, B. (eds.), *Carnal Hermeneutics*, Fordham University Press, New York, USA, pp. 295–305.
- Manoussakis, J.P. (2015), “On the Flesh of the Word: Incarnational Hermeneutics”, Kearney, R. and Treanor, B. (eds.), *Carnal Hermeneutics*, Fordham University Press, New York, USA, pp. 306–316.
- Treanor, Br. (2015), “Mind the Gap: The Challenge of Matter”, Kearney, R. and Treanor, B. (eds.), *Carnal Hermeneutics*, Fordham University Press, New York, USA, pp. 57–76.

Информация об авторе

Светлана А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; konacheva@mail.ru

Information about the author

Svetlana A. Konacheva, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; konacheva@mail.ru

Нарративная теология Э. Юнгеля и философия имени А.Ф. Лосева

Максим А. Пылаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, maximpylaev@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена попытке соотнесения мышления бытия и веры Откровения в современной немецкой евангелической теологии и в русской религиозной философии на примере творчества Э. Юнгеля и А.Ф. Лосева. Автор выявляет уникальность концепции Слова Бога Юнгеля в сопоставлении с событийной природой Слова Бога у К. Барта. Теория нарратива евангельской притчи Юнгеля осмысливается в статье в перспективе поиска общего и особенно с философией символической реальности имени у А. Лосева. Юнгель продумывает событийную природу Откровения как Слова Бога, предложенную К. Бартом, используя фундаментальную онтологию М. Хайдеггера. Он развивает теологическую герменевтическую онтологию, в которой событие Слова Бога обретает черты евангельского нарратива притчи. По мере деструкции, основанной на идее метафизического абсолюта дискурсивной теологии, с точки зрения немецкого мыслителя, свои позиции завоевывает нарративная теология. Для немецкого теолога ядро христианской керигмы – смерть Бога – органически связано с традицией философского атеизма XIX в. и раскрывается в ней не в меньшей степени, чем в теологии и религиозной философии. Русский философ обращается к диалектике Г. Гегеля и феноменологии Э. Гуссерля в понимании события Откровения Бога. Однако пытается встроить их в модель неоплатонической метафизики, из которой они, по его мнению, образовались. Лосев в той мере, в какой он является метафизиком, исходит в концепции имени, в отличие от Юнгеля, из принципа аналогии бытия, а не аналогии веры. Имя для русского философа – это не рассказ, а энергия (сила), обладающая онтологической природой. Имя у него отражает сущность, а не описывает событие. Лосев возвращается назад в Античность, чтобы при помощи концепции символа реанимировать неоплатоническую метафизику, похоронив в ней Платона и неметафизические формы мышления христианской керигмы. Теология Юнгеля фундирует словоцентризм протестантского культа, вносит вклад в экспликацию нововременного образа христианства в протестантизме. Лосев, в свою очередь, не берется

эксплицировать вне метафизики антично-средневековую мистериальную природу христианского культа в православии. Ему необходимо передать в своей философско-богословской мысли не только вербальный аспект события Откровения. Для выражения эстетического и мистического измерения Откровения русский философ привлекает метафизику всеединства с идеей неизменяемого Абсолюта.

Ключевые слова: теология, притча, нарратив, символ, имя, Слово Бога, А. Лосев, Э. Юнгель, К. Барт

Для цитирования: Пылаев М.А. Нарративная теология Э. Юнгеля и философия имени А.Ф. Лосева // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 43–55. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-43-55

Narrative theology of E. Jungel and the philosophy of the name of A.F. Losev

Maksim A. Pylaev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia, maximpylajew@mail.ru*

Abstract. The article is concerned with an attempt to correlate the thinking of being and faith of Revelation in modern German evangelical theology and in Russian religious philosophy on the example of the work of E. Jungel and A.F. Losev. The author reveals the uniqueness of Jungel's concept of the Word of God in comparison with the event nature of the Word of God by K. Barth. Jüngel's narrative theory of the Gospel parable is comprehended in the article in the perspective of finding common ground and especially with the philosophy of symbolic reality, of the name by A. Losev. Jungel thinks through the event nature of Revelation as the Word of God proposed by K. Barth, using the fundamental ontology of M. Heidegger, He develops a theological hermeneutic ontology in which the event of the Word of God acquires the features of the Gospel narrative of the parable. As discursive theology, based on the idea of the metaphysical absolute, is destroyed from the German thinker's point of view, narrative theology wins its positions. For the German theologian, the core of the Christian kerygma – the death of God – is organically linked to the tradition of nineteenth-century philosophical atheism and is revealed in it no less than in theology and religious philosophy. The Russian philosopher refers to Hegel's dialectics and Husserl's phenomenology in understanding the event of God's Revelation. However, he tries to integrate them into the model of Neoplatonic metaphysics, from which, in his opinion, they were formed. Losev, to the extent that he is a metaphysician, proceeds in the concept of name, unlike

Jungel, from the principle of the analogy of being rather than the analogy of belief. The name for the Russian philosopher is not a story, but an energy (force) that has an ontological nature. With him, the name reflects essence rather than describing an event. Losev goes back to Antiquity to reanimate Neoplatonic metaphysics by means of the concept of the symbol, burying in it Plato and the non-metaphysical forms of thinking of the Christian kerygma. Jungel's theology funds the word-centrism of the Protestant cult and contributes to the explication of the new-modern image of Christianity in Protestantism. Losev, for his part, does not undertake to explicate beyond metaphysics the antique-medieval mystery nature of the Christian cult in Orthodoxy. He needs to convey in his philosophical and theological thought not only the verbal aspect of the event of Revelation. In order to express the aesthetic and mystical dimension of Revelation, the Russian philosopher engages the metaphysics of all-encompassing unity with the idea of an unchanging Absolute

Keywords: theology, parable, narrative, symbol, name, God's Word, A. Losev, E. Jungel, K. Barth

For citation: Pylaev, M.A. (2023), "Narrative theology of E. Jungel and the philosophy of the name of A.F. Losev", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 43–55, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-43-55

Христос – это слезы человечества,
развернувшиеся в поразительный рассказ,
поразительное событие.

В.В. Розанов

Теология Слова Бога К. Барта и нарративная теология Э. Юнгеля¹

Современный немецкий протестантский теолог Э. Юнгель предложил в своей основополагающей работе «Бог как тайна мира» проект нарративной теологии. Она должна прийти на смену традиционной дискурсивной теологии и позволить мыслить Бога и говорить о Боге в секулярную эпоху, используя достижения как теизма, так и атеизма. Речь идет о попытке оправдать христианскую керигму в контексте идеи «смерти» Бога Г. Гегеля и Ф. Ницше. Для Юнгеля именно евангельские притчи как особый нарратив позво-

¹Пионером российского юнгелеведения является С.А. Коначева, см. [Коначева 2010, с. 298–316; Коначева 2019].

ляют говорить о Боге как о Боге и о мире как о мире, в котором присутствует Бог. Именно и только притчи как особый нарратив, использующий язык метафор, выступают выражением аналогии веры и через участие в событии Слова Бога преодолевают устаревшие способы мышления Бога как идеи, представленные прежде всего в метафизике. Событие Слова Бога соответствует Богу тем, что позволяет Ему прийти. Поэтому богословие занимается языком, который когерентен распятому Иисусу Христу. В событии, как событии Слова, Бог говорит так, что передает себя. Теологическая ответственность мышления заключается в ответственности слова, которое не добавляется к Богу как то, о чем нужно думать только потом, но в котором Бог присутствует как Бог. Поэтому это слово называется Словом Божиим. Для Юнгеля язык, соответствующий истории – это язык повествования. Язык, соответствующий повороту истории, является нарративом.

Большое влияние на теологию Юнгеля оказал К. Барт. Не одну статью Юнгель посвятил творчеству своего учителя². Автор работы «Бог как тайна мира» идет по пути своеобразной онтологизации концепции Слова Бога позднего К. Барта. В идее «беспочвенности» Бога у Юнгеля смыкаются две перспективы: фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и абсолютной суверенности Слова Бога у К. Барта.

У К. Барта Бог принимает непостижимое для нас суверенное решение стать событием своего Слова³. Для К. Барта Слово Бога и есть Бог в его Откровении. Юнгель связывает свободное решение Бога стать событием своего Слова с отношением Бога к бытию и небытию. Он «беспочвенен» потому, что решает между бытием и небытием. Тем самым Бог не зависит от бытия или небытия. Вопрос о бытии ведет, по Юнгелю, к Богу, но не в качестве необходимой причины бытия [Jüngel 1977, S. 39]. Немецкий теолог, следуя за Хайдеггером, выводит Бога за границы причины сущего, за границы метафизического Абсолюта. Он утверждает мирскую «беспочвенность» Бога, эксплицируя его в бытии самоопределяющегося события. Юнгель выражает эту идею в метафоре «Бог приходит от Бога». Бытие Бога для Юнгеля, как, например, и для прот. Сергия Булгакова, есть не сущность, а отношение. Речь идет о коммуникации в жертвенной любви. Юнгель переформатирует концепцию Слова Бога К. Барта в перспективе нового «места» пребывания Бога и новой формы мышления Бога в качестве альтернативы всем

²См: [Jüngel 1982].

³Barth K. Kirchlische Dogmatik. München: Chr. Kaiser Verlag, 1932. Bd. 1. S. 215.

видам метафизического мышления Бога. У К. Барта событие Слова Бога – это трансцендирующая речь Бога, деятельность Бога и тайна Бога. Слово Бога обладает характером *Anrede* (обращения), то есть оно духовно, лично и коррелирует со слушанием. Оно выступает намерением (*Absichtlichkeit*) Бога и реализует открытость Бога (*Weltlichkeit*) в его сокрытости⁴.

Мышление Бога, по Юнгелю, вытекает из события его Слова. Бог мыслится только как говорящий, то есть раскрывающий себя, присутствующий. Слово Бога у Юнгеля проливает свет на проблему бытия и небытия, возможности и действительности. В перспективе онтологии Слова Бога Юнгель трансформирует метафизическое мышление, в первую очередь метафизику Аристотеля. Бытие Бога понимается немецким теологом не только в единстве с преходящим, но в Слове Бога соединяются реальность бытия и возможность небытия, прошлое, настоящее и будущее [Jüngel 1977, S. 257].

Как и у К. Барта, у Юнгеля Слово Бога – это всегда новый (эсхатологический) способ присутствия Бога. И если у К. Барта событие Слова Бога творит историю и не зависит от логики исторического процесса или структуры космоса, то у Юнгеля Слово Бога прерывает реальность, делает возможным опыт настоящего, отстраняет человека от его «здесь и сейчас». По Юнгелю, Слово Бога становится «актуальным ядром» исторической реальности. К. Барт использует платоническую модель времени в концепции Слова Бога. Вечность у него выступает суверенной по отношению ко времени реальностью. Концепция темпоральности Юнгеля выглядит более оригинальной. Как мы уже отметили, Слово Бога мыслится в связи с бытием и небытием, становящимся прошлым и будущим. В противоположность К. Барту Юнгель мыслит Бога в единстве с преходящим. Создатель нарративной теологии преодолевает аристотелевское, как он считает, негативное отношение к преходящему. Возможность для Юнгеля следует воспринимать в качестве позитивности преходящего. Возможность – это способность становиться. По Юнгелю, Слово Бога сохраняет прошлое, настоящее и будущее как изначальное сосуществование [Jüngel 1977, S. 291]. Преходящее в дискурсе немецкого теолога – это спор между бытием и небытием. Подобная онтология получает обоснование в коммуникативной природе Слова Бога. Бог связан с небытием посредством любви. Он противник небытия, но он творчески относится к небытию, выходит из себя в небытие [Jüngel 1977, S. 301]. Юнгель пишет:

⁴См.: [Пылаев 2017, с. 116–117].

Понимать Бога как любовь – это значит думать о нем как о самокоммуникации [Jüngel 1977, S. 355].

Именно мышление Бога как любви осуществляется на основе его высказываемости (Sagbarkeit), т. е. на основе соответствия между Богом и человеком, которое обеспечил сам Бог. Поэтому нарративная теология должна прийти на смену дискурсивной теологии. Для К. Барта любой человеческий язык, даже нарратив притчи, не может открыть путь к богопознанию. Бог только касается границы экзистенции человека, не касаясь ее. По Юнгелю:

Мышление, которое хочет понять Бога, всегда отбрасывается назад к повествованию [Jüngel 1977, S. 414].

Притча для Юнгеля выражает событие Слова Бога. В своем языковом движении притча направлена на конкретное представление процесса. Она включает в себя обновление языка. Притча говорит с нами с помощью метафор и подобий. Аналогия между божественным и человеческим осуществляется через язык и в языке и определяется отношением между новым и привычным. По Юнгелю, притча включает слушателя в процесс открытия. Открытие имеет характер события открытия.

Изначальное языковое единство свободы и ограничения есть сущность аналогии [Jüngel 1977, S. 397] –

подчеркивает Юнгель. Притча обозначает для него язык веры. Метафоры включают в речь больше, чем в ней есть на самом деле. Метафора, по Юнгелю, основана на катахрезе, которая делает обычное словоупотребление необычным. Но притча не выходит за пределы реальности, а входит в нее. Юнгель пытается разрешить проблему свободы и ограничения в рамках сущности аналогии. Притчи в старом открывают новое. Они, полагает Юнгель, выступают герменевтической моделью для приближения Царства Божия. Теолог отмечает:

В конце притчи Царство Божие само приходит к слушателю, если он позволяет себе быть собранным в притчу [Jüngel 1977, S. 400].

Притча утверждает принципиальное различие мира и Бога. Юнгель подчеркивает, что

притча – это конкретное языковое воплощение аналогии, существующей между Богом и человеком... [Jüngel 1977, S. 406].

Он описывает *analogia fidei* в категориях сходства и несходства. На наш взгляд, это языковая интерпретация бартианской диалектики «наглядного» (*anschaulich*) (т. е. исторического, временного, понятного, непосредственно переживаемого) и «ненаглядного» (*unanschaulich*) (т. е. неэмпирического, таинственного, божественного). Нарратив притчи, по Юнгелю, включает человека в историю и противостоит мышлению, конституированному эгоизмом «я мыслю». Дискурсивное богословие может стать нарративным только через дискурсивную теорию нарратива.

Нарративная теология Э. Юнгеля и философия имени А.Ф. Лосева

А.Ф. Лосев, в той мере, в какой он является метафизиком, исходит в концепции имени, в отличие от Э. Юнгеля, из принципа аналогии бытия. Имя для русского философа – это не рассказ, а энергия (сила), обладающая онтологической природой.

Всякая энергия сущности есть, стало быть, язык, на котором говорит сущность с окружающей ее средой⁵, –

подчеркивает Лосев. Имя у него отражает сущность, а не описывает событие. Само именование для Лосева представляет, как указывает Л.А. Гоготишвили [Гоготишвили 1993, с. 835], «онтологический процесс». Неоплатоническая метафизика у русского философа выводит, как справедливо утверждает А.И. Резниченко [Резниченко 2014], язык за границы «касания божественного и тварных миров». У Юнгеля притча как нарратив, как мы писали, направлена на представление процесса, на событие через языковое движение. Слушатель включен в событие открытия новой реальности. Он входит через нарратив в эту реальность. Сама притча для Юнгеля становится катахрезой для события приближения Бога. Познание Откровения Бога возможно только потому, что Бог воплотился, и поэтому человеческая речь применима к Богу.

Оба мыслителя критически относятся к проекту философии Нового времени. Для Лосева он разрывает связь между явлением и сущностью. Для Юнгеля – нарушает единство сущности и существования в Боге, вставляя между ними мышление человека [Jüngel 1977, S. 136]. Но они совершенно по-разному пытаются преодолеть

⁵Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 81.

«противоречия» философии Нового времени. Юнгель движется вперед к новой концепции нарративного языка Откровения Бога. Лосев возвращается назад в Античность, чтобы при помощи концепции символа реанимировать неоплатоническую метафизику, похоронив⁶ в ней Платона и неметафизические формы мышления христианской керигмы.

Христианизированный Лосевым неоплатонизм воплощает метафизическую идею реализации смысла на разных уровнях бытия, опираясь на антично-средневековое допущение о том, что не существует явления без сущности и сущности без явления. «Все бытие есть то более мертвые, то более живые слова. Космос – лестница разной степени словесности. Человек – слово, животное – слово, неодушевленный предмет – слово. Ибо все это – смысл и его выражения»⁷, – отмечает русский философ. Но философия Нового времени успешно описывает процесс познания, например в феноменологической философии, в которой не предполагается противопоставление сущности и явления, но речь идет о феномене как демонстрации сущности. Можно напомнить также о типах научного дискурса, обходящихся без жесткой связи между явлением и сущностью или просто демонстрирующих явление без сущности.

Для Юнгеля концепт «смерти Бога» от Евангелия и до Ницше заставляет расстаться метафизику и христианство. «Метафизическая идея Бога подавляет мысль и поэтому должна быть отброшена как невысказанная» [Jüngel 1977, S. 279], – утверждает немецкий теолог. Только Реформация поставила вопрос о «смерти Бога» в качестве ключевого для понимания бытия Бога. Ответы на этот вопрос лишили своей авторитетности метафизическое понятие Бога. Бога возможно мыслить только из смерти Иисуса Христа. Немецкий теолог описывает историю разрушения Бога метафизики по мере осмысления смерти Иисуса Христа. Первый шаг делает Гегель. В понятии «смерть Бога» он абсолютизирует конечное. Абстрактная бесконечность (Абсолют в прошлом) превращается в пустую негативность, становится лишь моментом Абсолюта [Jüngel 1977, S. 120].

Следующий шаг в истории разрушения Бога метафизики, по Юнгелю, совершает Ф. Ницше (схема Юнгеля невозможна без рецепции хайдеггеровской интерпретации Ницше как последнего метафизика). Немецкий теолог полагает, что Ницше пытался по-

⁶На наш взгляд, Лосев с двух сторон уничтожает Платона. Во-первых, с позиции неоплатонизма. Во-вторых, с точки зрения мифа.

⁷Лосев А.Ф. Философия имени. С. 127.

нять бытие Бога из его единства с преходящим. Вывод Ницше по Юнгелю заключается в том, что нельзя мыслить Бога в единстве с преходящим, не аннулируя метафизическую идею Бога [Jüngel 1977, S. 133, 202]. Традиция философского атеизма XIX в., по Юнгелю, укоренена в метафизике Р. Декарта. Эта метафизика, как мы уже писали, помещает между сущностью и существованием Бога *cogito*. Тем самым достоверность бесконечного (Бога) обосновывается в конечном *cogito*.

Лосев осовременивает неоплатонизм концепцией всеединства. Как пишет Тереза Оболевич о концепции символа у Лосева:

Любая вещь, данная в своих интерпретациях, есть символ Перво-сущности, таким образом, одна отсылает к другой вещи, а все вместе и порознь к «неназываемому всеобъемлющему Первоимени» [Оболевич 2014, с. 261].

Эманация для него есть выражение смысла или энергии, которая несет в себе решительно всю определенность вещи: «Энергия сущности есть смысловая изваянность сущности, неотделимая от самой сущности, но отличная от нее»⁸. Взаимосвязь между сущностью и энергией (а она ассиметрична: сущность есть нечто большее, чем энергия) в Боге выступает прототипом символизации для всех других взаимосвязей. «Если сущность – имя и слово, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и слова»⁹, – утверждает Лосев.

Русский философ смотрит на философию Нового времени как на «опустошенную ангелологию» (в его версии христианского неоплатонизма ангелы заключают в себе эйдосы). Лосев пишет:

«Категории» Канта, понятие Гегеля, «эйдос» Гуссерля, «гипотеза» Когена и Наторпа, несомненно, есть только внутренне опустошенная ангелология¹⁰.

Однако, несмотря на все усилия, Лосеву, на наш взгляд, не удастся вписать в антично-христианскую неоплатоническую метафизику ни диалектику Гегеля, ни феноменологию Гуссерля.

Мышление Бога, по Юнгелю, отсылает нас к мышлению, которое по своей природе, как и мышление Лосева, является антикартезианским. Оно не проникает между сущностью и существованием

⁸ Лосев А.Ф. Философия имени. С. 143.

⁹ Там же. С. 127.

¹⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 377.

Бога в отличие от cogito Декарта. Вера гарантирует возможность мышления Бога в единстве его сущности и существования. Местом мышления Бога, который вытеснен из мира и становится «безместным» (Ortlosigkeit), выступает Слово Бога. Бог мыслится не в качестве метафизического Абсолюта, но как говорящий («живой») Бог. Слово Бога становится навязыванием серьезного отношения к Богу как говорящему. В момент распознавания мышление переживает себя, по Юнгелю, как уже распознавшее. Вере в мышлении Бога принадлежит конституирующая функция. Бог является причиной разговора. Вера выступает экзистенциальным отношением к говорящему. Слушая Слово Бога, человек приближается к себе [Jünger 1977, S. 205, 206, 210, 215].

Нарративная теология Э. Юнгеля и диалектика мифа А.Ф. Лосева

Сравнительный анализ нарративной теологии Э. Юнгеля и концепции мифа А. Лосева демонстрирует не только диаметрально противоположность установок мыслителей, но и элементы единства их позиций. Немецкий богослов концептуализирует Бога в категориях жизни, свободы, любви, становления, возможности, изменения, события и Слова. Русский философ, осмысляя Бога, предпочитает использовать понятия сущности, смысла, действительности, неизменности.

Присутствие сакральной реальности для Юнгеля неразрывно связано с нарративом притчи. Событийно-словесная действительность Бога отражается в историческом повествовании, в нарративном бытии. Для Лосева миф не является только смысловым, литературным способом бытия. Это конкретная, чувственно-воспринимаемая жизненная реальность.

Притча, по Юнгелю, основана на катахрезе, что позволяет приблизиться к Богу в языке. Чтобы явилось новое и неожиданное, притча отрешается от традиционной лексики. Миф в концепции русского философа предполагает отрешенность от смысла вещи. В этом отношении он противопоставляет отрешенности в литературе как отрешенности от факта вещи.

У Юнгеля Бог присутствует в нарративе в качестве особой, диалогической речи, основанной на метафорах. Для Лосева миф выступает символически осуществленной интеллигенцией, реальностью смысла. Он обладает природой символа.

Личность понимается Юнгелем в контексте человечности Бога. Она предполагает способность к речи, экзистенциальному

пониманию, трансцендированию, обладает формой бытия в любви. У Лосева миф выступает формой энергийного самоутверждения личности. Это не просто личностный нарратив, но совпадение идеального и конкретно-исторического планов личности, т. е. своеобразная форма персоналистской метафизики¹¹.

Принципиальное расхождение позиций Юнгеля и Лосева в их рефлексии над сущностью христианства связано с противоположным отношением к культуре Нового времени в рамках их общего антикартезианства. Для немецкого теолога ядро христианской керигмы – смерть Бога – органически связано с традицией философского атеизма XIX века и раскрывается в ней не в меньшей степени, чем в теологии и религиозной философии. Русский философ также обращается к диалектике Гегеля и феноменологии Гуссерля в деле понимания события Откровения Бога, однако пытается встроить их в модель неоплатонической метафизики, из которой они, по его мнению, образовались. Юнгель успешно, на наш взгляд, продумывает событийную природу Откровения как Слова Бога, предложенную К. Бартом, используя фундаментальную онтологию М. Хайдеггера. Юнгель развивает теологическую герменевтическую онтологию, в которой событие Слова Бога обретает черты евангельского нарратива притчи. По мере деструкции, основанной на идее метафизического абсолюта дискурсивной теологии, с точки зрения немецкого мыслителя, свои позиции будет завоевывать нарративная теология.

Теология Юнгеля фундирует словоцентризм протестантского культа, вносит вклад в экспликацию нововременного образа христианства в протестантизме. Лосев, в свою очередь, не берется эксплицировать вне метафизики антично-средневековую мистериальную природу христианского культа в православии. Ему необходимо передать в своей философско-богословской мысли не только вербальный аспект события Откровения. Для выражения эстетического и мистического измерения Откровения русский философ привлекает метафизику с идеей неизменяемого Абсолюта. Нельзя не отметить, что в XX в. успешно развиваются формы теологии, предполагающие бытийный модус эстетического и мистического изводов Откровения, вне метафизики. Например, в теологической эстетике Г. Бальтазара или Ж. Мануакиса.

¹¹ См.: *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 400, 401, 431, 448, 452, 484, 548.

Источники

- Barth K.* Kirchlische Dogmatik. München: Chr. Kaiser Verlag, 1932. Bd. 1. 524 s.
- Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

Литература

- Гоготшвили 1993 – *Гоготшвили Л.А.* Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. М.: Мысль, 1993. С. 906–923.
- Коначева 2010 – *Коначева С.А.* Бытие. Священное. Бог. М.: РГГУ, 2010. 352 с.
- Коначева 2019 – *Коначева С.А.* Христологическая интерпретация Откровения в герменевтической теологии Э. Юнгеля // Философия религии: аналитические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 79–91.
- Оболевич 2014 – *Оболевич Т.* От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. М.: ББИ, 2014. 443 с.
- Пылаев 2017 – *Пылаев М.А.* Философские дискурсы в диалектической теологии и в теологии Слова Бога Карла Барта // Богословские размышления. 2017. Выпуск 19. С. 12–127.
- Резниченко 2014 – *Резниченко А.И.* Онтология языка у А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова. URL: <https://russophile.ru/2014/07/17/a-и-резниченко-онтология-языка-у-а-ф-л/> (дата обращения 18 июля 2023).
- Jüngel 1977 – *Jüngel E.* Gott als Geheimnis der Welt. Tübingen: Mohr, 1977. 564 s.
- Jüngel 1982 – *Jüngel E.* Barth-Studien. Zürich-Köln: Benziger Verlag, Guterlocher Verlagshaus Gerd Mohn, 1982. 347 s.

References

- Gogotshvili, L.A. (1993), “Religious-philosophical status of language”, Losev, A.F. *Bytie – Imya – Kosmos* [Being – Name – Cosmos], Mysl’, Moscow, Russia, pp. 906–923.
- Jüngel, E. (1982), *Barth-Studien*, Benziger Verlag, Guterlocher Verlagshaus Gerd Mohn, Zürich-Köln, Germany.
- Jüngel, E. (1977), *Gott als Geheimnis der Welt*, Mohr, Tübingen, Germany.
- Konacheva, S.A. (2010), *Bytie. Svyashchennoe. Bog.* [Being, Sacred, God], RGGU, Moscow, Russia.
- Konacheva, S.A. (2019), “The Christological interpretation of Revelation in E. Jungel’s hermeneutical theology”, *Philosophy of Religion: Analytical studies*, vol. 3, no. 1, pp. 79–91.

- Obolevich, T. (2014), *Ot imjaslaviya k estetike. Kontsepsiya simvola Alekseya Loseva* [From imjaslavija to aesthetics. Alexey Losev's Concept of the Symbol], BBI, Moscow, Russia.
- Pylaev, M.A. (2017), "Philosophical discourses in dialectical theology and in Karl Barth's theology of the Word of God", *Theological Reflections*, iss. 19, pp. 12–127.
- Reznischenko, A.I. (2014), *Ontologiya yazyka u A.F. Loseva, P.A. Florenskogo i S.N. Bulgakova* [The ontology of language in A.F. Losev, P.A. Florensky and S.N. Bulgakov], available at: <https://russophile.ru/2014/07/17/a-и-резниченко-онтология-языка-у-а-ф-л/> (Accessed 18 July 2023).

Информация об авторе

Максим А. Пылаев, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б; max-impylajew@mail.ru.

Information about the author

Maksim A. Pylaev, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia; bld. 23 B, Novokuznetskaya Street, Moscow, Russia, 115184; maximpylajew@mail.ru

УДК 82.091

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-56-66

Размышления
в связи с прочтением книги Терезы Оболевич
«Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре»
(Зелена Гура: Uniwersytet Zielonogórski, 2023. 531 с.)

Оксана А. Назарова

*Институт персонального тренинга и консультирования
Мюнхен, Германия, ap-image@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены размышления, на которые натолкнуло знакомство с новой книгой польской исследовательницы творчества С.Л. Франка проф. Терезы Оболевич, поставившей перед собой задачу оправдать его дефиницию как «самого европейского» из русских мыслителей. Обращается внимание на тот обширный эмпирический материал, посредством которого автор демонстрирует включенность философа в европейские культурные сферы, а также его интегральные связи с эмигрантской средой. Анализу подвергаются инновативные методы работы исследовательницы, при помощи которых она выполняет поставленную задачу, а также инновативные источники информации, на которые она опирается. Подчеркивается, что новейшая книга Оболевич – на примере лекционных турне Франка по Западной Европе – помогает осмыслить такую «нетрадиционную» форму выражения философского мышления, как публичная лекция. Ставится вопрос о том, насколько правомерно использование эпистолярного наследия философа в качестве источника информации. Указывается на неизбежность междисциплинарного взаимодействия в целях его осмысленного вовлечения в историко-философское исследование. Путем прояснения феномена эмиграции доказывается легитимность авторского тезиса о том, что включенность в эмигрантскую среду является демонстрацией интеграции С.Л. Франка в западноевропейский культурный контекст.

Ключевые слова: Т. Оболевич, С.Л. Франк, методология историко-философского анализа, русская эмиграция, публичная лекция, эпистолярное наследие

Для цитирования: Назарова О.А. Размышления в связи с прочтением книги Терезы Оболевич «Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре» (Зелена Гура: Uniwersytet Zielonogórski, 2023. 531 с.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 56–66. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-56-66

© Назарова О.А., 2023

Reflections on reading a book Teresa Obolevich
“Semyon Frank in European and emigrant culture”
(Zielona Gora: Uniwersytet Zielonogórski, 2023. 531 p.)

Oksana A. Nazarova

Institute of Personal Training and Consulting, Munich, Germany
ap-image@mail.ru

Abstract. The article presents reflections prompted by the acquaintance with the new book by the Polish researcher of works by S.L. Frank Prof. Teresa Obolevich, who set herself the task of justifying his definition as “the most European” of Russian thinkers. Attention is drawn to the extensive empirical material through which the author demonstrates the philosopher’s involvement in European cultural spheres, as well as his integral connections with the emigrant environment. The researcher’s innovative methods of work, with the help of which she performs the task, as well as the innovative sources of information on which she relies are subject to analysis. It is emphasized that Obolevich’s newest book, using the example of Frank’s lecture tours in Western Europe, helps to comprehend such an “unconventional” form of expression of philosophical thinking as a public lecture. The question is raised about how legitimate it is to use the philosopher’s epistolary heritage as a source of information. The inevitability of interdisciplinary interaction is pointed out for the purpose of its meaningful involvement in historical and philosophical research. Clarifying the phenomenon of emigration serves as a proof for the legitimacy of the author’s thesis that inclusion in the emigrant environment is a demonstration of integration of S.L. Frank into the Western European cultural context.

Keywords: T. Obolevich, S.L. Frank, methodology of philosophical analysis, Russian emigration, public lecture, epistolary heritage

For citation: Nazarova, O.A. (2023), “Reflections on reading a book Teresa Obolevich ‘Semyon Frank in European and emigrant culture’ (Zielona Gora: Uniwersytet Zielonogórski, 2023. 531 p.)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 56–66, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-56-66

Особенностью современного этапа исследования творчества Семена Людвиговича Франка является его персоналистичность, т. е. обращение к личности философа, подробное исследование различных этапов его жизни, реконструкция его творческой биографии. Долгое время единственным исследованием, в котором Франк предстал перед нами как живой человек, проживавший свою жизнь с ее горестями и радостями, была книга Филиппа Буббайера

[Буббайер 2001], написанная на основе книги самого Франка «Биография П.Б. Струве»¹, которая была наполнена конкретным биографическим материалом, полученным из общения с родственниками Семена Людвиговича и благодаря работе с архивами.

Задачу тщательного и – по возможности – максимально детального воссоздания жизни и деятельности Франка в период эмиграции поставила перед собой польская исследовательница-франковед проф. Тереза Оболевич. Ее работы², посвященные немецкому периоду жизни и творчества Франка [Цыганков, Оболевич 2019], «голландскому эпизоду» его философской биографии [Цыганков, Оболевич 2020], участию Франка в философских конгрессах в Польше [Оболевич 2015] и в Праге [Оболевич 2022], уже известны широкому кругу читателей и востребованы специалистами.

Цель ее новой книги «Семен Франк в европейской и эмигрантской культуре», в которой собраны наряду с уже опубликованными текстами³ также и новые материалы, состоит в том, чтобы продемонстрировать его включенность в европейский культурный контекст. Стремление для исследователя творчества одного из «самых европейских» русских мыслителей» вполне логичное. Однако если другие историки философии, например Петер Элен, раскрывали духовную связь Франка с лучшими представителями религиозно-философской культуры Западной Европы, используя при этом умозрительный метод исследования, то есть демонстрируя ментальную укорененность самого философа в западноевропейском философском континууме (направление от субъекта ко внешней реальности), Тереза Оболевич ставит перед собой иную задачу. Она стремится ответить на вопрос о том, насколько Франк «был “своим” в западном интеллектуальном пространстве», насколько востребованно было в этом пространстве его философское творчество, и движется при этом, можно так сказать, от внешней реальности к субъекту. Решение поставленной задачи требует применения иных методов исследовательской работы, а именно поиска следов восприятия культурных деяний Франка, которые можно

¹ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. Данную работу Франка можно в определенной мере рассматривать как его автобиографию, поскольку изложение биографии лучшего друга, связь с которым не прерывалась практически всю жизнь, происходит через призму переживания общих событий.

²Некоторые из которых были выполнены в соавторстве с А.С. Цыганковым.

³Некоторые из них были также подготовлены в соавторстве, например с Г.Е. Аляевым.

встретить, к примеру, в газетных рецензиях, откликах, встречающихся в эпистолярном наследии философа. Таким образом, метод исследования с неизбежностью становится эмпирическим. Объем исполняемой в данном случае исследовательской работы трудно переоценить, на что рецензенты уже неоднократно обращали свое внимание [Шмаков 2018; Моркина 2019]. Тереза Оболевич относится к тем франковедам, которым под силу поиск, обработка и систематизация огромного объема эмпирического материала.

Оставляя за читателем право самому детально ознакомиться со структурой и содержанием книги, остановлю свое внимание *лишь на некоторых аспектах* из тех, которые заинтересовали меня саму в процессе прочтения книги и подтолкнули к размышлениям.

Актуализация творческого наследия Франка

Предметом исследования в первой главе становится та форма трансляции знания, которая – надо отметить – в современных реалиях набирает все большую популярность⁴. Речь идет о *публичных* – не академических – лекциях, которые представляют собой уникальное событие, когда специалист должен донести до обывателя, говоря современным языком, «научный контент», используя при этом понятия и термины, которые способна воспринять конкретная аудитория.

В книге анализируются публичные лекции, прочитанные Франком в Италии в 1923 г., а также во время его турне по Латвии, Эстонии и Литве в 1928 г. и по Германии в 1930–1932 и в 1934-м гг. в рамках его сотрудничества с протестантским обществом “Russische Bruderhilfe”. И здесь хотелось бы не согласиться с Терезой Оболевич, которая называет первую главу своей книги «биографической», поскольку она не ограничивается простым описанием лекционных туров философа, но раскрывает смысловые аспекты этих событий, анализирует контекст и цель публичных выступлений Франка.

⁴ Существует даже мнение о том, что «публичные выступления научной общественности вне академической среды появились не так давно» (Остривная Е.А. Публичная лекция как способ осмысления себя. 27.07.2017. URL: <https://mel.fm/blog/yelena-ostrivnaya/62105-publichnaya-lektsiyakak-sposob-osmysleniya-sebya>), что, разумеется, не соответствует действительности. И франковские лекционные турне по Европе – наглядное тому опровержение.

Проанализировав данные о составе аудитории, присутствовавшей на его лекциях, а также печатные отклики на его выступления, исследовательница приходит к выводу о том, что к ним был проявлен высокий интерес. К примеру, в Италии и Риге залы не вмещали всех желающих, несмотря на то, что большинство лекций было платными. На них приходило много молодежи. И поскольку Франк выступал не только на русском, но и на немецком, а в Италии – на итальянском языке⁵, заполненность залов говорит о проявленном интересе к его лекциям далеко не только среди русских эмигрантов, что является доказательством интегрированности проф. Франка в европейский культурный контекст. Таким образом, Оболевич снимает ощущение трагического одиночества от существования Франка в эмиграции, которое возникает после прочтения книги Буббайера. Тональность ее книги иная, спокойная, несмотря на то, что она не обходит вниманием факты постоянной материальной нужды, которую испытывала семья Франка, поиска места для постоянного жительства, а также идеологических разногласий в эмигрантской среде. Автор на эмпирическом материале наглядно демонстрирует тот факт, насколько достойно, эффективно и – по возможности – насыщенно Франк проживал этот самый сложный период своей жизни.

Франк и эмигрантская среда

Исследовательнице, которая поставила перед собой задачу продемонстрировать включенность Семена Франка в западноевропейский культурный контекст, можно было бы указать на то, что большая часть ее новой книги посвящена анализу его взаимоотношений с эмигрантской средой. И здесь пару слов хотелось бы сказать о *феномене эмиграции* с тем, чтобы доказать, что данный факт не противоречит замыслу автора.

Эмиграция не просто представляет собой феномен, существовавший во времени и являющийся, по сути дела, постоянным состоянием социума. Это социальное явление «имеет обоснование в самой природе человека» [Димаев 2007, с. 66]. В немецком языке существует выражение «все люди – иностранцы, почти везде»⁶. Эмигрантские сообщества, тем более активно действующие,

⁵Его доклад «Основная идея русской философии» был переведен на итальянский язык и получил название “L’idea fondamentale della filosofia russa”.

⁶“Alle Menschen sind Ausländer, fast überall”. – нем.

к которым относилась и русская эмиграция, становятся неотъемлемой частью принимающего общества. А потому интеграция в них, общение с их представителями – это одна из легитимных форм интеграции вновь прибывшего эмигранта.

Исследователи феномена эмиграции указывают на «первостепенную важность социально-культурного интегрирования, на значимость межкультурного диалога, обеспечивающего свободу личной самореализации и самоактуализации» [Чернова 2018, с. 118]. У Франка – благодаря его научному авторитету и великодушному владению немецким языком – наличествовали факты эффективной межкультурной коммуникации и сотрудничества, что подтверждается автором посредством обращения к эмпирическим источникам. А реконструкция историко-философского контекста профессиональных и дружеских связей Франка подтверждает и тот факт, что он не являлся носителем «диаспоральной», т. е. изоляционистской идеологии [Каранов 2013, с. 31] и что он прилагал все усилия для коренизации в инокультурной среде.

Европеизация Франка происходила и через публикацию его работ как на русском языке, так и на иных европейских языках. В данной связи исследовательница останавливается подробно на переводе «Предмета знания» на французский язык. В «продвижении» себя и своего творчества ему помогали представители русской эмиграции. А публичные лекции выступали в том числе и своеобразной «рекламой» собственных идей, что могло позволить привлечь внимание издателей и рассчитывать в дальнейшем на публикацию своих текстов.

Во второй главе своего исследования автор подробно анализирует его взаимоотношения с русскими эмигрантами первой волны – о Георгием Флоровским и Ариадной Тырковой-Вильямс, а также историком-архивистом А.Ф. Изюмовым.

Эпистолярное наследие как источник информации

Тереза Оболевич относится к тем исследователям, которые активно вводят в научный оборот весьма ценные в научном отношении, хотя в должной мере еще не освоенные исследователями, источники информации, такие как *личные письма*⁷ (см. об этом [Янцен 2008, с. 227–255]). До недавнего времени они активно не

⁷В книге она публикует как еще не проанализированные письма, так и уже осмысленную в совместных публикациях с Г.Е. Аляевым переписку.

вовлекались франковедами в исследовательскую работу в силу отсутствия адекватной методологии для раскрытия их информационного потенциала⁸.

Возникает вопрос о том, какую информативную нагрузку несет в себе публикация личной переписки мыслителя. Что она может дать историку философии в сравнении с такими полнотекстовыми источниками информации, как его законченные работы? Если искать в письмах дополнения или зачатки тех его идей, которые нашли свое выражение в завершенных текстах, то число представляющих с этой точки зрения писем будет весьма незначительным. Руководствуясь данным подходом, редакция журнала «Логос» в 90-х гг. прошлого столетия опубликовала лишь четыре письма из весьма обширной переписки Семена Франка и Людвиг Бинсвангера, которая имела у нее тогда на руках [Четыре письма 1992]. Были переведены и изданы только те письма, в которых Франк давал свою оценку философии Мартина Хайдеггера. С остальным материалом просто не знали, что делать. А публиковать эти письма в археографических целях, когда сама их публикация является самоцелью, не было ни желания, ни возможности⁹.

Тереза Оболевич использует в своей работе метод, который можно было назвать контекстуальным, когда, с одной стороны, содержание писем встраивается в более широкий ситуативный контекст с тем, что позволяет их содержанию «звучать», а с другой стороны, использует письма Франка для воссоздания культурно-исторического контекста его личной жизни¹⁰. Возможно, что для решения задачи описания географии и обстоятельств лекционных турне Франка в Европе опираться необходимо именно на личную переписку, когда письмо используется в качестве источника биографических сведений о философе. Следует также отметить, что контекстуальный подход дает возможность автору отвлечь вни-

⁸ Насколько сложной является проблема разработки методов исследования эпистолярных источников см. диссертационное исследование И.В. Кобак «Семейная переписка Гаевских 1820–1880-х гг. как исторический источник» (Санкт-Петербург, 2014) [Кобак 2014], а также [Шумейко 2008].

⁹ Публикация этой переписки и ее аналитика состоялась не так давно [Переписка 2021].

¹⁰ Исследователи указывают на то, что методика источниковедческого исследования, разработанная А.С. Лапшо-Данилевским, предполагает воссоздание и изучение источника в культурно-историческом контексте эпохи [Кобак 2014, с. 8–9].

мание читателя от не совсем удобной информации, такой как постоянный поиск заработка¹¹. А также личная переписка позволяет ей исполнить ту задачу, которую она ставит перед собой в третьей главе своего нового исследования, а именно показать Франка как личность. Бесспорно, именно письма являются тем источником биографической информации о личности философа. Они также являются «феноменом культуры общения» [Кобак 2014, с. 34].

Не подлежит сомнению тот факт, что текстовое наследие Франка достойно того, чтобы сохранить в нем каждую строчку¹². Все же следует помнить о том, что сам Франк был противником того, чтобы его личная переписка была опубликована¹³. Памятуя о близких отношениях Терезы Оболевич с наследниками Семена Людвиговича, смею предположить, что она обсудила с семьей философа свое желание опубликовать его эпистолярное наследие.

Несколько слов в заключение

Новая книга Терезы Оболевич включает в себя уже ставшие для нее традиционными формы исследовательской работы – «собираание рассеянного» и научно-переводческая деятельность. Она привлекла к работе материалы, собранные ею в двадцати одном архиве, которые разбросаны по всему миру, а также опубликовала свои переводы текстов Франка с итальянского (под редакцией Андрея Шишкина и Александры Бердниковой), английского и чешского (под редакцией Гануша Никла) языков. Следует отметить прекрасную работу Александра Цыганкова, который предоставил для публикации выполненные им переводы статей Франка из журнала “Liebet einander!” (с. 225–268), а также рецензии С.Л. Франка на книгу М. Винклера “Peter Jakovlevič Saadaev” (с. 391–392). Как франковеду мне приятно отметить, что работа по расширению библиографии философа, обогащению ее новыми материалами и переводами на русский язык продолжается. И я в своих исследованиях

¹¹ Хотя, с другой стороны, забота о хлебе насущном является житейской обязанностью любого человека, тем более отца четырех детей. И каждый человек вынужден искать ее решение, даже если он живет в относительно спокойное и благополучное время.

¹² Это мнение неоднократно выражал франковед Г.Е. Аляев в своих публикациях и выступлениях.

¹³ В источниковедении эта проблема определяется как «проблема нарушения приватности». См. об этом указ. диссертацию И.В. Кобак [Кобак 2014].

активно пользуюсь плодами труда своей коллеги и ее соавторов, за что мне хочется выразить им огромную благодарность.

Как правильно отмечает с. Тереза, работа подобного плана не заканчивается никогда. «Постоянно обнаруживаются новые материалы, в том числе архивные, а также мало доступные, забытые или неизвестные тексты Франка, появляются неожиданные сведения о его жизненном и творческом пути» (с. 9). Но дорогу осилит идущий. Мне хотелось бы пожелать исследовательнице сил и мужества идти этой дорогой.

Источник

Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. 237 с.

Литература

- Буббайер 2001 – *Буббайер Ф. С.Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа 1877–1950* / Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2001. 328 с.
- Димаев 2007 – *Димаев А.Р.* Миграция населения как социальный феномен: фактор динамики // Социология власти. 2007. № 3. С. 65–74.
- Каранов 2013 – *Каранов Д.П.* Мигранты и принимающее общество: культурный аспект межэтнических отношений // Полития. 2013. № 1 (68). С. 24–35.
- Кобак 2014 – *Кобак И.В.* Семейная переписка Гаевских 1820–1880-х гг. как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 217 с.
- Моркина 2019 – *Моркина Ю.С.* Размышления о книге Александра Цыганкова, Терезы Оболевич. «Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы)» // История философии. 2019. Т. 24. № 2. С. 136–140. DOI: 10.21146/2074-5869-2019-24-2-136-140.
- Оболевич 2015 – *Оболевич Т.* Участие русских философов во втором польском философском конгрессе в 1927 г. // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 128–145.
- Оболевич 2022 – *Оболевич Т.* Участие С.Л. Франка в восьмом международном философском конгрессе в Праге // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 3. С. 174–188. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-2-174-188.
- Переписка 2021 – *Переписка С.Л. Франка и Л. Бинсвангера (1934–1950)* / Ред. колл.: Антонов К.М. (отв. ред.), Аляев Г.Е., Буббайер Ф. и др. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. 960 с.
- Цыганков, Оболевич 2019 – *Цыганков А.С., Оболевич Т.* Немецкий период философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2019. 269 с.

- Цыганков, Оболевич 2020 – *Цыганков А.С., Оболевич Т.* Голландский эпизод в философской биографии С.Л. Франка (новые материалы). М.: ИФ РАН, 2020. 332 с.
- Чернова 2018 – *Чернова М.Б.* Феномен эмиграции и проблемы диалога в социокультурном пространстве // *Сибирский педагогический журнал*. 2018. № 3. С. 113–122.
- Четыре письма 1992 – Четыре письма из переписки: Л. Бинсвангер – С. Франк / Пер. с нем. А. Вальшиной и А. Ферстура // *Логос*. 1992. № 3. С. 264–268.
- Шмаков 2018 – *Шмаков В.В.* Постигаемая мысль философа: Рецензия на книгу Терезы Оболевич о Семене Франке: Оболевич Т. Семен Франк. Штрихи к портрету философа. М.: ББИ, 2017 // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. II. № 1. С. 145–148.
- Шумейко 2008 – *Шумейко М.Ф.* Переписка как исторический источник и особенности ее сохранения и публикации // *Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX – XXI ст. у Беларусі: зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М.М. Улашчыка / рэдкал.: Ходзін С.М. (адк. рэд.) [і інш.].* Мінск: БДУ, 2008. С. 172–183.
- Янцен 2002 – *Янцен В.* Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа: Н.А. Бердяев, Лев Шестов, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков (1926–1948) // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы /* Под ред. М.А. Колерова. М.: Три квадрата, 2002. С. 227–563.

References

- Antonov, K.M., Alyaev, G.E., Boobbyer, Ph. and others (eds.) (2021), *Perepiska S.L. Franka i L. Binsvanger (1934–1950)* [Correspondence of S.L. Frank and L. Binswanger (1934–1950)], PSTGU, Moscow, Russia.
- Boobbyer, Ph. (1995), *S.L. Frank. Zhizn' i tvorchestvo russkogo filozofa 1877–1950* [S.L. Frank. The life and work of a Russian philosopher 1877–1950], Pantina, L.Yu. (transl.), ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Chernova, M.B. (2018), “The phenomenon of emigration and the problem of dialogue in the sociocultural space”, *Siberian Pedagogical Journal*, no. 3, pp. 113–122.
- Dimaeв, A.R. (2007), “Population migration as a social phenomenon. A dynamic factor”, *Sociology of power*, 2007, no. 3, pp. 65–74.
- Karanov, D.P. (2013), “Migrants and the host society. The cultural aspect of interethnic relations”, *Politeia*, no. 1 (68), pp. 24–35.
- Kobak, I.V. (2014), *Family correspondence of the Gaevskys from the 1820s to the 1880s. as a historical source*, Abstract of Ph.D. Thesis, Saint Petersburg, Russia.
- Morkina, Yu.S. (2019), “Reflections on the book by Alexander Tsygankov, Teresa Obolevich. ‘The German period of the philosophical biography of S.L. Frank (new materials)’”, *History of Philosophy*, vol. 24, no. 2, pp. 136–140. DOI: 10.21146/2074-5869-2019-24-2-136-140.

- Obolevitch, T. (2015), “Participation of Russian philosophers in the second Polish philosophical congress in 1927”, *Philosophy Journal*, vol. 8, no. 2, pp. 128–145.
- Obolevitch, T. (2022), “Participation of S.L. Frank at the Eighth International Philosophical Congress in Prague”, *Philosophy Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 174–188. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-2-174-188.
- Shmakov, V.V. (2018), “Comprehending the thought of a philosopher. Review of Teresa Obolevich’s book about Semyon Frank. Touches to the portrait of a philosopher. M.: BBI, 2017”, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 2, no. 1, pp. 145–148.
- Tsygankov, A.S., Obolevitch, T. (2019), *Nemetskii period filosofskoi biografii S.L. Franka (novye materialy)* [The German period of the philosophical biography of S.L. Frank (new materials)], IF RAN, Moscow, Russia.
- Tsygankov, A.S., Obolevitch, T. (2020), *Gollandskii epizod v filosofskoi biografii S.L. Franka (novye materialy)* [The Dutch episode in the philosophical biography of S.L. Frank (new materials)], IF RAN, Moscow, Russia.
- Shumeiko, M.F. (2008), “Correspondence as a historical source and features of its preservation and publication”, Khodin, S.M. (ed.), *Source studies, archeography, archival studies in the 20th – 21st centuries. in Belarus. A collection of scientific articles on the 100th anniversary of the birth of M.M. Ulashyk*, Belarusian State University, Minsk, Belarus, pp. 172–183.
- Val’shina, A. and Ferstur, A. (transl.) (1992), “Four letters from correspondence. L. Binswanger – S. Frank”, *Logos*, no. 3, pp. 264–268.
- Yantsen, V. (2002), “Letters of Russian thinkers in the Basel archive of Fritz Lieb. N.A. Berdyaev, Lev Shestov, S.L. Frank, S.N. Bulgakov (1926–1948)”, *Studies in Russian Intellectual History: Yearbook for 2001–2002*, Kolerov, M.A. (ed.), Tri kvadrata, Moscow, Russia, pp. 227–563.

Информация об авторе

Оксана А. Назарова, доктор философии, доцент, Институт персонального тренинга и консультирования, Мюнхен, Германия; 81379, Германия, Мюнхен, Цильштаттштрассе, д. 9; ap-image@mail.ru

Information about the author

Oksana A. Nazarova, Doctor of Philosophy, associate professor, Institute of Personal Training and Consulting, Munich, Germany; 9, Zielstattstrasse, Munich, Germany, 81379; ap-image@mail.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 378.147.88

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-67-75

Производственная практика: имитация?

Жан Т. Тощенко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, zhantosch@mail.ru*

Аннотация. Статья является обобщением результатов исследования, выполненного по Государственному заданию FSZG-2022-0001 преподавателями и аспирантами РГГУ – Ж.Т. Тощенко, Р.И. Анисимовым, М.Б. Булановой, И.О. Шевченко, Е.Н. Пятшевой, Г.В. Ниорадзе и И.А. Поляковой. Основные усилия были направлены на выявление состояния производственной практики, ее особенностей в связи с делением профессий по социо-технологическому принципу «человек-техника», «человек-природа», «человек-человек», «человек-знак», «человек-творчество». Выявлены проблемы, которые стоят на пути эффективности производственной практики, которые ставят под сомнение сложившийся опыт по ее подготовке, организации и результативности. Первая группа проблем зависит от университетов: определение целей и задач практики, их организационное и финансовое обеспечение. Другая группа проблем обусловлена позицией организаций, принимающих практику, что особенно проявляется в слабой заинтересованности в такой работе со студентами. Высказываются предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: профессия, производственная практика, учебный процесс, место и время практики, руководство практикой

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. Производственная практика: имитация? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 67–75. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-67-75

© Тощенко Ж.Т., 2023

Production practice. Imitation?

Zhan T. Toshchenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zhantosch@mail.ru*

Abstract. The article is a summary of the results of a study carried out according to the State assignment FSZG-2022-0001 by teachers and graduate students of the Russian State University for the Humanities – Zh.T. Toshchenko, R.I. Anisimov, M.B. Bulanova, I.O. Shevchenko, E.N. Pyatsheva, G.V. Nioradze and I.A. Polyakova. The main efforts were aimed at identifying the state of industrial practice, its features in connection with the division of professions according to the socio-technological principle “man-technology”, “man-nature”, “man-man”, “man-sign”, “man-creative work”. Identified obstacles that stand in the way of the effectiveness of production practice, which call into question the current practice of preparation, organization and performance. Among them are the issues that depend on universities: defining the goals and objectives of practice, their organizational and financial support. Another set of issues stems from the position of the organizations hosting the practice, which show little interest in such work with students. Suggestions are made for its improvement.

Keywords: profession, production practice, educational process, place and time of practice, management

For citation: Toshchenko, Zh.T. (2023), “Production practice. Imitation?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 3, pp. 67–75, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-67-75

В советское время известные юмористы, артисты Ю. Тимошенко (Тарапунька) и Е. Березин (Штепсель) использовали такой диалог. На вопрос Штепселя «Что с этим делать?» Тарапунька отвечал: «Нехай оно гние, ржавее, горить синим пламенем, пропадае пропадом, но чтоб было все правильно оформлено». На наш взгляд, нечто подобное происходит сейчас с производственной практикой в вузах.

Конечно, мне можно возразить – имеются примеры ее достойной организации, которые заслуживают не только одобрения, но и максимального расширенного их применения. Так, «Независимая газета» от 26.01.2023 г. сообщала о том, что «Роснефтью» созданы 26 базовых кафедр в ведущих профильных вузах страны, в которых участвуют в выполнении образовательных программ по востребованным в нефтяной отрасли направлениям¹. В августе 2022 г. Уни-

¹Кранчатова Е. «Роснефть» помогает обеспечить отрасль молодыми профессионалами // Независимая газета. 2023. 16 янв.

верситет ИТМО (бывший ЛИТМО, Ленинградский институт точной механики и оптики) объявил о трансформации университета в научно-образовательную корпорацию, среди целей которой – создание уникальной среды для самореализации [Мартынов и др. 2022].

Есть и другие примеры, жизнь которых похожа на известные в советское время «маяки» – уникальные предприятия и колхозы, которые демонстрировали действительно выдающиеся достижения, но которые упорно не желали становиться реальностью для всей экономики [Мирошников и др. 2022; Овчинникова 2018].

Подобным образом дело обстоит и с производственной практикой, важной составляющей деятельности вузов, состояние которой, на наш взгляд, несмотря на эти позитивные примеры, в целом можно назвать удручающим. Оценивая ситуацию, можно сказать – на нее обращают внимание постольку-поскольку, нередко мимоходом, не особенно заботясь о действительной ее эффективности.

Забегая вперед, можно сказать, что сейчас, когда готовится очередная реформа высшего образования, рассмотрение и перестройка как всей работы высших учебных заведений, так и производственной практики крайне необходимы, чтобы решить такую неотложную задачу, как качество подготовки компетентных специалистов².

А то, что эту задачу необходимо решать, говорит следующее.

Сначала напомним широко известные стенания работодателей, которые массово и в течение многих лет выражали(ют) претензии к качеству подготовки большинства выпускников вузов, отсутствию у них изначальных навыков полноценно включиться в производственный процесс. Критически к уровню подготовки молодых специалистов для работы на производстве относятся и рабочие (об этом свидетельствуют данные социологических исследований). Косвенно о низком качестве профессиональной подготовки говорит и информация от зарубежных потребителей наших выпускников, которых в большинстве случаев допускают к выполнению порученной работы, исходя из квалификации среднего уровня их подготовки – уровня колледжа. Лично я знаю молодых врачей, эмигрировавших за границу, которым предложили начать вхождение в медицинскую среду с длительного выполнения обязанностей медсестер.

Иначе говоря, эффективность и действенность подготовки выпускников вузов к производственной деятельности экспертные оценки и работодатели оценивают ее состояние весьма критично

² Савицкая Н. Вузам предлагают забыть про рейтинги и сосредоточиться на результатах // Независимая газета. 2022. 22 дек.

(см.: [Бондаренко, Лысова 2016]). И если внимательно проанализировать эти аргументы, то мы выйдем на необходимость говорить не только об организации учебного процесса в целом, но и о такой его стороне, как производственная практика. Сложилась весьма странная и даже парадоксальная ситуация – в настоящее время, с одной стороны, много говорят о совершенствовании собственно учебного процесса, о различных формах передачи и усвоения информации, а с другой – практически мало обсуждают проблемы, с которыми сталкивается молодой специалист, когда приступает к выполнению производственных заданий. И в этой связи не ответственным остается вопрос: что соединяет или должно соединять эти два процесса, чтобы максимально сократить частые коллизии при переходе от учебы к работе [Арискин и др. 2015]? И вот тут возникает вопрос о производственной практике, которую можно и нужно, на наш взгляд, рассматривать как критерий оптимального вхождения молодого специалиста в полноценную трудовую жизнь.

*Но а как обстоит это на деле
в существующей реальности?*

Выполняя государственное задание, социологи РГГУ проанализировали 118 сайтов университетов и других вузов, изучили мнения экспертов, суждения 288 студентов различных вузов, чтобы учесть специфику и особенности трактовки и понимания как целей, так и результатов практики. Для более обстоятельного анализа и учета специфики все вузы были сгруппированы по пяти группам профессий: *человек – техника* (политехнические, инженерные), *человек – природа* (сельскохозяйственные), *человек – человек* (педагогические и медицинские), *человек – знак* (экономические), *человек – творчество* (архитектурные, художественные).

В результате социологи пришли к неутешительному выводу: дела с производственной практикой нуждаются в коренном пересмотре и принципиально ином подходе к ее организации и осуществлению.

*Итак, что представляет собой
нынешняя производственная практика?*

Под этим термином понимаются самые различные ее формы: ознакомительная, учебная (практика по получению первичных профессиональных умений и навыков), производственная (технологическая, конструкторско-технологическая, научно-исследо-

вательская, практика по получению профессиональных умений и навыков), преддипломная. Существуют некоторые другие варианты, особенно в медицинских, сельскохозяйственных и творческих вузах. Но все они, в конечном счете, апробируют, шлифуют, формируют профессиональные навыки по освоению и выполнению будущей работы. Поэтому мы применяем обобщенный термин «практика», так как в конечном счете в сознании студента отражается та ее сторона, которая максимально приближает его к будущей производственной деятельности.

Анализ документальной (внешней) стороны дела показал, что все обстоит более или менее благополучно. Есть многочисленные приказы и распоряжения, есть не менее внушительные методические пособия с описанием, что представляет собой практика, из чего она состоит, как она должна быть организована, какие документы должны быть представлены. Не менее подробно и обстоятельно это изложено в отчетах большинства университетов и других учебных заведений. На многих кафедрах и факультетах имеются дневники практики. То есть по осуществлению бумаготворчества достигнуты всех устраивающие результаты. И если возникают коллизии, то это происходит в рамках взаимоприемлемых решений и согласований.

Если же говорить о действительном положении дел, то их анализ показал весьма противоречивую ситуацию по организации и проведению производственной практики.

Во-первых, в определении места проведения практики по большому счету царит произвол и хаос. Избираются эти места часто не по значимости производства для будущей профессии, а из-за возможностей уговорить руководителя принять студентов. В ряде вузов из-за отсутствия или ограниченности соответствующих профилю мест подготовки соглашаются на всякие заменители практики. А в самом деле, как поступить инженерному вузу в том городе, где нет соответствующих профилю производств, кроме как приспособливаться к имеющимся реалиям, очень косвенно отвечающим целям подготовки будущих кадров?

Для других профессий, как, например, для будущих специалистов сельского хозяйства, очень важны учебно-опытные хозяйства. Но как отнестись к тому, что такие объекты изъяты у многих сельскохозяйственных вузов: из 50 ранее существующих таких хозяйств осталось шесть. Даже у флагамена сельскохозяйственного образования – Тимирязевской академии в Москве – пытались отнять землю ради строительства новых жилищных и офисных площадей.

Во-вторых, велика степень размытости полномочий и обязанностей принимающих организаций. Здесь царит полный произвол, который зависит от представлений руководителя или уполномо-

ченных на это лиц, как и каким образом и на какое время организовать проведение практики. А так как студентов рассматривают нередко как навязанную обузу, то и организация их труда подчинена в основном не тому, что нужно будущим профессионалам, а тому, какие текущие задачи нужно решить на данном этапе функционирования производства. В результате 24% студентов (т. е. каждый четвертый) сказали, что их труд использовался на разных вспомогательных и случайных работах, а еще 21% (каждый пятый) указал, что выполнял работу, не относящуюся к профилю обучения, в результате чего они не получили возможность в самом деле повысить свою квалификацию.

В-третьих, косвенным свидетельством недоверия к официальной организации практики может служить и все расширяющееся использование таких ее форм, как самостоятельное заключение договора о прохождении практики со сторонней организацией (об этом сказали 26% студентов) и самостоятельного его заключения по месту трудоустройства (мнение еще 7% студентов). Среди ответов студентов были такие: «Нам предложили искать место практики самостоятельно. В результате большинство же могли или устроиться на работу на кафедре, где занимались вообще бумажной работой, либо устроиться куда-то, где тебе подпишут документы и все (к знакомым и т. д.)» (студент профиля «Математика и механика»).

Как показывает дополнительный анализ, за этими данными скрывается очень широкий веер отчетности – от в самом деле квалифицированного прохождения практики и до всяких липовых справок, написанных по взаимному согласию для получения отчетности перед университетом.

В-четвертых, не менее размыты как обязанности, так и возможности тех преподавателей, которые в силу служебных обязанностей отвечают за производственную практику. По форме это делается достаточно убедительно, но их реальная ответственность очень условна. По большому счету преподаватель лишен возможности влиять на содержание практики (по форме – да, но не по существу), ибо он стоит сначала только «на входе» в этот процесс – направить студентов, а потом «на выходе» – оформить принесенные студентами бумаги, справки, отзывы и т. п. В результате нередко такие пожелания студентов: преподаватель должен быть с ними на весь период практики.

В-пятых, студенты отмечали произвол в установлении длительности времени при проведении практики, которая зависит как от понимания ее значимости и необходимости теми, кто руководит ими, так и от поведения студентов, если они видят искусственность и формализм при ее организации. Приводились случаи (особенно

в инженерных вузах), когда по взаимному согласию эта практика сокращалась в два-три раза.

Неупорядоченность практики проявляется и в педагогических вузах. Приводились примеры, когда в школу присылали такое количество студентов, что не все из них получали возможность продемонстрировать свои способности в виде самостоятельно проведенных занятий.

Ряд студентов сельхозвузов сказали, что производственную практику им заменили педпрактикой в своем вузе. Поэтому вполне резонны такие суждения: «Сделал бы обязательным прохождение практики в реальных хозяйствах, а не в универе»). Другие утверждали, что им не нашли соответствующих хозяйств, желающих принять студентов: личным подсобным хозяйствам они не нужны, а крупных не так уж много, чтобы поглотить всех выпускников. Вот поэтому будущие агрономы, ветеринары и зоотехники в лучшем случае пополняют организации озеленения в городах, клиники домашних животных, в том числе и частные (опять же в городах). Или совсем покидают профессию, но имея важную бумагу – диплом.

При опросе студенты называли многочисленные эрзацы практики: работу в приемной комиссии, ведение делопроизводства на кафедре, выполнение текущих поручений, в том числе и случайных.

Далеко не благополучно и в таких ответственных вузах, как медицинские. Вот мнение студентки медвуза (при этом мы подчеркиваем, что медуниверситеты значительно отличаются по качеству организации практики, как, например, показывает работа московских медуниверситетов):

Во время учебы врачебной практики не было вовсе (по причине ковида). Единственная моя врачебная практика на 4 курсе была организована мной самостоятельно. Это огромный пробел и провал, масштабы которого ты не ощущаешь вплоть до выхода на работу [Антонова и др. 2020].

Я назвал только наиболее важные проблемы производственной практики. При опросе студентов и анализе высказываний преподавателей мы слышали частные, на первый взгляд, незначительные, но важные предложения. Перечислим некоторые из них. «Нет заинтересованности/эмпатии/ответственности работников принимающих организаций». «Хорошо бы получать во время практики реальные, а не выдуманные задания». «Рассмотреть возможность оплачивать работу во время практики». «Самостоятельно выбрать место практики».

Если обобщить всю эту информацию, то она коррелирует с данными Института образования НИУ ВШЭ, выявившим, что одним из основных трендов в современном образовании, по мнению 38,7% опрошенных, является сочетание обучения с практикой³.

Это далеко не полный перечень претензий студентов (а они очень разные в зависимости от профиля вуза). Но их объединяет одно – пока производственные практики объединяет один порок, который можно назвать одним словом – имитация. И ее преодоление – это один из важнейших показателей, который должен быть учтен в грядущей реформе высшего образования, если общество, экономика и культура хотят получить высококвалифицированных специалистов.

Литература

- Антонова и др. 2020 – *Антонова Г.В., Мирзабалаева Ф.И., Бондарчук А.Г.* Проблемы трудоустройства выпускников образовательных организаций в условиях пандемии коронавируса // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 12. С. 1249–1268.
- Арискин 2015 – *Арискин М.В.* Выпускники вузов и работодатели: социологический аспект / М.В. Арискин, Л.М. Медведева, Е.Ю. Немова // Молодой ученый. 2015. № 9 (89). С. 981–983. URL: <https://moluch.ru/archive/89/18228/> (дата обращения 15 августа 2023).
- Бондаренко, Лысова 2016 – *Бондаренко Н.В., Лысова Т.С.* Модели поиска, критериев найма, оценка профессиональных качеств и навыков выпускников основных профессиональных образовательных программ: мнение работодателей. Мониторинг экономики образования // Информационно-аналитические материалы по результатам социологических обследований. 2016. № 1 (27).
- Мартынов и др. 2022 – *Мартынов В.Г., Шейнбаум В.С.* Ответственность – ключевая компетенция инженера XXI века // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 2. С. 107–118.
- Мирошников и др. 2022 – *Мирошников С.А., Нотова С.В., Никулина Ю.Н.* Кадровое сотрудничество вуза и промышленных партнеров в контексте карьерного развития молодежи // Высшее образование в России. 2022. Т. 1. № 8–9. С. 99–115.
- Овчинникова 2018 – *Овчинникова Н.Э.* Взаимодействие университета с индустрией 2.0 // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 3 (115). С. 61–72.

³*Савицкая Н.* Указ. соч.

References

- Antonova, G.V., Mirzabalaeva, F.I. and Bondarchuk, A.G. (2020), "Problems of graduates employment in the context of the coronavirus pandemic", *Russian Journal of Labor Economics*, vol. 7, no. 12, pp. 1249–1268.
- Ariskin, M.V., Medvedeva, L.M. and Nemova, E.Yu. (2015), "Graduates of universities and employers. Sociological aspect", *Young scientist*, no. 9 (89), pp. 981–983, available at: <https://moluch.ru/archive/89/18228/> (Accessed 15 August 2023).
- Bondarenko, N.V. and Lysova, T.S. (2016), "Models for finding recruitment criteria, assessment of professional qualities and skills of graduates of the main professional educational programs. The employers opinion. Monitoring of the economics of education", *Information-analytical materials based on the results of sociological surveys*, no. 1 (27).
- Martynov, V.G. and Sheinbaum, V.S. (2022), "Responsibility is a key competence of the 21st century engineer", *Higher education in Russia*, vol. 31, no. 2, pp. 107–118.
- Miroshnikov, S.A., Notova, S.V. and Nikulina, Yu.N. (2022), "Personnel cooperation between the university and industrial partners in the context of youth career development", *Higher education in Russia*, vol. 1, no. 8–9, pp. 99–115.
- Ovchinnikova, N.E. (2018), "University interaction with industry 2.0", *University management. Practice and analysis*, vol. 22, no. 3 (115), pp. 61–72.

Информация об авторе

Жан Т. Тощенко, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zhantosch@mail.ru

Information about the author

Zhan T. Toshchenko, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zhantosch@mail.ru

Особенности профориентации
в группах профессий «человек-знак»
(дизайнеры и архитекторы)

Георгий В. Ниорадзе

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, nioradzersuh@gmail.com*

Аннотация. В данной статье представлен анализ особенностей и проблем профессиональной ориентации в сфере дизайна и архитектуры. Основу эмпирической базы составляют данные контент-анализа сайтов профильных вузов: отобрано 20 вузов (13 архитектурной и 7 дизайнерской направленностей). Дополнительно осуществлен анализ тематической литературы. В целом вузы проводят активные кампании по привлечению школьников и абитуриентов, осуществляя профориентацию как в виде дней открытых дверей и экскурсий по университету, так и осуществляя глубокую и разностороннюю подготовку по предметам будущей специальности. Вместе с тем наблюдается противоречивый процесс: наряду с сокращением релевантных общеобразовательных компетенций (исключение из школьной программы «Черчения») школьникам предлагается широкий ассортимент подготовительных курсов (но на платной основе). Одной из других проблем является отсутствие обратной связи (системы отзывов о подготовительных курсах) практически во всех вузах. В заключение предлагается ряд рекомендаций, предполагающий возвращение «Черчения» в новом формате и введение форм для отзывов о качестве подготовительных курсов.

Ключевые слова: профориентация, человек-знак, дизайн, архитектура, национальный проект «Образование», довузовская подготовка, подготовительные курсы

Для цитирования: Ниорадзе Г.В. Особенности профориентации в группах профессий «человек-знак» (дизайнеры и архитекторы) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 76–86. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-76-86

Features of career guidance in groups of professions “person-sign” (designers and architects)

Georgii V. Nioradze

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nioradzersuh@gmail.com*

Abstract. The article presents an analysis of the features and concerns with professional orientation in the field of design and architecture. The empirical framework is based on content analysis data of the websites of specialized universities: 20 universities were selected (13 architectural and 7 design schools). In addition, the analysis of thematic literature was carried out. In general, universities conduct active campaigns to attract schoolchildren and applicants, providing career guidance both in the form of open days and excursions around the university, and carrying out deep and versatile training in the subjects of the future specialty. At the same time, a contradictory process is observed: along with the reduction of relevant general educational competencies (exclusion of “Drafting” from the school program), schoolchildren are offered a wide range of preparatory courses (but on a paid basis). The lack of feedback (a system of feedback on preparatory courses) is yet another issue in almost all universities. In conclusion, a number of recommendations are proposed, involving the return of “Drafting” in a new format and the introduction of forms for feedback on the quality of preparatory courses.

Keywords: vocational guidance, person-sign, design, architecture, national project “Education”, pre-university training, preparatory courses

For citation: Nioradze, G.V. (2023), “Features of career guidance in groups of professions ‘person-sign’ (designers and architects)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 76–86, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-76-86

Введение

Целью исследования является анализ особенностей и проблем реализации мер по профессиональной ориентации будущих представителей профессий «человек-знак» – дизайнеров и архитекторов. *Актуальность* исследования продиктована следующими основаниями. Во-первых, в 2019–2021 гг. ежегодно выпускалось около 11 тыс. чел. по укрупненным группам специальностей «архитектура» и «изобразительное и прикладные виды искусств» (куда

включается «дизайн»)¹. Во-вторых, проблема профориентации молодежи заложена в национальном проекте «Образование»², то есть является значимым показателем эффективности государственной политики в сфере образования. Наконец, система профориентации играет важную роль для эффективности системы подготовки кадров, поскольку от этого зависит их производительность труда в ближайшем будущем.

Особенностью профессий группы «человек-знак» (куда включены дизайнеры и архитекторы) является существенная гетерогенность внутри каждой из двух групп. Так, например, содержание труда дизайнера предполагает как конструирование интерьера помещений, так и проектирование веб-дизайна сайтов. Архитектор осуществляет проектирование и создание архитектурных объектов (здания, сооружения, городские кварталы), в то время как градостроитель занимается планированием и организацией развития населенных пунктов (генеральные планы, благоустройство территории, схема и расположение дорог, парков, зданий). Вместе с тем гомогенной характеристикой, позволяющей объединять эти группы профессий является «...создание и использование различных знаковых систем. К предметам труда этих профессий относятся всевозможные знаковые обозначения, символы, термины» [Тощенко 2022, с. 72–73], а также формулы, рисунки, чертежи. Это соответствует содержанию группы профессий «человек-знак».

Эмпирическую базу статьи составили: 1) контент-анализ сайтов вузов; 2) анализ тематической литературы. Дополнительным источником послужил онлайн-опрос³.

¹Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 206–207.

²Паспорт национального проекта «Образование» // Официальный сайт Минобрнауки РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения 30 июня 2023).

³Онлайн-опрос «Роль профориентации в выборе профессии» (пилотажное исследование). Объект исследования: старшеклассники, абитуриенты, студенты и выпускники. Объем выборочной совокупности: N = 769 (мужчин – 18%, женщин – 82%). Тип выборки: целевая, нерепрезентативная. Метод отбора респондентов: по одному из целевых признаков – статус ученика старших классов, статус обучающегося по программам высшего образования или статус выпускника. Метод опроса: онлайн-анкетирование (CAWI) посредством платформы Google.Forms. Время проведения исследования: март 2023 г. – июнь 2023 г.

Методология контент-анализа

В ходе контент-анализа случайным образом отобрано 20 профильных вузов (13 вузов архитектурной⁴ направленности и 7 вузов с уклоном в дизайн⁵). При отборе в список исследуемых вузов преимущественно включались региональные вузы для более объективного анализа.

Критериями контент-анализа выступили виды довузовской подготовки: профориентационное тестирование, экскурсии, дни открытых дверей и т. п., а также подготовительные курсы по ЕГЭ, наличие в составе вуза предуниверсария и/или колледжа и др. Отдельное внимание уделялось подготовительным курсам по предметам специальности, где использовались следующие критерии: стоимость, длительность (ак. ч.), продолжительность (дни, недели, месяцы, годы), возраст учащихся, преподаваемые предметы.

Ограничением используемого метода является потенциальное несоответствие описания на сайте реальному положению дел (в лучшую или худшую сторону). Так, было обнаружено противоречие между заявленными дисциплинами в общем описании дову-

⁴ Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, Институт архитектуры и строительства (ВолГТУ), Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Московская архитектурная школа МАРШ, Московский архитектурный институт (Государственная академия), Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Уральский государственный архитектурно-художественный университет.

⁵ Британская высшая школа дизайна, Камский институт искусств и дизайна, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Московская художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), филиал Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) в г. Твери, филиал Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина в г. Новосибирск.

зовской подготовки и в самих программах подготовки. Однако это объясняется тем, что некоторые дисциплины могут быть объединены и представлены в курсе более крупных дисциплин.

Факторы выбора профессии

А.И. Суворов, Н.Н. Волкова, В.В. Живица (преподаватели-архитекторы) на основе *собственных экспертных оценок* утверждают, что главным фактором выбора профессии являются родительские наставления [Суворов и др. 2022, с. 19–20].

Однако исследование Е.А. Афанасьевой показывает другой результат. Автор исходит из классификации мотивов профессиональной деятельности, подразделяющей мотивацию на внутреннюю (осознание способностей к рисованию/черчению, стремление к творчеству и пр.) и внешнюю (будущий доход, советы родителей, стремление принадлежать к обществу архитекторов и пр.). На этой основе производилось *анкетирование* (2006–2009 гг.) недавно поступивших студентов первого курса. Основной вывод: главный мотив выбора профессий «человек-знак» является стремление к творческой работе, после чего следует интерес к архитектуре, интерес и склонность к созданию архитектурных объектов, желание создавать эстетические ценности, а также осознание своих способностей и возможность личного развития. Одним из неожиданных результатов явилось: *ближайший круг (родственники, друзья) оказывают минимальное влияние на выбор данного направления обучения*. Из этого следует вывод, что у опрошенных первокурсников преобладают внутренние мотивы, что, по мнению исследователя, обладает позитивным эффектом. Другим важным открытием данного исследования являются различия в мотивации юношей и девушек: у последних выше потребность в признании, а юноши более прагматичны (престижность профессии, востребованность и т. п.) [Афанасьева 2010, с. 64–65].

В ходе онлайн-опроса не удалось набрать необходимое количество студентов-архитекторов и -дизайнеров. Однако в целом наше исследование подтверждает преимущественную самостоятельность выбора студентами собственного образования (рис. 1). Вместе с тем достаточно велика доля респондентов, чья специальность была связана с родительскими предпочтениями.

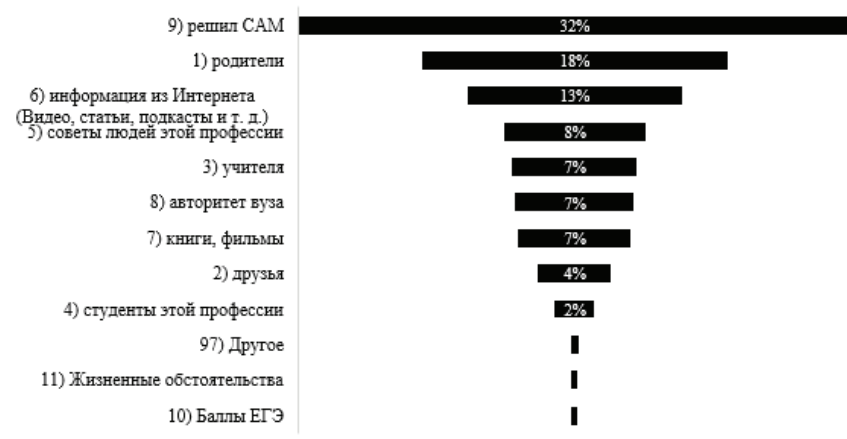

Рис. 1. Кто или что повлияли на выбор профессии?
(можно отметить несколько ответов) (в %)

Источник: данные онлайн-опроса
«Роль профориентации в выборе профессии»
(процент от ответов).

Основные виды профориентации

В ходе контент-анализа сайтов вузов было обнаружено следующее: наиболее популярным видом профориентации школьников является День открытых дверей. О такой возможности сообщают все учебные заведения. Однако этим профориентационная подготовка не ограничивается. В табл. 1 представлены другие виды профориентационной активности вузов. Специфической формой профориентации является заключение университетами договоров со школами, в которых образуются профильные классы. Далее учащиеся этих классов получают образование по предметам своей специальности, иногда могут посещать вуз. Еще одна траектория профориентации проходит через ступень среднего профессионального образования: школьники могут продолжить обучаться в колледжах-партнерах вузов или в самих вузах на программах СПО, после чего приступить к программам высшего образования по своей специальности.

Таблица 1

Количество вузов, осуществляющих тот или иной вид профориентационной деятельности

Вид профориентационных мероприятий	Направленность вуза		
	Архитектура	Дизайн	Всего
Профориентационная диагностика	8	2	10
Профориентационные игры	6	0	6
Олимпиада	10	5	15
Тренинги, мастер-классы	10	6	16
Экскурсии	12	4	16
День открытых дверей	13	7	20
Предуниверсарий/профильные классы в общеобразовательных школах	3	1	4
Колледж в структуре вуза	5	4	9
Отдел/школа/мастерская/центр довузовской подготовки	13	6	19
Подготовка к вступительным испытаниям	13	7	20
Подготовительные курсы по профильным ЕГЭ	9	3	12
Общее кол-во вузов	13	7	20

Источник: составлено по итогам контент-анализа.

Результаты анализа количества подготовительных курсов показали, что наиболее разнообразный набор программ представлен у дизайнеров, где в топ-3 вошли СПбГУПТ(и)Д, Британская высшая школа дизайна, РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Вместе с тем эти данные следует воспринимать с условностью: в некоторых случаях один курс состоит из одного предмета, тогда как другой курс может объединять в себе несколько предметов. Тем не менее перечисленные лидеры действительно предоставляют очень мощную базу профподготовки, реализуя специфические (что хорошо для творчества) учебные курсы. Фактически школьник обретает внутривузную специализацию уже на этапе выбора профессии.

Однако наиболее часто предметы подготовительных курсов у архитекторов состоят из следующих предметов: Рисунок, Черчение,

Композиция, Архитектурный рисунок, Архитектурная композиция, Рисунок (гипсовая голова), Композиция (геометрические тела), Живопись. Наиболее часто предметы подготовительных курсов у дизайнеров состоят из следующих предметов: Композиция, Рисунок, Живопись, История искусства и культуры, Черчение, Технический рисунок, Академический рисунок, Декоративная композиция.

Стоимость годичной программы для подготовки будущих архитекторов варьируется от 19,6 до 150 тыс. руб. Стоимость годичной программы для подготовки будущих дизайнеров – от 25 тыс. руб. до 270 тыс. руб. Однако стоимость зависит от наполненности предметами, количества академических часов. Отметим очень большое количество программ с большей (2–3 года) и меньшей длительностью (интенсивы, каникулярные курсы, экспресс-курсы).

Проведенный контент-анализ отображает проблему высокой стоимости обучения. Безусловно, разнообразие и доступность подготовительных курсов существенно усиливают профессиональную готовность абитуриента, однако получить доступ к этой образовательной услуге может не каждый. В будущем это скажется на том, удастся ли абитуриенту поступить на бюджетное отделение, или же ему придется оплачивать стоимость своего многолетнего обучения.

Общие и специфические проблемы профориентации дизайнеров и архитекторов

Основная проблема профориентации (включающей в себя довузовскую подготовку) – высокая стоимость подготовительных курсов. К примеру, для архитектора или дизайнера качественная подготовка обойдется примерно в 100–200 тыс. руб. в год. При этом лишь один вуз из 20 проанализированных оплачивает подготовительные курсы школьников. Кроме того, возникает региональное неравенство, поскольку большинство курсов очные и предполагают близкое место жительства. К общим проблемам профориентации относится и недостаточность информации о предоставляемых подготовительных курсах (менее характерно для большинства вузов) и отсутствие обратной связи в формате отзывов о качестве довузовской подготовки (повсеместная проблема).

Основная специфическая проблема профориентации дизайнеров и архитекторов – отмена «Черчения» в школе. Соответственно, навыков, предусмотренных этим бывшим школьным предметом, будет не хватать при поступлении на подготовительные курсы (часть из которых требуют вступительного экзамена и портфолио). Таким образом, фиксируется противоречивость идущих процес-

сов: с одной стороны, вузы представляют качественные программы довузовской подготовки, а с другой стороны, исключается «Черчение» из школы. Следовательно, нарушается равенство возможностей: предмет «Черчение» был представлен в каждой школе, когда как курсы довузовской подготовки посещают материально обеспеченные и проживающие поблизости от вуза.

В тематической литературе поднимаются и другие проблемы довузовской подготовки специалистов профессий «человек-знак», среди которых: 1) отсутствие законченности профессионального образа дизайнера/архитектора; 2) проблема снижения общего культурного уровня; 3) недостаточная графическая подготовка [Кошеутова 2014]; 4) ЕГЭ как тормоз творческого мышления; 5) трафаретность обучения на довузовских курсах, способствующих развитию эпигонства [Кошеутова 2013]. Кроме того, само наличие профориентации в виде довузовской подготовки приводит к неоднородному составу студентов из-за различия в навыках, а также в различиях требований вузов: в выигрышном положении оказываются те, кто проживает рядом с вузом и имеет возможность регулярно посещать подготовительные курсы.

Заключение

По итогам проведенного исследования напрашивается следующий вывод: профориентационные мероприятия осуществляются активно. Каждый вуз проводит день открытых дверей и предлагает подготовительные курсы по предметам специальности, многие из них осуществляют подготовку к ЕГЭ. Кроме того, предложение подготовительных курсов крайне разнообразное (от классических подготовительных занятий к вступительным испытаниям до lego-моделирования). Наконец, предлагаются курсы с ранней специализацией и специфическими интересами, в результате чего школьники проходят не только первичную профориентацию (выбор той или иной профессии), но и вторичную – то есть определяют, какая именно специализация внутри профессии им подходит наибольшим образом.

Кроме того, не зафиксировано разрывов между качеством довузовской подготовки между московскими и региональными вузами. Региональные вузы предлагают разнообразные программы: некоторые готовят еще с младшей школы, есть возможности как длительной (от года до 2–3 лет), так и интенсивной подготовки (неделя, месяц), в разных форматах (онлайн, офлайн в вузе, в профильном классе в школе). Вдобавок предоставляются возможности среднего

профессионального образования как трамплина к будущему получению высшего образования по той же специальности.

В качестве рекомендаций, во-первых, предлагается вернуть предмет «Черчение» в общеобразовательные учреждения. При этом в условиях тотальной цифровизации курс «Черчение» в школе должен проводиться с использованием компьютерных средств (чертежи могут производиться даже с помощью стандартных офисных программ – например, Microsoft PowerPoint или каких-либо графических редакторов).

Во-вторых, предлагается разместить на сайтах вузов формы для отзывов о подготовительных курсах, что повысит качество оказываемых услуг. В настоящее время большинство сайтов вузов не позволяют ознакомиться с отзывами выпускников подготовительных курсов. Чаще всего при размещении отзывов происходит имитация: например, помещены отзывы только нынешних преподавателей, которые окончили эти курсы 10–15 лет назад, или же отзывы отобраны искусственно и помещены в формате слайда. Повышение эффективности системы профессиональной ориентации позволит улучшить качество образования населения, что благоприятно отразится на производительности труда.

Благодарности

Выполнено в рамках Государственного задания № 122011900420-2 «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения (FSZG-2022-0001)». Автор выражает благодарность руководителю проекта Ж.Т. Тощенко, редактору И.О. Шевченко, научному коллективу проекта.

Acknowledgements

Completed within the framework of State Assignment № 122011900420-2 “Social factors of labor productivity: state, issues, solutions (FSZG2022-0001)”. Author expresses sincere gratitude to Zh.T. Toshchenko the project leader, I.O. Shevchenko editor, the project scientific team.

Литература

Афанасьева 2010 – *Афанасьева Е.А.* Выбор профессии архитектора – причины и цели // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2010. № 1 (13). С. 62–66.

- Кошеутова 2013 – *Кошеутова О.Л.* О проблемах реализации довузовской подготовки в архитектурном образовании современной России // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 4. С. 111–115.
- Кошеутова 2014 – *Кошеутова О.Л.* О внедрении различных форм довузовской подготовки в архитектурно-художественном образовании // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 189–193.
- Суворов и др. 2022 – *Суворов А.И., Волкова Н.Н., Живица В.В.* Некоторые особенности архитектурной профессии // Строительство и техногенная безопасность. 2022. № 25 (77). С. 17–24.
- Тощенко 2022 – *Тощенко Ж.Т.* К классификации профессий: социотехнологическое измерение (опыт методологического анализа) // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 66–76. DOI: 10.31857/S013216250019104-7.

References

- Afanas'eva, E.A. (2010), “Choosing the profession of architecture – reasons and intentions”, *News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, no. 1 (13), pp. 62–66.
- Kosheutova, O.L. (2013), “On the issues of pre-university training implementation in architectural education in modern Russia”, *Siberian pedagogical journal*, no. 4, pp. 111–115.
- Kosheutova, O.L. (2014), “On the introduction of various forms of pre-university training in the architectural and artistic education”, *Siberian pedagogical journal*, no. 2, pp. 189–193.
- Suvorov, A.I., Volkova, N.N. and Zhivitsa, V.V. (2022), “Some features of the architectural profession”, *Construction and industrial safety*, no. 25 (77), pp. 17–24.
- Toshchenko, Zh.T. (2022), “On a classification of occupations. Socio-technological dimension (essay on methodological analysis)”, *Sociological Studies*, no. 6, pp. 66–76, DOI: 10.31857/S013216250019104-7.

Информация об авторе

Георгий В. Ниорадзе, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nioradzersuh@gmail.com

Information about the author

Georgy V. Nioradze, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; nioradzersuh@gmail.com

Этические основы коммуникации в профессиональной деятельности среднего медицинского персонала

Елизавета О. Нечаева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ne088@bk.ru*

Аннотация. Средний медперсонал все чаще позиционируется в средствах массовой информации как самостоятельная профессиональная когорта. Это подтверждает одна из последних инициатив Минздрава России – перераспределить часть медицинских задач, административных функций от врачей к среднему медперсоналу. Эти и другие реформы повышают роль коммуникации в оказании качественной медицинской помощи, а коммуникативная компетентность среднего медицинского персонала становится важным фактором развития всей сестринской службы. Но неизменными остаются этические принципы, сформулированные полтора века назад создателем современного сестринского дела Ф. Найтингейл. В статье приводятся результаты авторского анкетирования медицинских сестер нескольких лечебно-профилактических учреждений на предмет их взаимоотношений с пациентами, родственниками, коллегами. Результаты исследования показывают, что в сообществе среднего медицинского персонала сохраняются и поддерживаются принципы деонтологии и профессионального отношения ко всем участникам лечебного процесса.

Ключевые слова: медицинская сестра, коммуникации, деонтология, этические нормы, профессиональное общение

Для цитирования: Нечаева Е.О. Этические основы коммуникации в профессиональной деятельности среднего медицинского персонала // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 87–95. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-87-95

Ethical foundations of communication in the professional activities of nursing staff

Elizaveta O. Nechaeva

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia, neo88@bk.ru

Abstract. Nursing staff is increasingly positioned in the media as an independent, professional cohort. It is confirmed by one of the latest initiatives of the Ministry of Health of Russia – to redistribute some of the medical tasks and administrative functions from doctors to nurses. These and other reforms increase the role of communication in the provision of quality medical care, and the communicative competence of nursing staff is becoming an important factor in the development of the entire nursing service. However the ethical principles formulated a century and a half ago by the creator of modern nursing F. Nightingale remain unchanged. The article presents results of the author's survey of nurses from several medical and preventive treatment institutions for their relationship with patients, relatives, colleagues. The results of the study show that the principles of deontology and professional attitude towards all participants in the direct care are preserved among the nursing staff.

Keywords: nurse, communications, deontology, ethical standards, professional communication

For citation: Nechaeva, E.O. (2023), “Ethical foundations of communication in the professional activities of nursing staff”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 87–95, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-87-95

Введение

Изучение особенностей коммуникации среднего медицинского персонала в ходе профессиональной деятельности является важной составляющей в формировании благоприятного образа медперсонала, в повышении доверия со стороны населения и оказания качественных медицинских услуг.

Коммуникация в медицинской среде по своей природе близка к экзистенциальной коммуникации К. Ясперса, которая подразумевает достижение взаимопонимания между акторами и предполагает сердечное взаимодействие между незаменимыми индивидами:

Борьба в ней ведется за содержание экзистенции, без воли к власти, на одном уровне, на котором индивид совершает всякий шаг

вперед, только если идет вперед и другой, всякая потеря для другого есть наша собственная потеря [Ясперс 2013].

Отличительным аспектом коммуникаций в медицине является высокая частота межличностных контактов, особенно среди среднего медицинского персонала: процедурные, постовые (палатные) медсестры взаимодействуют с пациентами, родственниками, врачами, линейными коллегами, руководством (старшей и главной медицинской сестрой). Строгое соблюдение субординации между работниками является залогом организованности и хорошей работоспособности всего коллектива и установления этически обусловленных взаимоотношений между медицинскими работниками.

Под коммуникациями в профессиональной деятельности мы понимаем деловое общение, взаимодействие, соблюдение определенного этикета, иногда – протокола. Говоря об устойчивых и строгих правилах профессионального общения, исследователи отмечают, что в медицинской среде профессиональные коммуникации имеют признаки определенной кастовости [Акимова 2014]. Структура субординации в медицине сводится к направлениям взаимоотношения: медицинский работник – пациент; медицинский работник – родственники пациента; медицинский работник – медицинский работник.

Все направления деловой этики сохраняют правила, применимые в общечеловеческих нормах и правилах поведения. К ним можно отнести уважение чувства собственного достоинства и личного статуса другого человека, понимание интересов и мотивов поведения окружающих, социальную ответственность за их психологическую защищенность и т. п. Но помимо общих норм, регулирующих жизнь социума, существуют нормы классической медицинской этики, имеющие свою специфику, обусловленную природой самой профессии. В 1997 г. на основе Устава Всемирной организации здравоохранения (1946) и Этического кодекса Международного совета медицинских сестер (1973) Ассоциация медсестер РФ разработала и приняла первый Этический кодекс медицинской сестры, приоритетной целью которого стало утверждение автономии и самодостаточности этой профессии.

Медицинские профессии относятся к числу тех, что подвержены риску возникновения синдрома эмоционального выгорания, так как работа предполагает ежедневное тесное общение с людьми, страдающими различными недугами, требующими повышенной заботы и внимания. Сталкиваясь с негативными эмоциями со стороны больных, медсестра невольно вовлекается в них, начинает сама испытывать повышенное эмоциональное напряжение.

Синдром профессионального выгорания у медсестер наступает быстрее, чем у врачей, в среднем на 5–9 лет [Симукова 2017]. Одной из рекомендаций для профилактики эмоционального выгорания является обучение эффективным стилям коммуникации и методам разрешения конфликтных ситуаций.

Профессия медицинского работника – одна из немногих профессий, которая требует совершенного владения приемами и способами эффективного общения с пациентами, их родственниками, с коллегами для достижения взаимопонимания, необходимого при решении не только лечебно-диагностических задач, но и личностных и семейных проблемных ситуаций, способных оказывать существенное влияние на исход конкретного заболевания и качество жизни человека [Горшунова, Медведев 2010]. Это суждение в одинаковой мере соответствует и профессии врача, и профессии медицинских сестер. Для среднего медицинского персонала это актуально в большей степени, так как уход и забота возложены именно на него.

Медицинский работник – пациент

В своих исследованиях ряд авторов поднимают проблему «фундаментальной ошибки атрибуции». Это тенденция недооценивать влияние внешней ситуации и переоценивать влияние личности и наоборот, что, в конечном счете, приводит к сложности установления психологического контакта медицинского работника с пациентом, поддержания атмосферы доверия и возможности взаимодействия и сотрудничества с ним в борьбе с недугом (болезнью) [Вишневская 2009].

Регуляция отношений «медсестра – пациент» обусловлена соблюдением этических принципов медицинской деонтологии, правил соблюдения конфиденциальности, информированного согласия пациента, так же как и в отношениях «врач – пациент». Однако межличностное общение между средним медицинским персоналом и пациентом основывается в первую очередь на принципе милосердия. Медсестра – это тот человек, с которым пациент чаще всего коммуницирует в процессе лечения. Профилактическая и лечебная работа относятся к функционалу врача, а задачи, которые стоят перед медсестрой, принадлежат к комплексному всестороннему уходу.

Одной из первых эти принципы сформировала Ф. Найтингейл – меценат, реформатор и создатель современного сестринского дела. Первое научное определение сестринского

дела она дала в своем труде «Записки об уходе». Она считала, что сестринское дело – это «действие по использованию окружающей среды в целях содействия его выздоровлению». При этом цель сестринского ухода была сформирована так: «создать для пациента наилучшие условия» для активации его собственных сил. Называя сестринское дело искусством, она считала, что это искусство требует «организации, практически и научной подготовки» [Найтингейл 2003].

Весной 2023 г. было проведено авторское исследование коммуникативных практик среднего медицинского персонала в медицинских учреждениях Центрального федерального округа. Всего в опросе приняли участие 246 респондентов – медицинских сестер из Воронежской, Смоленской, Московской областей. 97% респондентов – женщины среднего и старшего возраста: до 25 лет – 10 человек (4,07%); от 26 до 40 лет – 57 (23,17%); от 41 года до 50 лет – 69 (28,05%); от 51 года до 60 лет – 62 (25,20%); свыше 60 лет – 48 человек (19,51%).

В ходе анкетирования был задан вопрос: «Ваше мнение о влиянии сестринской помощи на процесс выздоровления пациента?». Получено следующее распределение ответов: «сестринская помощь крайне важна» – 211 человек (85,77%); «сестринская помощь нужна по необходимости» – 34 (13,82%); «пациент выздоровеет и без сестринской помощи» – 1 (0,41%). Полученные результаты свидетельствуют о высокой личной ответственности среднего медицинского персонала, от действий которого зависит успех выздоровления пациентов.

Данная статья готовилась в дни празднования международного Дня медицинской сестры, в рамках подготовки к нему многие лечебно-профилактические учреждения уделяли особое внимание сестринскому персоналу. Был проведен ряд интервью среднего медицинского персонала из разных подразделений одной из московских клиник на предмет выбора, сложностей и особенностей профессии. Полученные результаты подтвердили выводы авторского исследования:

«От опыта, скорости реагирования и коммуникационных способностей среднего медперсонала во многом зависит не только настроение, но и скорость выздоровления человека»;

«Как правило, люди оказываются очень уязвимы и подавлены. Работа с пациентами – это не работа, а скорее совместное преодоление всех сложностей на пути к исцелению»¹.

¹ Медицинский журнал Ильинской больницы. Вып. 3. С. 5–33.

Медицинский работник – родственники пациента

Медицинская сестра проводит с пациентом больше времени, чем врач, поэтому родственники больного человека нередко расспрашивают именно ее о диагнозе, лечении и предполагаемом прогнозе заболевания. Уклонение от ответов, перевод обращения на врача негативно воспринимается родственниками, которые ожидают от медицинского персонала оперативного информирования.

Результаты авторского исследования показали, что средний медицинский персонал в целом обладает необходимыми компетенциями в выстраивании коммуникаций с окружающими. Так, на вопросы: «С кем Вам проще выстраивать коммуникацию, общаться?» и «С кем Вам сложнее выстраивать коммуникацию, общаться?» медсестры ответили однозначно: «Не возникает трудностей, общаюсь со всеми одинаково» – 79,67 и 80,08% соответственно. Комфортнее и проще общаться в равном соотношении с пациентами (6,1%), с врачами (6,91%), с другим средним медперсоналом (6,91%). Сложности коммуникации с родственниками пациентов отметили 10,57% опрошенных.

Результаты опроса свидетельствуют о действии среднего медицинского персонала в соответствии с Этическим кодексом медсестер. Среди принципов Кодекса: родственникам, которые ухаживают за пациентом, необходимо показывать правильность выполнения различных процедур; следует проявлять тактичность, спокойствие и сдержанность; разговор с родственниками пациентов должен строиться в пределах компетенции медсестры; вопросы прогноза болезни, лечения и тому подобные обсуждать с родными может только врач; на вопросы родственников пациента следует отвечать неторопливо и спокойно².

Следовательно, медицинская сестра в процессе работы готова не только к операционным отработанным действиям в отношении пациента, но и способна быть полноправным участником процесса выздоровления, включающего и коммуникации с родственниками, и с медицинским персоналом.

²Этический кодекс медицинской сестры России. 2010. URL: <https://mcrrsd.ru/content/2021/02/eticheskij-kodeks-meditsinskoy-sestry-rossii.pdf> (дата обращения 8 мая 2023).

Медицинский работник – медицинский работник

Отсутствие конфликтов, психологических барьеров между медицинскими работниками в коллективе повышает удовлетворенность работой, способствует эффективному оказанию помощи. Модель «врач – медсестра» в последние годы претерпевает изменения за счет укрепления статуса среднего медицинского персонала, наделения его дополнительными функциями и полномочиями, но стереотипное утверждение, что медицинская сестра – помощник врача, а не самостоятельный специалист, все же прочно закреплено в обществе. Результаты исследования показывают, что более 64% респондентов принимают независимую и автономную роль среднего медицинского персонала, однако треть все же традиционно сохраняет за медицинскими сестрами статус исполнителя указаний врача (см. табл.).

Таблица

Оценка роли медицинской сестры

Как Вы оцениваете роль медицинской сестры?	Количество отвечающих	Количество отвечающих, %
а) исполнитель указаний врача	77	31,30
б) единомышленник и полноправный коллега врача	131	53,25
в) вдохновитель и союзник пациента	12	4,88
г) самостоятельный профессионал	26	10,57
Общий итог	246	100,00

Источник: авторское исследование

В рамках опроса респондентам было предложено оценить, как нарушение субординации с врачом может повлиять на имидж медицинского работника. Распределение по ответам следующее: «никак не повлияет» – 0%; «незначительно» – 2,85%; «вероятно» – 24,8%; «с высокой вероятностью» – 72,36%. Таким образом, 2/3 медицинских сестер считают, что в отношении с врачами также важно соблюдать этический кодекс, предполагающий субординацию, конфиденциальность, уважительное и тактичное отношение ко всем окружающим.

Необходим адекватный подход администрации и врачей к функциональным обязанностям, нагрузке и роли среднего меди-

цинского персонала. Коллегиальные и коммуникативные отношения лучше, чем авторитарные будут способствовать оптимальной работе коллектива [Василенок и др. 2020].

Заключение

Соблюдение этических основ коммуникации в профессиональной деятельности среднего медицинского персонала позволяет сохранять порядок, поддерживать рабочие отношения в коллективе и способствовать оказанию качественной медицинской помощи в лечебном учреждении. Профессиональный подход к пациентам, родственникам пациентов, к коллегам достигается путем непрерывного целенаправленного обучения и соблюдения корпоративной культуры. И если в первом случае подразумевается владение необходимыми коммуникативными компетенциями, обладание техническими навыками, то во втором случае речь идет о ценностных ориентациях и личностных качествах сотрудников. Таким образом, для совершенствования этических основ коммуникации должны быть задействованы коммуникативный потенциал медицинских сотрудников и выстроена стратегия взаимодействий внутри учреждения.

Литература

- Акимова 2014 – *Акимова Т.И.* К вопросу об этических аспектах профессиональных коммуникаций // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2014. С. 55–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-eticheskikh-aspektah-professionalnyh-kommunikatsiy/viewer> (дата обращения 4 июня 2023).
- Василенок и др. 2020 – *Василенок А.В., Буянова Н.М., Мацнева И.А., Голубенко Е.О.* Проблемы взаимодействия врачей и среднего медицинского персонала // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 4. С. 638–644.
- Вишневская 2009 – *Вишневская Н.В.* Общение как ценность в работе среднего медицинского работника // Молодой ученый. 2009. № 3 (3). С. 155–157. URL: <https://moluch.ru/archive/3/208/> (дата обращения 15 мая 2023).
- Горшунова, Медведев 2010 – *Горшунова Н.К., Медведев Н.В.* Формирование коммуникативной компетентности современного врача // Успехи современного естествознания. 2010. № 3. С. 36–37.
- Найтингейл 2003 – *Найтингейл Ф.* Записки об уходе. М.: Рус. врач, 2003. 95 с.
- Симукова 2017 – *Симукова Т.С.* Синдром эмоционального выгорания в работе медицинских сестер ГБУ РО «КБ имени Н.А. Семашко». URL: <http://old.xn--62->

6kct0akqt0e.xn--p1ai/naucno-popularnye/nevrologia/sindrom-emocionalnogo-vygorania-v-rabote-medicinskih-sester (дата обращения 10 мая 2023).

Ясперс 2013 – Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: Канон+, 2013. 336 с.

Referenes

- Akimova, T.I. (2014), “On the issue of ethical aspects of professional communications“, *Alexeev NSTU Bulletin. “Management in social systems. Communication Technologies” Series*, pp. 55–60, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-eticheskikh-aspektah-professionalnyh-kommunikatsiy/viewer> (Accessed 4 June 2023).
- Gorshunova, N.K. and Medvedev, N.V. (2010), “Formation of the communicative competence of a modern doctor“, *Advances in current natural sciences*, no. 3, pp. 36–37.
- Jaspers, K. (2013), *Razum i ekzistentsiya* [Mind and existence], Kanon+, Moscow, Russia.
- Nightingale, F. (2003), *Zapiski ob ukhode* [Notes on Nursing], Rus. vrach, Moscow, Russia.
- Simukova, T.S. (2017), *Burnout syndrome in the work of nurses of the N.A. Semashko Clinical Hospital*, available at: <http://old.xn--62-6kct0akqt0e.xn--p1ai/naucno-popularnye/nevrologia/sindrom-emocionalnogo-vygorania-v-rabote-medicinskih-sester> (Accessed 10 May 2023).
- Vasilenok, A.V., Buyanova, N.M., Matzneva, I.A. and Golubenko, E.O. (2020), “The problems of physicians-paramedical personnel interaction“, *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, no. 28 (4), pp. 638–644.
- Vishnevskaya, N.V. (2009), “Communication as a value in the activity of a paramedical worker“, *Young scientist*, no. 3 (3), pp. 155–157, available at: <https://moluch.ru/archive/3/208/> (Accessed 15 May 2023).

Информация об авторе

Елизавета О. Нецаева, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6;

Государственный научный центр Российской Федерации – Федеральный медицинский биофизический центр имени А.И. Бурназяна, Москва, Россия; 123098, Россия, Москва, ул. Маршала Новикова, д. 23, стр. 2; neo88@bk.ru

Information about the author

Elizaveta O. Nechaeva, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Russian State Research Center – Burnasyan Federal Medical Biophysical Center of Federal Medical Biological Agency, Moscow, Russia; bldg. 2, bld. 23, Marshala Novikova Street, Moscow, Russia, 123098; neo88@bk.ru

УДК 316.346.2:61

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-96-107

Гендерные особенности восприятия визуального облика медицинских организаций

Альберт А. Курмангулов

*Тюменский государственный медицинский университет,
Тюмень, Россия, 79091810202@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты аналитического социологического исследования по изучению мнения населения в гендерном аспекте относительно особенностей восприятия и одобрения различных атрибутов визуального образа медицинских организаций Российской Федерации. В ходе исследования установлено, что женщины чаще, чем мужчины, обращают внимание на дизайнерские решения элементов визуального образа. Построение матрицы Кано позволило определить наиболее привлекательные атрибуты медицинских систем визуализации – единый дизайн указателей и наличие графических элементов, получивших большое одобрение у женщин. Учет гендерного баланса в формировании и реализации национальной политики в области здравоохранения может стать основой для разработки многоцелевых стратегий, направленных на создание максимального комплаенса и мужчин, и женщин в вопросах условий оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: здравоохранение, система визуализации, квалиметрия, гендер, дизайн, восприятие информации, социологическое исследование

Для цитирования: Курмангулов А.А. Гендерные особенности восприятия визуального облика медицинских организаций // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 96–107. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-96-107

Perception gender features of medical visualization systems

Albert A. Kurmangulov

*Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia,
79091810202@yandex.ru*

Abstract. The article presents the results of an analytical sociological research on the population's opinion study in the gender aspect regarding the perception and approval of various attributes of the visual image of medical organizations in the Russian Federation. The research found that women are more likely than men to pay attention to design solutions for elements of a visual image. The construction of the Kano matrix made it possible to determine the most attractive attributes of medical imaging systems – a single design of pointers and the presence of graphic elements that received great approval from women. Accounting for gender balance in the formation and implementation of national health policy can become the basis for the development of multi-purpose strategies aimed at creating maximum compliance for both men and women in terms of the conditions for providing medical care.

Keywords: healthcare, visualization system, qualimetry, gender, design, information perception, sociological research

For citation: Kurmangulov, A.A. (2023), "Perception gender features of medical visualization systems", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 96–107, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-96-107

Введение

Визуальный облик признается одним из важнейших показателей качества внутреннего и внешнего пространства любых объектов здравоохранения: поликлиник, больниц, родильных домов, женских консультаций и др. [Степанов и др. 2020, с. 8–9]. В настоящее время во всех реализуемых на территории Российской Федерации (РФ) проектах по совершенствованию оказания медицинской помощи стратегическими целями считаются соблюдение приоритета интересов пациентов и обеспечение комфортности условий пребывания в зданиях медицинского назначения [Гарифуллин и др. 2020, с. 4; Курмангулов и др. 2021].

Формирование единых принципов построения информационных указателей, правил применения текстовой и графической информации, разъяснений основных инструментов планирования и проектирования отдельных элементов предполагает появление

российского стандарта визуализации государственных и муниципальных медицинских организаций [Toth 2016]. Для этого требуется детальное изучение перспективных подходов к проектированию визуального облика, которые позволят модернизировать объекты здравоохранения в соответствии с изменившимися требованиями со стороны российского общества к системе здравоохранения [Царик и др. 2021, с. 13].

В квалитметрии при проведении оценочных исследований предполагается тестирование прототипов, продуктов или интерфейсов потенциальными пользователями в процессе разработки дизайна и конструкций в целях определения их полезности, востребованности и удобства в использовании [Samah et al. 2020, p. 665–668]. В настоящее время подобные исследования в рекламе, маркетинге и социологии представляют собой комплексные оценки атрибутов изучаемого объекта с обязательным учетом обратной связи при измерении предпочтений, включая эстетическую и эмоциональную реакцию различных категорий потенциальных пользователей, в том числе в гендерном аспекте [Lo 2011, p. 7].

Наиболее значимые для гнозиса информации детерминанты можно объединить в три группы: 1) рецепторно-рефлекторные (особенности анатомии зрительного анализатора, чувствительности рецепторов, структурной и функциональной организации головного мозга и др.); 2) психоэмоциональные (уровень сознания, характер, тип личности, настроение и др.); 3) социокультурные (структура системы ценностей, уровень образования, окружение, среда проживания и др.) [Samah et al. 2020, p. 666]. В свою очередь, в значительной степени и рецепторно-рефлекторные, и психоэмоциональные, и социокультурные особенности восприятия информации конкретного человека определяются его гендером.

В классической дихотомии гендера между мужчиной и женщиной существуют не только фенотипические различия, которые обусловлены генетическими, анатомическими и физиологическими особенностями, но и функциональное разделение социальных ролей, привычек, особенностей поведения, видов деятельности, которое в определенной социальной среде или обществе считается свойственным для мужчин и женщин [Белокрылова и др. 2015, с. 68–70]. К настоящему времени в специализированной научной литературе накопилось большое количество экспериментальных работ отечественных и зарубежных авторов, в которых показаны гендерные различия в восприятии цветовой, текстовой и графической зрительной информации [Борисова, Махин 2018]. В работе китайских исследователей S.H. Cho и S.J. Hong показаны гендерные особенности в ответ на визуальные стимулы с более выраженной

реакцией у женщин [Cho, Hong 2013, p. 1332]. О.Б. Ярош с соавторами в серии айтрекингговых исследований установил значимые различия в глазодвигательном поведении женщин и мужчин при изучении товаров в супермаркетах [Ярош и др. 2020]. В похожем по дизайну исследовании южнокорейских ученых установлены аналогичные результаты: участницы-женщины визуально охватывали гораздо больше областей пространства, чем мужчины [Hwang, Lee 2018, p. 22–24]. При этом в обоих исследованиях благодаря возможности фиксации скорости и амплитуды движения зрачков при окулометрии была установлена меньшая общая концентрация внимания мужчин в незнакомом визуальном пространстве.

В то же время имеются работы, в которых какие-либо гендерные особенности восприятия различной зрительной информации либо вообще не устанавливаются [Heidl et al. 2013, p. 72–73], либо определяются минимальные различия в восприятии зрительных иерархических стимулов, которые не сказываются на эффективности когнитивной деятельности в сравнительном плане женщин и мужчин [Разумникова, Вольф 2011, с. 16]. В некоторых работах доказательно оспаривается гендерная детерминированность восприятия визуальной информации. Так, T. Vecchi и L. Girelli ставят под сомнение сам факт существования гендерных различий в любых формах восприятия, за исключением задач активной обработки в зрительно-пространственном гнозисе [Vecchi, Girelli 1998].

Существующие среди специалистов по организации здравоохранения и общественному здоровью, социологов, руководителей медицинских организаций, проектировщиков и дизайнеров предметно-пространственной среды противоречия в понимании основного интента населения РФ по отношению к визуальному облику объектов здравоохранения послужили поводом к организации и проведению социологического исследования.

Цель исследования: изучить гендерные особенности восприятия визуального облика медицинских организаций среди населения РФ.

Материалы и методы исследования

Анализ основан на результатах собственного социологического исследования среди граждан РФ в возрасте 14–89 лет: 55% (n = 4042) женщин и 45% (n = 3314) мужчин. Сбор эмпирических данных осуществлен методом комбинированного (онлайн-форма / заполнение бумажного варианта анкеты / устное интервью) опроса респондентов в 2020–2021 гг. в 85 субъектах РФ. Всего в ходе исследования опрошено 7356 человек.

Для структурирования характеристик интента населения к системам визуализации медицинских организаций использовалась модель удовлетворенности потребителя Кано (Kano analysis). Данная модель строится на утверждении, что представления пользователя о ценности объекта исследования могут быть выявлены с помощью сопоставления его реакции на наличие («+») и отсутствие («-») атрибута у объекта исследования [Gimenez et al. 2020, p. 4224].

Статистическая обработка полученных результатов проводилась методом вариационной статистики. Нормальность распределения оценивалась с помощью критерия Колмогорова–Смирнова. Количественные данные представлены в виде медианы (Me) и интерквартильного размаха 25-й и 75-й перцентилей (25%; 75%). Удельный вес каждого из вариантов исследуемых показателей представлен в виде относительной величины показателя в процентном измерении (%). При анализе количественных показателей были использованы критерий Манна-Уитни и критерий χ^2 (хи-квадрат). Критический уровень значимости при проверке статистических гипотез принимался равным 0,05.

Результаты исследования

В ходе исследования удалось установить гендерные различия профиля ответов на вопрос: «Как часто Вы обращаетесь в медицинские организации (поликлиники, больницы, диагностические центры и т. п.)?». Женщины чаще, чем мужчины, обращаются в объекты здравоохранения ($p < 0,001$) и чаще обращают внимание на элементы визуального облика ($p < 0,01$) (табл. 1).

Таблица 1

Частота посещений медицинских организаций, % (n)

Группа исследования	Вариант ответа			
	Каждую неделю	Каждый месяц	Несколько раз в год	Реже, чем 1 раз в год
Женщины	1 (43)	8 (319)	52 (2107)	39 (1573)
Мужчины	1 (38)	5 (160) ¹	43 (1414) ¹	51 (1702) ¹

Источник: собственное исследование

Примечание: ¹ – статистически значимые ($p < 0,001$) различия по сравнению с женщинами

Средняя общая оценка визуального облика среди женщин оказалась статистически значимо выше мужчин ($p < 0,001$) (табл. 2). При этом сравнение оценок по отдельным блокам систем визуализации не выявило наличие существенных гендерных различий в показателях архитектурно-планировочных, содержательных и информационных решений. В то же время по дизайнерским ($p < 0,001$) и конструктивно-технологическим ($p < 0,01$) решениям установлена гендерная дифференциация интента респондентов. Важная особенность поведения лиц женского пола была установлена при определении наличия предпочтений в выборе медицинских организаций для посещения с целью получения медицинской помощи: у женщин коэффициент якорности к расположенным в территориальной близости объектам здравоохранения оказался ниже, чем у мужчин ($p < 0,05$).

Таблица 2

Оценка визуального образа медицинских организаций,
Me [25%; 75%]

Показатель	Женщины	Мужчины
Средняя общая оценка (1–10 баллов)	6 [4; 8]	7 [5; 9] ¹
Средняя оценка архитектурно-планировочных решений (1–10 баллов)	7 [5; 9]	7 [5; 9]
Средняя оценка содержательных решений (1–10 баллов)	3 [2; 5]	3 [3; 5]
Средняя оценка информационных решений (1–10 баллов)	4 [2; 8]	4 [2; 7]
Средняя оценка дизайнерских решений (1–10 баллов)	4 [1; 5]	6 [4; 9] ¹
Средняя оценка конструктивно-технологических решений (1–10 баллов)	5 [4; 7]	6 [5; 8] ²

Источник: собственное исследование автора.

Примечание:

- ¹ – статистически значимые ($p < 0,001$) различия по сравнению с женщинами;
- ² – статистически значимые ($p < 0,01$) различия по сравнению с женщинами.

Несмотря на то что большинство и женщин (77%; 3122), и мужчин (65%; 2158) отнесли необходимость изготовления элементов визуального облика (информационных стендов, навигационных

табличек и т. п.) на профессиональном оборудовании с использованием качественных материалов к обязательным атрибутам, у лиц мужского пола отмечено менее критичное отношение к изготовлению элементов систем визуализации из подручных средств: офисной бумаги, скотча, маркера, ручки, файла и т. п.

Большинство респондентов среди мужчин (81%; 2696) и женщин (79%; 3192) одобрили единый дизайн визуального облика, но в группе женщин была определена более принципиальная позиция (доминирующий ответ – «Нормально, так и должно быть») по данному атрибуту ($\chi^2 = 202,2$; $df = 4$; $p < 0,001$). Полученные закономерности подтверждаются семантическим вопросом-антиподом, в котором мужчины продемонстрировали более нейтральное отношение к наличию в медицинских организациях указателей, выполненных в разных стилях, в то время как у женщин наиболее распространенным ответом по данному вопросу стал ответ «Отрицательно, мне это не понравится» ($p < 0,001$). Профиль ответов на данный вопрос также оказался статистически значимо различным у женщин и мужчин ($\chi^2 = 100,9$; $df = 4$; $p < 0,001$).

Наиболее популярным ответом на вопрос о необходимости общей айдентики в медицинских организациях («Как Вы отнесетесь к тому, что дизайн навигационных и информационных указателей будет сочетаться с другими элементами интерьера, мебелью, стендами, стойками информации (цвета, материалы, геометрия)?») и среди мужчин (38%; 1251), и среди женщин (41%; 1652) оказался ответ «Нормально, так и должно быть». В то же время на вопрос «Как Вы отнесетесь к тому, что дизайн навигационных и информационных указателей не будет сочетаться с другими элементами интерьера, мебелью, стендами, стойками информации (цвета, материалы, геометрия)?» наиболее распространенным ответом среди женщин стал ответ «Отрицательно, мне не понравится» (40%; 1604), а у мужчин – «Нейтрально / мне все равно» (36%; 1191). Несмотря на близость в процентном отношении с нейтральной (36%) и отрицательной (35%) реакциями в категории мужчин, более сглаженный интентный профиль у данной категории подтверждается статистически ($\chi^2 = 66,5$; $df = 4$; $p < 0,001$).

Обсуждение

В ходе проведенного исследования подтвердилась гипотеза о наличии гендерных различий интентного профиля населения РФ в дизайнерских решениях визуального облика медицинских организаций. Современный дизайн является специфической сферой деятель-

ности, связанной с разработкой предметно-пространственной среды и ее компонентов с тем, чтобы придать результатам проектирования систем визуализации высокие потребительские свойства, эстетические качества, оптимизировать и гармонизировать взаимодействие визуальных элементов с посетителями и персоналом медицинской организации [Бергер 2005, с. 78]. Полученные результаты позволяют утверждать, что среди женщин прослеживается более пристальное внимание к дизайнерским решениям визуального облика.

Полученные данные согласуются с теорией витального поведения женщин, ключевым положением которой выступает ценностная система действий и отношений, опосредующих здоровье и продолжительность жизни индивида [Русинова и др. 2010, с. 95–96]. Результаты многочисленных социологических опросов свидетельствуют о том, что женщины всегда оценивают свое здоровье ниже, чем мужчины [Паутова, Паутов 2015]. Так, в выборочном исследовании Росстата (2018 г. во всех субъектах РФ с охватом 15 тыс. домохозяйств) было установлено, что мужчины чаще, чем женщины, определяют свое здоровье как «очень хорошее» (7,6 и 3,7%) и «хорошее» (38,9 и 31,2%) и соответственно женщины чаще оценивают его как «плохое» (13,1 и 9,0%) и «очень плохое» (1,9 и 1,2%).

Изучение гендерных особенностей восприятия является достаточно трудной с методологической точки зрения задачей для исследователя, так как в этой сфере тесно переплетаются рецепторно-рефлекторные, психоэмоциональные и социокультурные аспекты гнозиса информации. Сложность качественной оценки визуального облика определяется существенной ролью в общем впечатлении от навигационных и информационных элементов визуальной составляющей, а именно особенностей восприятия основными стейкхолдерами различных стиливых, графических, цветовых и композиционных решений. Все эти характеристики, как и в целом дизайн графических сред, не имеют институционально закрепленных правил и норм, что, в свою очередь, приводит к большой смысловой дивергентности понятия «хороший (качественный) указатель» среди проектировщиков и заказчиков систем визуализации, а также посетителей медицинских организаций – пациентов, их родственников и сопровождающих.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что женщины чаще, чем мужчины, посещают объекты здравоохранения, имеют меньшую территориальную привязку к медицинским

организациям и чаще обращают внимание на элементы визуального облика. Среди гендерных особенностей отношения к системам визуализации медицинских организаций отмечается большее внимание к дизайнерским решениям (оформление, стилистика и айдентика) навигационных и информационных указателей со стороны женщин.

Учет гендерного баланса в формировании и реализации национальной политики в области здравоохранения может стать основой для разработки многоцелевых стратегий, направленных на создание максимального комплаенса и мужчин, и женщин в вопросах условий оказания медицинской помощи, и создания с этой целью соответствующих институциональных механизмов. Разработка перспективных подходов к проектированию визуального облика, ориентированного на создание функционально-планировочных и инженерно-конструктивных систем позволит осуществить модернизацию в соответствии с изменившимися требованиями к системе здравоохранения, обеспечит эффективность и устойчивое развитие уже построенных зданий медицинских организаций.

Литература

- Белокрылова и др. 2015 – *Белокрылова Л.В., Дороднева Е.Ф., Шорохова Т.Д., Курмангулов А.А., Рейтблат О.М., Сторожок М.А., Балина В.А., Ефанов А.Ю.* Гендерные особенности пищевых привычек жителей Тюменской области // *Медицинская наука и образование Урала*. 2015. Т. 16. № 1 (81). С. 68–70.
- Бергер 2005 – *Бергер К.М.* Путеводные знаки. Дизайн графических систем навигации. М.: РИП-холдинг, 2005. 176 с.
- Борисова, Махин 2018 – *Борисова Ю.В., Махин С.А.* Особенности зрительного внимания к цвету в рекламе в зависимости от гендерных и половых различий // *Таврический научный вестник. Педагогика и психология: Сб. ст. научно-практич. семинаров факультета психологии Таврической академии / Под общ. ред. М.Р. Скоробогатовой. Симферополь, 2018. С. 84–88.*
- Гарифуллин и др. 2020 – *Гарифуллин Т.Ю., Авдеева М.В., Панов В.П., Филатов В.Н.* Направления и методы совершенствования деятельности регистратуры при реализации проекта «Новая модель медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь» // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2020. Т. 66. № 3.
- Курмангулов и др. 2021 – *Курмангулов А.А., Крошка Д.В., Бульчева Е.А.* Основные правила пространственного размещения навигации в медицинской организации, оказывающей помощь при стоматологических заболеваниях // *Институт стоматологии*. 2021. № 3 (92). С. 66–68.

- Паутова, Паутов 2015 – Паутова Н.И., Паутов И.С. Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности (по данным 21-й волны RLMS-HSE) // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 60–75.
- Разумникова, Вольф 2011 – Разумникова О.М., Вольф Н.В. Селекция зрительных иерархических стимулов на глобальном и локальном уровнях у мужчин и женщин // Физиология человека. 2011. Т. 37. № 2. С. 14–19.
- Русинова и др. 2010 – Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Здоровье и социальный капитал (опыт исследования в Санкт-Петербурге) // Социологические исследования. 2010. № 1 (309). С. 87–99.
- Степанов и др. 2020 – Степанов В.Г., Журнова Г.М., Матвеев Р.С., Михайлов М.Ю. Современные аспекты бережливых технологий в практике работы детских медицинских организаций // Здоровоохранение Чувашии. 2020. № 4. С. 5–13.
- Царик и др. 2021 – Царик Г.Н., Рытенкова О.Л., Грачева Т.Ю. Управление развитием медицинских организаций // Фундаментальная и клиническая медицина. 2021. Т. 6. № 1. С. 8–15.
- Ярош и др. 2020 – Ярош О.Б., Калькова Н.Н., Реутов В.Е. Управление визуальным вниманием потребителя в условиях информационной асимметрии // Управленец. 2020. Т. 11. № 5. С. 97–111.
- Cho, Hong 2013 – Cho S.H., Hong S.J. Blog user satisfaction: Gender differences in preferences and perception of visual design // Social Behavior and Personality: an international journal. 2013. Vol. 41. Iss. 8. P. 1319–1332.
- Gimenez et al. 2020 – Giménez Z., Mourgues C., Alarcón L.F., Mesa H., Pellicer E. Value analysis model to support the building design process // Sustainability. 2020. Vol. 12 (10). P. 4224.
- Heidl et al. 2013 – Heidl W., Thumfart S., Lughofer E., Eitzinger C., Klement E.P. Machine learning based analysis of gender differences in visual inspection decision making // Information Sciences. 2013. Vol. 224. P. 62–76.
- Hwang, Lee 2018 – Hwang Y.M., Lee K.C. Using an eye-tracking approach to explore gender differences in visual attention and shopping attitudes in an online shopping environment // International Journal of Human-Computer Interaction. 2018. Vol. 34. Iss. 1. P. 15–24.
- Lo 2011 – Lo K.C. Investigation of optical illusions on the aspects of gender and age // The UCLA Undergraduate Science Journal. 2011. Vol. 24. P. 5–10.
- Samah et al. 2020 – Samah K.A.F.A., Ibrahim S., Ghazali N., Suffian M., Mansor M., Lati W.A. Mapping a hospital using Open Street Map and Graphhopper: A navigation system // Bulletin of Electrical Engineering and Informatics. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 661–668.
- Toth 2016 – Toth Z. Ilona: indoor localization and navigation system // Journal of Location Based Services. 2016. Vol. 10. P. 285–302.
- Vecchi, Girelli 1998 – Vecchi T., Girelli L. Gender differences in visuo-spatial processing: The importance of distinguishing between passive storage and active manipulation // Acta psychologica. 1998. Vol. 99. Iss. 1. P. 1–16.

References

- Belokrylova, L.V., Dorodneva, E.F., Shorokhova, T.D., Kurmangulov, A.A., Reitblat, O.M., Storozhok, M.A., Balina, V.A. and Efanov, A.Yu. (2015), "Gender characteristics of eating habits of residents in the Tyumen region", *Medical Science and Education of the Urals*, vol. 16, no. 1 (81), pp. 68–70.
- Berger, K.M. (2005), *Putevodnye znaki. Dizain graficheskikh sistem navigatsii* [Guiding signs. Design of graphic navigation systems], RIP-holding, Moscow, Russia.
- Borisova, Yu.V. and Makhin, S.A. (2018), "Features of visual attention to color in advertising depending on gender and gender differences", Skorobogatova, M.R. (ed.), *Tavrisheskii nauchnyi vestnik. Pedagogika i psikhologiya: Sb. st. nauchno-praktich. seminarov fakul'teta psikhologii tavrisheskoi akademii* [Tauride Scientific Bulletin. Pedagogy and psychology. Collection of articles of scientific and practical seminars of the Faculty of Psychology of the Taurida Academy], Simferopol, pp. 84–88.
- Cho, S.H. and Hong, S.J. (2013), "Blog user satisfaction: Gender differences in preferences and perception of visual design", *Social Behavior and Personality: an international journal*, vol. 41, iss. 8, pp. 1319–1332.
- Garifullin, T.Yu., Avdeeva, M.V., Panov, V.P. and Filatov, V.N. (2020), "Directions and methods for improving performance of the clinic front desk within the framework of the 'new model of the medical organization providing primary health care' project", *Social aspects of public health*, vol. 66, no. 3, pp. 4.
- Giménez, Z., Mourgues, C., Alarcón, L.F., Mesa, H. and Pellicer, E. (2020), "Value analysis model to support the building design process", *Sustainability*, vol. 12 (10), p. 4224.
- Heidl, W., Thumfart, S., Lughofer, E., Eitzinger, C. and Klement, E.P. (2013), "Machine learning based analysis of gender differences in visual inspection decision making", *Information Sciences*, vol. 224, pp. 62–76.
- Hwang, Y.M. and Lee, K.C. (2018), "Using an eye-tracking approach to explore gender differences in visual attention and shopping attitudes in an online shopping environment", *International Journal of Human-Computer Interaction*, vol. 34, iss. 1, pp. 15–24.
- Kurmangulov, A.A., Kroshka, D.V. and Bulycheva, E.A. (2021), "Basic Rules for the Navigation Spatial Placement in a Medical Organization Providing Care for Dental Diseases", *Institute of Dentistry*, no. 3 (92), pp. 66–68.
- Lo, K.C. (2011), Investigation of optical illusions on the aspects of gender and age, *The UCLA Undergraduate Science Journal*, vol. 24, pp. 5–10.
- Pautova, N.I. and Pautov, I.S. (2015), "Gender characteristics of the health self-assessment and its perception as a socio-cultural value (according to the 21st wave of RLMS-HSE)", *Woman in Russian Society*, no. 2 (75), pp. 60–75.
- Razumnikova, O.M. and Wolf, N.V. (2011), "Selection of visual hierarchical stimuli at the global and local levels in men and women", *Human Physiology*, vol. 37, no. 2, pp. 14–19.

- Rusinova, N.L., Panova, L.V. and Safronov, V.V. (2010), "Health and social capital (experience of research in St. Petersburg)", *Sociological research*, no. 1 (309), pp. 87–99.
- Samah, K.A.F.A., Ibrahim, S., Ghazali, N., Suffian, M., Mansor, M. and Lati, W.A. (2020), "Mapping a hospital using Open Street Map and Graphhopper: A navigation system", *Bulletin of Electrical Engineering and Informatics*, vol. 9, no. 2, pp. 661–668.
- Stepanov, V.G., Zhirnova, G.M., Matveev, R.S. and Mikhailov, M.Yu. (2020), "Modern aspects of lean technologies in the practice of children's medical organizations", *Zdravookhranenie Chuvashii*, no. 4, pp. 5–13.
- Toth, Z. (2016), "Ilona: indoor localization and navigation system", *Journal of Location Based Services*, vol. 10, pp. 285–302.
- Tsarik, G.N., Rytenkova, O.L. and Gracheva, T.Yu. (2021), "Lean technology principles improve management of medical organizations", *Fundamental and Clinical Medicine*, vol. 6, no. 1, pp. 8–15.
- Vecchi, T. and Girelli, L. (1998), "Gender differences in visuo-spatial processing: The importance of distinguishing between passive storage and active manipulation", *Acta psychologica*, vol. 99, iss. 1, pp. 1–16.
- Yarosh, O.B., Kalkova, N.N. and Reutov, V.E. (2020), "Management of the consumer's visual attention in conditions of information asymmetry" *Manager*, vol. 11, no. 5, pp. 97–111.

Информация об авторе

Альберт А. Курмангулов, кандидат медицинских наук, Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия; 625023, Россия, Тюмень, ул. Одесская, д. 54; 79091810202@yandex.ru

Information about the author

Albert A. Kurmangulov, Cand. of Sci. (Medicine), Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia; bld. 54, Odessaya Street, Tyumen, Russia, 625023; 79091810202@yandex.ru

УДК 316.346.2-055.1:373

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-108-118

Мужчины на женском профессиональном поле (на примере воспитателей в детских садах)

Елена А. Колосова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, the_shmiga@mail.ru*

Светлана Н. Майорова-Щеглова

*Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Россия, sheglova-s@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены размышления о месте мужчины на женском профессиональном поле на материалах зарубежных исследований, а также новых данных, полученных в ходе изучения воспитателей детских дошкольных организаций, инициированного социологами – членами Исследовательского комитета «Социологи детства» РОС.

Представлены данные о трансформации представлений о мужчинах-воспитателях в оценках родителей детей дошкольного возраста. Приводится информация о том, как воспитатели-мужчины оценивают свой социальный статус и в чем видят свои задачи в процессе воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: воспитатели, гендер, профессия, детский сад

Для цитирования: Колосова Е.А., Майорова-Щеглова С.Н. Мужчины на женском профессиональном поле (на примере воспитателей в детских садах) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 108–118. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-108-118

Men in the women's professional field (using the example of kindergarten teachers)

Elena A. Kolosova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
the_shmiga@mail.ru*

Svetlana N. Mayorova-Shcheglova

*Moscow State Psychological and Pedagogical University,
Moscow, Russia, sheglova-s@yandex.ru*

Abstract. The article presents reflections on the place of men in the women's professional field on the materials of foreign studies, as well as new data obtained during the study of educators of preschool organizations initiated by sociologists – members of the Research Committee “Sociologists of Childhood” of the Russian Academy of Sciences.

It presents the data on the transformation of ideas about male educators in the assessments of the preschool children parents. Information is provided on how male educators deem their social status and what they see as their tasks in the process of educating the younger generation.

Keywords: educators, gender, profession, kindergarten

For citation: Kolosova, E.A. and Mayorova-Shcheglova, S.N. (2023), “Men in the women's professional field (using the example of kindergarten teachers)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 108–118, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-108-118

Введение: гендерная асимметрия в профессиях

Большинство научных публикаций по гендерным проблемам профессионального поля посвящены асимметрии при выборе обучающей программы и места работы в продвижении по карьерной лестнице. В абсолютном большинстве работ последнего десятилетия приводятся данные о недооценке роли женщин на профессиональном поле, рассматривается как маргинальное положение женщин в инженерной профессии [Кеммет 2017], полиции [Коротких 2017], СТЕМ [Колесникова, Куденко 2017] и др. По результатам количественного анализа научных статей о карьерных продвижениях акцент на сложностях карьеры женщин делается более чем в 2 раза чаще, чем на продвижении мужчин [Молл 2012, с. 43–45].

Причины асимметрии в некоторых профессиях видятся и в традициях-стереотипах, и в воспроизводимых повседневных практиках. Практики описываются разнообразные, среди них главенствующими являются низкая заработная плата в высокофеминизированных профессиях и направленность женщин на традиционную профессию через социализацию, канализацию, мобилизацию в отрасли, где требуется выполнение ролей, входящих в основной ролевой набор для женщин в семье. Согласно исследованию НИУ ВШЭ, с преобладанием женщин продолжают оставаться следующие отрасли: образование (82% работников), здравоохранение (79%), гостиничный бизнес и общественное питание (более $\frac{3}{4}$ всех работающих) [Шинкаренко, Витковская 2022]. Ученые доказывают, что возникают парадоксы, несмотря на изменение условий работы во многих отраслях. В выборе профессий у современных выпускников школ сохраняются четко очерченные ареалы [Замятина 2017]: гендерно окрашенных специальностей в представлениях молодежи больше, чем «нейтральных», невзирая на то, что именно молодежь склонна объявлять себя разрушителем всех, в том числе гендерных, барьеров.

Мужчины на «женском» профессиональном поле

По-видимому, однобокий взгляд на проблему асимметрии (со стороны женщин) не дает полной картины, мы полагаем, что есть необходимость сменить исследовательский фокус и выяснить – а как работают те небольшие группы экспатов на чужом (чуждом?) профессиональном поле?

На такое пилотное исследование нас сподвигло крупномасштабное социологическое исследование российских воспитателей, проведенное в 2022 г. инициативной группой исследовательского комитета РОС «Социология детства» (С.Н. Майорова-Щеглова, Е.А. Колосова, А.Ю. Митрофанова, А.Ю. Губанова) при поддержке «Ассоциации лучших дошкольных образовательных организаций и педагогов» (Ю.Е. Антонов, Е.А. Зюзина) и Всероссийской общественной организации «Воспитатели России» (И.А. Дядюнова). Исследование было проведено в связи с тем, что 2022 г. был объявлен Годом культурного наследия народов России (Указ Президента РФ № 745 от 30.12.2021). Целью исследования было определить роль социальных институтов и организаций в деятельности воспитателей дошкольных образовательных организаций по приобщению детей к культурному наследию. Планируется выработка

рекомендаций по совершенствованию воспитательной работы с дошкольниками, т. е. сам проект никаким образом не концентрировался на гендерных проблемах.

В онлайн-опросе приняли участие более 3300 респондентов, в целевую выборку были включены активные участники профессиональных сообществ воспитателей из 8 федеральных округов и 54 субъектов РФ. 49,5% проживают в малых городах, 33,4% – из крупных городов, 10% – сельские жители, из городов-миллионников было 6,8% информантов. 88% опрошенных работают воспитателями, 12% – старшими воспитателями, 98,5% трудятся в государственных детских садах.

Сфера дошкольного образования относится к «женским профессиям». Мы осознаем, что какие-либо количественные сравнения мужской группы с общим массивом женщин-респондентов (из опрошенных 99% составили женщины) не являются корректными. Но нам показалось крайне интересным обратиться к этой небольшой группе в нашем исследовании и в ряде других проектов для постановки гипотез и выяснения предварительных ответов-пунктиров на исследовательские вопросы.

1. Каков удельный вес мужчин, работающих на традиционных «женских позициях» в образовании?

2. Возможно ли зафиксировать какие-то особые социально-демографические характеристики мужчин-воспитателей?

3. Есть ли специфика в организации основной деятельности на примере организации деятельности в Год культурного наследия?

4. Выделяется ли особый взгляд воспитателей мужского пола на детство и воспитание?

5. Почему мужчины редко идут в «женские профессии»?

6. Нужно ли, чтобы мужчины работали на позициях воспитателей детских садов?

7. Каковы реальные маршруты попадания мужчин в «женскую профессию» и возможные механизмы такого привлечения?

Среди опрошенных нами воспитателей – 21 респондент-мужчина, что составило менее 1% всех опрошенных. Для сравнения, в других странах в этой профессии в основном также женщины. В США доля воспитателей-мужчин в дошкольных организациях – около 3%, в Германии – 5%, в Норвегии – около 20%¹. Свыше половины наших респондентов работали в детском саду более 10 лет, но доля опыт-

¹Мужчины-воспитатели о карьере в детском саду. Портал «Мел». URL: <https://mel.fm/ucheba/detsky-sad/2916058-vsyu-zhizn-popy-podtirat-ctoeto-zarabota-dlya-muzhchiny-pochemu-v-detskikh-sadakh-rabotayut-tolko> (дата обращения 6 февраля 2023).

ных меньше, чем среди женщин. Но если посмотреть на новичков (стаж работы от 1 до 3 лет), то тут процентное соотношение внутри группы 8,7% у женщин и в два раза больше у мужчин. Лишь один из респондентов работает в сельской местности, основная часть – в городах крупных и небольших, а вот в городе-миллионнике таких, возможно, больше, если судить по нашим данным. Все они трудятся в государственных детских садах. В целом мужчины в большей степени удовлетворены своим финансовым положением, это можно объяснить тем, что в больших городах уровень зарплат выше.

По сравнению с женской аудиторией мужчины склонны в большей степени определять свою профессию как престижную и уважаемую. Предполагаем, что это связано с вниманием именно к мужчинам-воспитателям, пока они «экзотичны» в профессиональном ландшафте, и, возможно, к ним чаще обращаются пресса и руководство, они представляют свои учреждения в конкурсах, фестивалях.

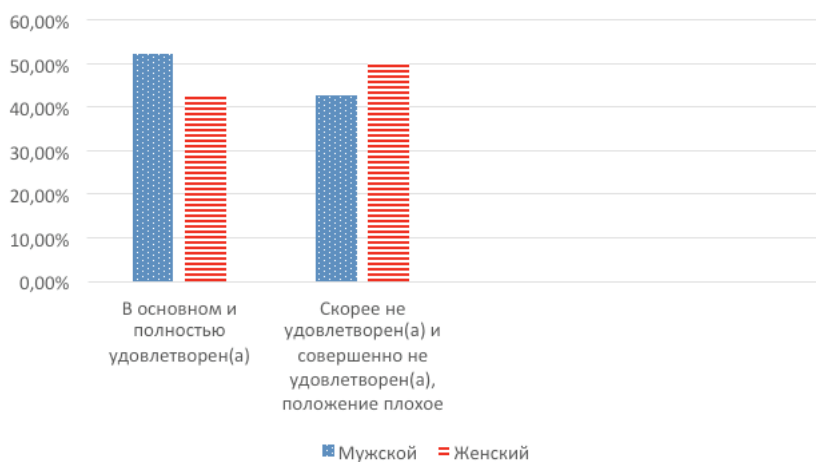

Рис. 1. Удовлетворенность финансово-экономическим положением (в % от опрошенных респондентов)

Если говорить о ценностях детства и дошкольного образования, то мы здесь обнаружили единую ориентацию профессионалов в ответах на вопрос о наиболее востребованных мерах поддержки детства в современной России. Для женщин среди приоритетных мер на первом месте, с большим отрывом от остальных, выделился

вариант – развитие образования (качества, доступности и др.). У мужчин этот вариант также в приоритете, но ему не уступает пункт – организация развивающей среды, мест для досуга, игр и развлечения. На втором по значимости месте для мужчин – защита безопасности детей в общественном пространстве, в то время как у женщин это уже четвертая позиция, «уступающая» поддержке традиционных мест (площадок) культуры для детей (библиотек, музеев, театров и др.).

В представлениях о том, каковы сегодняшние дети и о чем с ними можно говорить, проведенный опрос выявил несколько, возможно, важных точечных несовпадений. Мужчины полагали, что с детьми возможно уже говорить о планах на будущее и об их увлечениях и интересах чаще, чем о семьях (табл. 1).

Таблица 1

Приоритеты в выборе тем для разговора, опросов детей

Рейтинг ответов	Женщины	Мужчины
1	О месте, где они живут	О месте, где они живут
2	Об их семьях	О планах на будущее Об увлечениях и интересах
3	Об увлечениях и интересах	Об их семьях
4	О любимых литературных героях, любимых книгах	О любимых литературных героях, любимых книгах
5	О своих повседневных занятиях	О своих повседневных занятиях

Нам не удалось обнаружить каких-либо серьезных различий в выстраивании работы по приобщению дошкольников к культурному наследию. Независимо от пола, специалисты подчеркивали важность освоения народных обычаев, истории своей Родины и языка. Но педагоги разного пола по-разному проводили самостоятельную подготовку к деятельности в прошедшем году: женщины чаще всего использовали тематические интернет-ресурсы, а мужчины посещали музеи.

Почему мужчины редко идут в эту профессию? Отметим несколько основных причин.

1. Низкий уровень зарплата при достаточно высоких требованиях к образованию.

2. Наличие стереотипов. И здесь, как нам кажется, нужно разделить их на традиционные и появившиеся сравнительно недавно. И те, и другие имеют именно гендерную основу. С одной стороны, продолжает главенствовать тезис, что заниматься детьми дошкольного возраста (заботой, воспитанием, уходом, образованием) должны женщины (и в семье, и в социальном пространстве). Однако в обществе уже стабилизировалось мнение об активном включении пап в жизнь ребенка, развивается образ мужчины – детского тренера, психолога, инструктора в детском центре и т. д. Но в данной сфере такие подвижки не наблюдаются, на вакансии претендуют прежде всего женщины.

3. Возник и даже с годами повышается градус недоверия, подозрений к мужчинам, имеющим с детьми непосредственный контакт вне семьи и медицинских учреждений. Чтобы избежать таких проблем, мужчины-воспитатели вынуждены по-иному вести себя с воспитанниками, например не оставаться одному, если дети переодеваются или нужно помочь ребенку в туалетной комнате из-за боязни быть обвиненными в сексуальных домогательствах. То есть в этой профессии у них возникают дополнительные риски. В одном из исследований польских ученых отмечалась как наиболее опасная ассоциация с видами поведения взрослых в контакте с детьми та, которая связана с неуместным контактом и сексуальным насилием. Родители широко обсуждают явление педофилии, а еще полагают, что мужчины более склонны к жестокому обращению с детьми [Korogna 2019].

Так, может быть, и нет необходимости, чтобы мужчины задерживались на этом гендерно-чувствительном профессиональном поле? Отметим, какие положительные изменения при появлении мужчин-профессионалов в детском саду видятся нам.

1. Важность присутствия мужчины в воспитательном процессе детей, что особенно весомо для мальчиков и детей из семей без отцов, которых в России становится все больше.

2. Возможность для детей перенимать положительный образ мужчины, занимающегося с детьми, что, вероятно, может сработать в дальнейшем при выполнении семейных, родительских ролей.

3. Нивелируется, микшируется четкое разграничение профессий на мужские и женские.

4. Приход мужчин в «женские» профессии способствует повышению ее престижа и опосредованно, возможно, приведет к увеличению оплаты труда.

5. Педагоги-мужчины преимущественно сосредоточены на иных компетенциях, а именно на когнитивных (например, мыш-

ление, математические и языковые компетенции, подготовка к чтению и письму и т. д.), а также на социальных навыках лидерства.

Каковы механизмы попадания в профессию в нашей стране? На основе анализа биографий мужчин-воспитателей из открытых источников нами были выявлены два механизма: 1) педагогические династии; 2) приход на работу в детский сад в качестве специалиста иного профиля (психолога, музыкального работника и пр.) и затем переквалификация на воспитателя. По сравнению с женской группой выпадает важнейший механизм – работа в детском саду с собственным ребенком.

Включение мужчин в новую для них профессию, возможно, будет происходить быстрее, если общество, прежде всего родители дошкольников, будут получать информацию или иметь возможность пробных посещений, опыта взаимодействия. Зарубежные исследования констатируют, что саму идею, чтобы во всех садах работали массово воспитатели-мужчины, поддерживают больше те родители, у которых не было такого практического опыта (82,6%), по сравнению с теми, у кого такой опыт был (63,2%). Однако, когда речь идет о непосредственном воспитании своих детей (хотели бы родители, чтобы его ребенка учил воспитатель-мужчина), здесь пропорции меняются, и уже больше положительных ответов выдают те, кто имел опыт взаимодействия с воспитателем-мужчиной (84,2%), меньше, но все равно положительно отвечали те, у кого такого опыта не было (63,2%) [Koregna 2019].

В Норвегии, где, напомним, очень велик процент мужчин-воспитателей по сравнению с другими странами (16–22% по разным данным), применяется стратегия позитивной дискриминации – предпочтения кандидатов при поступлении на работу, льготы и преференции для мужчин при работе в детских садах, установление квот при открытии новых садов и получении государственной поддержки.

В Германии долю воспитателей мужского пола удалось повысить с 3 до 5% за пятилетие. Правительство сделало ставку на привлечение мужчин в дошкольные учреждения через социальную рекламу. Цель – довести их количество до 20%. На пиар-кампанию уже истрчено более 10 млрд евро. Используется в ней акцент на мужских профессиях. На рекламных плакатах задается вопрос: «Хочешь быть арбитром, философом, вратарем, лекарем, музыкантом, волшебником?» И предлагается как вариант реализации амбиций: «Иди в воспитатели: будешь тем, кем мечтаешь». То есть сделана попытка открытия именно новых граней в данной профессии для мужчин.

В Польше в 2013 г. в детских садах был 1% мужчин, а к 2016 г. – мужчины составляли 2,2% педагогов в сфере дошкольного образования. То есть примеры показывают, что этот процесс – появления и закрепления в сфере дошкольного образования – может быть достаточно управляемым [Koregna 2019].

Заключение

Наш анализ позволяет выстроить некоторую «дорожную карту» будущих качественных изысканий в этой сфере. Мы убедились, что информантами по вопросам рынка труда и профессий должны быть не только основные группы в профессии, но и небольшие, эксклюзивные группы включенных в нее иных, не преобладающих в ней гендерных групп, а также заинтересованные в результатах этого труда сообщества, в случаях с детьми – родители. Такие исследования смогут доказать, действительно ли мужчины-воспитатели имеют отличные от женщин установки и практики, которые должны пойти на пользу как развитию детства, детей, так и прогрессу в дошкольном образовании. Важно будет оценить вес положительных следствий и возможных рисков для общества, профессионального сообщества и для самих гендерных групп. В случае политики позитивной дискриминации в профессиональном сообществе будут наблюдаться новые форматы неравенства и разрушение профессиональной сплоченности. На наш взгляд, решить проблему с продвижением мужчин в эту сферу сложнее, чем превратить иные профессии в гендерно нейтральные. Заметно, как быстро произошла маскулинизация в этом веке профессии кули-нара, повара, кондитера или профессии финансового спектра, но в социальной реальности детства эти изменения малы. Как мы уже фиксировали в иных исследованиях, есть некоторые константы детства, и гендерные основы здесь доказывают свою архетипичность [Майорова-Щеглова, Колосова 2021]. Мужская профессия педагога трансформировалась в женскую за два века. Общество должно постепенно и осторожно, в целях благополучия детства, выработать приемлемые для всех условия развития гендерно нейтральных профессий в дошкольном образовании.

Литература

Замятнина 2017 – Замятнина Е.С. Гендерные различия при выборе специальности в вузе в современной России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 163–176.

- Кеммет 2017 – *Кеммет Е.В.* Гендерная асимметрия в профессиональном сообществе инженеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 140–145.
- Колесникова, Куденко 2021 – *Колесникова Е.М., Куденко И.А.* Школьники о STEM-профессиях: общие и гендерные особенности представлений // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 2. С. 239–252.
- Коротких 2017 – *Коротких В.Н.* Отражение гендерных стереотипов о женщинах-полицейских в современном российском социальном пространстве // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 222–227.
- Майорова-Щеглова, Колосова 2021 – *Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А.* Гендерная социализация начала XXI века через событийность детства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1 (ч. 2). С. 189–198. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-189-198.
- Молл 2012 – *Молл Е.Г.* Управление карьерой менеджера. СПб.: Питер, 2012. 390 с.
- Шинкаренко, Витковская 2022 – *Шинкаренко Е.А., Витковская С.К.* Трудоустройство молодежи: гендерная сегментация // Женщина в российском обществе. 2022. Специальный выпуск. С. 78–86.
- Коперна 2019 – *Коперна P.* Male teachers in a kindergarten in the perception of parents in Cracow, Poland. March 2019 // 13th International Technology, Education and Development Conference. URL: https://www.researchgate.net/publication/332280163_MALE_TEACHERS_IN_A_KINDERGARTEN_IN_THE_PERCEPTION_OF_PARENTS_IN_CRACOW_POLAND (дата обращения 6 февраля 2023).

Reference

- Kemmet, E.V. (2017), “Gender asymmetry in the professional community of engineers”, *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 1 (45), pp. 140–145.
- Kolesnikova, E.M. and Kudenko, I.A. (2021), “Schoolchildren about STEM professions: general and gender-specific representations”, *RUDN Journal of Sociology*, no. 2, pp. 239–252.
- Koperna, P. (2019), “Male teachers in a kindergarten in the perception of parents in Cracow, Poland, March 2019, *13th International Technology, Education and Development Conference*, available at: https://www.researchgate.net/publication/332280163_MALE_TEACHERS_IN_A_KINDERGARTEN_IN_THE_PERCEPTION_OF_PARENTS_IN_CRACOW_POLAND (Accessed 6 February 2023).
- Korotkov, V.N. (2017), “Reflection of gender stereotypes about female police officers in the modern Russian social space”, *Society and Law*, no. 3 (61), pp. 222–227.
- Mall, E.G. (2012), *Upravlenie kar'eroi menedzhera* [Managing a manager's career], Peter, Saint Petersburg, Russia.

- Mayorova-Shcheglova, S.N. and Kolosova, E.A. (2021), "Gender socialization at the beginning of the 21st century through the eventfulness of childhood", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1 (part 2), pp. 189–198.
- Shinkarenko, E.A. and Vitkovskaya, S.K. (2022), "Youth employment. Gender segmentation", *A woman in Russian society*, special issue, pp. 78–86.
- Zamyatnina, E.S. (2017), "Gender differences in choosing a specialty at a university in modern Russia", *Monitoring public opinion. Economic and social changes*, no. 3, pp. 163–176.

Информация об авторах

Елена А. Колосова, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия Москва, Миусская пл., д. 6; the_shmiga@mail.ru

Светлана Н. Майорова-Щеглова, доктор социологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия; 127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29; sheglova-s@yandex.ru

Information about the authors

Elena A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 15, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; the_shmiga@mail.ru

Svetlana N. Mayorova-Shcheglova, Dr. of Sci. (Sociology), Moscow State Psychological and Pedagogical University, bld. 29, Sretenka Street, Moscow, Russia, 127051; sheglova-s@yandex.ru

УДК 746

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-119-134

Трансформация природного мотива как метод формообразования орнамента пухового платка Оренбуржья

Алла А. Васильченко

*Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия,
vasilchenko.alla@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются природный мотив как художественная основа орнаментальной композиции и его трансформация как метод формообразования элементов орнамента оренбургского пухового платка. Анализируются основные направления трансформации природного мотива, принятые в формотворчестве пуховязания: семантическая концепция формы; стилизация и геометризация формы, эксперименты с материалом (козьим пухом). Уточняется, что трансформация природного мотива в соответствии с художественно-технологическими основами традиции пуховязания является условием ее развития; включение в орнамент элементов, созданных по иным принципам формообразования, ведет к деформации образно-технологической системы промысла. Проанализирован процесс трансформации визуально-смыслового образа природного мотива в декоративно-орнаментальное изображение.

Ключевые слова: трансформация, формообразование, орнамент, мотив, прием, метод

Для цитирования: Васильченко А.А. Трансформация природного мотива как метод формообразования орнамента пухового платка Оренбуржья // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 119–134. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-119-134

Transformation of the natural motif as a method of shaping the ornament of the down shawl of the Orenburg region

Alla A. Vasilchenko

*Orenburg State University, Orenburg, Russia,
vasilchenko.alla@mail.ru*

Abstract. The article considers the natural motif as the artistic basis of the ornamental composition and its transformation as a method of shaping the elements of the ornament of the Orenburg down shawl. It analyzes the main directions of transformation of the natural motif adopted in the form-making of down knitting: the semantic concept of form; stylization and geometrization of form, experiments with material (goat down). It is clarified that the transformation of the natural motif in accordance with the artistic and technological foundations of the down knitting tradition is a condition for its development; the inclusion in the ornament of elements created according to other shaping principles leads to deformation of the figurative and technological system of the handicraft. The process of transformation of the visual and semantic image of a natural motif into a decorative and ornamental image is analyzed.

Keywords: transformation, shaping, ornament, motif, technique, method

For citation: Vasilchenko, A.A. (2023), "Transformation of the natural motif as a method of shaping the ornament of the down shawl of the Orenburg region", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 119–134, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-119-134

Проблемы формообразования, сохранения и развития традиций народного искусства и художественного ремесла приобретают в настоящее время особую актуальность. Одна из них – творческий подход к традиционному художественному наследию, глубокое осмысление его природы и поиск новых художественно-технологических средств и методик для его развития.

Вопросы трансформации природного мотива как метода формообразования в орнаментальных декоративных формах народного искусства и художественного ремесла, в том числе в традиционном пуховязании Оренбуржья, в современной искусствоведческой практике не в полной мере освещены и проанализированы. Эти проблемы в том или ином аспекте рассматривались в трудах видных исследователей народного искусства и художественного ремесла – Т.Л. Астраханцевой, Л.И. Беслеевой, И.Я. Богуславской, И.В. Бушухиной, Г. Вагнера, Ю.Я. Герчука, Г.С. Масловой, М.А. Некрасовой,

М.С. Якушевой и других. В их исследованиях рассматривается орнамент как ценностное, общенациональное и основополагающее явление, однако в целом недостаточно обобщающего анализа процесса трансформации природного мотива как средства формообразования орнамента в различных видах народного творчества и художественного ремесла.

Как считает исследователь дизайна В.Ю. Медведев, прикладное искусство (все его виды), дизайн, народные художественные промыслы относятся к группе архитектурных искусств, «находящейся на пересечении сферы сугубо утилитарного, технико-конструктивного предметного творчества и сферы художественного творчества»¹. В трудах отечественных ученых можно проследить развитие этого направления – исследование связей художественных проблем дизайна и народного искусства. Проблема метафоричности в дизайне рассматривалась в работах А.А. Грашина, Е.В. Жердева, Ю.В. Назарова. Связь проблем дизайна и народной игрушки выявлялась в статьях А.И. Новикова. Тема эксперимента в дизайне исследовалась А.Н. Лаврентьевым, Т.Ю. Федоровой.

Так, А.Н. Лаврентьев, перечисляя в своих работах актуальные направления экспериментального дизайна, выделяет структурно-геометрическое формообразование, уточняя, что оно «...имеет богатые традиции в народном искусстве: в плетении изделий и тканей, в составлении рисунков орнамента» [Лаврентьев 1997, с. 10].

Таким образом, опираясь на выводы известных исследователей, можно предположить, что специфика художественной природы орнамента пухового платка как изделия народного промысла и художественного ремесла приближает принципы его формообразования к сфере дизайна.

Процесс формирования элементов орнамента платка можно рассматривать как сложный метод формообразования в рамках экспериментального дизайна. Обобщая обширный перечень методов формотворчества, исследуемых в работах отечественных ученых, можно остановиться на некоторых направлениях экспериментального дизайна, предложенных в диссертационном исследовании Т.Ю. Федоровой², которые наиболее соответствуют

¹Медведев В.Ю. АРТ-дизайн в мире дизайна. URL: http://www.design-union.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=345:artdesign-in-desihworld&catid=413:theory&Itemid=59 (дата обращения 29 октября 2022).

²Федорова Т.Ю. Экспериментальное формообразование в дизайне: Автореф. дис. ... канд. искусств. М., 2011. 24 с. URL <https://cheloveknauka.com/eksperimentalnoe-formoobrazovanie-v-dizayne> (дата обращения 29 октября 2022).

процессу трансформации природного мотива в орнаменте платка. К ним относятся:

- обращение к природным мотивам;
- семантические концепции формы;
- стилизация как метод формообразования;
- геометризация формы;
- формообразование на основе экспериментов с материалами.

Выстроенные в логической последовательности, эти направления отражают алгоритм процесса трансформации природного мотива – от обращения к природному мотиву и его семантической значимости до превращения их в декоративный орнаментальный образ пухового платка.

1. *Формообразование на основе природных форм.* «Природа создала многообразие форм, причудливых и фантастически интересных, каждая форма имеет свой неповторимый образ, динамику роста» [Якушева 2009, с. 25]. Окружающая человека среда – звери, птицы, растения – дает нам реальные образы предметного мира, ставшие прообразом многих, наиболее распространенных элементов орнаментальных композиций.

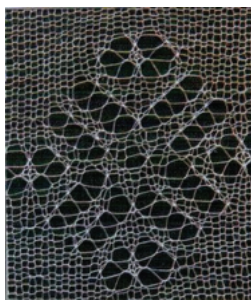
Одна из особенностей орнаментального искусства (...) состоит в его способности подчинять натурный мотив во всей его будничной конкретности идеальному, возвышающему порядку [Герчук 2013, с. 121].

Природный мотив – это художественная основа орнаментальной композиции вязаного пухового платка Оренбуржья, ассоциативно отражающая восприятие человеком окружающей среды. В процессе обращения к природным формам анализируются и принимаются во внимание их физические и художественные свойства: легкость, прозрачность; асимметрия в симметрии; конструктивность и структурность, специфические особенности визуальной формы и т. д. Это позволяет разнообразить приемы формирования декоративных орнаментальных форм, которые отражают действительность в особой, специфической форме и определяют содержательность орнамента платка и только ему присущие свойства (рис. 1).

2. *Семантические концепции формы.*

Предполагается, что любая форма отражает некий смысл и наоборот – любое слово может приобрести форму. Как смысл слова отражается в форме – это и выражение данного метода формообразования³.

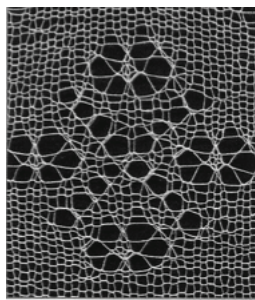
³Там же.

Снежинка из приемов
«бисерная дорожка»

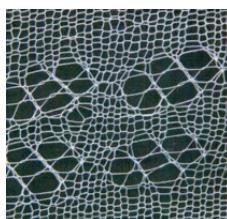
Природный мотив

Снежинка из приемов
«косорядка», «глухотинка»

Природный
мотив

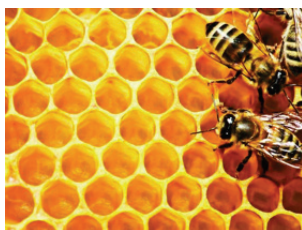
Прием
«Кошачья лапка»

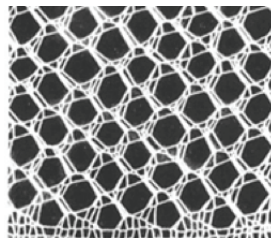
Природный
мотив

Прием
«Мышиный следок»

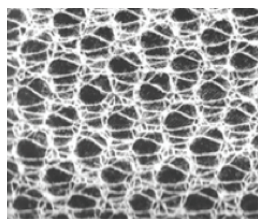
Природный мотив

Технологический прием «Соты»

Природный мотив

Технологический прием «Рыбки»

Рис. 1. Природные мотивы и основные технологические приемы традиционного орнамента оренбургского платка

Семантическая наполненность – это специфическая особенность традиционного орнамента оренбургского платка. Трансформации природного мотива в пуховязании способствует передача в орнаменте его узнаваемой визуальной формы не как копирование натуры, а как ассоциативный способ выражения и поэтическое восприятие человеком окружающей его действительности. Трансформированные в первичные элементы орнамента природные формы отчетливо угадываются в технологических приемах вязания с традиционными названиями – «кошачья лапка», «мышинный след», «рыбки», «косорядки», «бисерные цепочки», «горох», соты и др. (рис. 1, 2). Каждый из них обладает своим образно-выразительным языком, своеобразным колоритом названий [Васильченко 2013] и специфической изобразительно-содержательной формой. При этом семантическая характеристика первообразов ажурных мотивов орнамента платка проявляется тогда, когда они проникают в сознание и при этом наполняются материалом сознательного опыта в соответствии с базовым определением архетипа в любом справочном издании.

Характерная особенность любой орнаментальной композиции – зависимость от материально-технологического способа образования орнамента и его связи с вещью.

Оренбургский пуховый платок – пример гармоничного художественно-технологического, функционального единства вещи. Важнейшее свойство природы орнамента оренбургского ажурного платка, принципиально отличающее его от других видов орнамента, – формирование в процессе вязания, «укоренение» в ажурной структуре платка. То-есть, как утверждает Ю.Я. Герчук,

...узор, вытканый /вывязанный совсем не то же самое, что печатный, его укорененность в структуре ткани придает ему совсем другое звучание, чем у свободного от этой основы, извне наложенного набивного рисунка [Герчук 2013, с. 178].

Именно «укорененность» орнамента в вязаном полотне и традиционные технологические приемы вязания стали одним из факторов формирования орнаментального образа пухового платка.

Образная основа любого орнамента – мотив и ритм. Мотив и ритмическое повторение технологических приемов вязания – это особый структурно-технологический способ образования орнаментальной композиции. «Укорененные» в структуре ажурного полотна природный мотив и его визуальная форма – технологический прием платочного вязания – создают орнаментальный образ пухового платка Оренбуржья.

Визуальную форму природных мотивов, неразрывную связь конструкции и структуры орнамента и вещи – вязаного платка – в решающей степени определяет *технология платочного вязания на спицах*, называемая в народе «платочным», «рябым» вязанием, или «двухизнаночной гладью», которая создает ажурную структуру. Технологическая основа платочного вязания – только *лицевые петли и накиды*. Преобладание в нем петель-накидов формирует ажурную, «дырчатую» структуру вязаного полотна и структурно-технологические связи элементов орнамента. Натурные мотивы ажурного платка трансформируются при этом в технологические приемы вязания путем вывязывания накида в сочетании с провязанными лицевыми петлями. Вариативность их соединений дает возможность образовать элементарные узнаваемые фигуры – в виде привычных традиционных приемов оренбургского пуховязания, а также сложные орнаментальные композиции.

«Петли можно сравнить с буквами из алфавита вязальщицы, – пишет известная оренбургская пуховязальщица, член СХ России О.А. Федорова. – Как из них складываются слова, так и разные виды петель позволяют создавать узоры и выразить то, что рождено воображением» [Федорова 2010, с. 42]. Петли как структурная основа платочного полотна вывязываются в порядке, заданном определенной художественной идеей. Вывязывание накидов рядом, одного за другим, формирует горизонтальную линию орнамента, или цепочку; петли-накиды, расположенные строго один над другим, образуют вертикальную линию; если они смещаются по диагонали вправо или влево, образуется наклонная линия (рис. 1).

3. *Стилизация природного мотива*. Возможности техники платочного вязания достаточно обширны – в ней можно отразить любой натурный мотив и технологически воспроизвести любую визуально-пластическую форму на условном, символическом языке путем *стилизации* как метода формообразования. Особенности и технологическая обусловленность стилизации в орнаменте традиционного оренбургского платка выражаются в стилистическом единстве, целостности его композиционного, образно-пластического строя, традиционном постоянстве технологических приемов, особых свойствах материала (пряжи из пуха оренбургской козы).

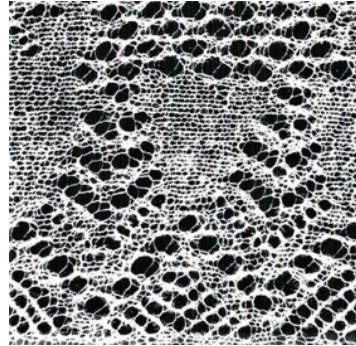
Трансформация природного мотива методом стилизации дает возможность создавать не только новые изобразительные формы, но и новый орнаментальный образ в целом путем усиления плоскостного и ритмического значения формы. Особый характер трансформации природного мотива в пуховязании проявляется иногда в *авторской стилизации*. Она выражается в авторском видении, художественной переработке явлений и объектов окружающей

действительности, отражаемых в особых технологических приемах с элементами новизны.

Так, приемы вязания, разработанные в свое время мастерицами – О.А. Федоровой, А.Ф. Блиновой и другими известными пуховницами, стали их творческим открытием, особыми *авторскими методами* композиционно-орнаментальных построений (структур), созданными в рамках технологии платочного вязания и исторически вошедшими в традиционное ажурное пуховязание Оренбуржья (рис. 2).

Природный мотив

Авторский прием
«Федоровские елочки»

Рис. 2. Один из основных мотивов и технологических приемов традиционного орнамента оренбургского платка

«Ёлочка» как своеобразный вариант «мирового дерева» – это один из общенациональных образов мировой мифологии. Визуальный характер его формы в орнаменте зависит от технологии изготовления, материала, стилистики орнамента. Поэтому мотив «ёлочки», или «Древа жизни», трансформировался в технологический прием «Федоровские елочки» как принципиально соответствующий основам сложившейся технологии пуховязания Оренбуржья.

Однако не всякий пример творческой стилизации может стать традиционным в художественном ремесле. С одной стороны, как считает видный специалист народного искусства Т.А Астраханцева, авторские методы обогащают традицию «...новыми мотивами, темами, технологическими приемами, повышающими уровень мастерства исполнения и эстетический уровень изделий».

С другой стороны, такой подход к традиции может быть чуждым, ведущим к ее разрушению. «...Авторское индивидуальное, – делает вывод Т.А. Астраханцева, – может проявляться в рамках образной системы промысла» [Астраханцева 2003а, с. 109–111]. То есть только при условии соответствия традиционным художественно-технологическим основам и *в рамках традиционной системы* авторский метод стилизации можно рассматривать как развитие традиции.

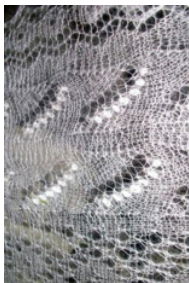
В историческом процессе формирования пуховязального промысла Оренбуржья эпизодически возникали новые варианты элементов орнамента, не ставшие, однако, традиционными. Появление новаторских, нетрадиционных для него орнаментальных мотивов и приемов вязания приводило к конструктивно-структурному изменению ажурной фактуры платочного полотна и могло нарушать каноничность и строгую традиционную геометричность его орнамента. Как считает Т.А. Астраханцева,

...Носитель авторского понимания может овладеть традицией... усвоить специфику образного мышления промысла и обогатить его. А может и предпринять попытку ее разрушить привнесением концепций, чуждых данной традиции, но импонирующих самому автору [Астраханцева 2003b, с. 108–109].

В связи с этим остро встает вопрос о сохранении и развитии традиционных способов и поиска инновационных приемов формообразования орнамента пухового платка. В последние десятилетия XX в. в перечне традиционных мотивов и приемов практически всех пуховязальных центров появились и стали востребованными у покупателей несвойственные для технологии пуховязания Оренбуржья мотивы – «павлин», «ландыши». На их основе сформировались новые технологические приемы – «шишки» («жемчужины»). Мотив «павлин» создает декоративный образ в восточной стилистике, а прием «ландыш» является примером растительного орнамента. Эти элементы своими художественно-технологическими характеристиками (особой стилистикой, объемной структурой) противоречат геометрическому орнаменту, конструкции и структуре ажурного полотна оренбургской паутинки. Однако веками сформированный художественный вкус, виртуозное владение техникой пуховязания и знание ее возможностей, бережное отношение к традиционным художественно-технологическим основам оренбургского пуховязания помогли пуховницам адаптировать эти мотивы в виде элемента в рамках технологической системы ажурного платка (рис. 3).

Натурный мотив
«Ландыши»

Нетрадиционный
прием

Фрагмент орнамента платка
с приемом «ландыши»
в кайме

Рис. 3. Нетрадиционный технологический прием «ландыши», применяемый в традиционном орнаменте оренбургского платка

Другой пример трансформации природного мотива и нетрадиционное применение его в оренбургском платке – разноцветные платки с вышивкой цветными нитками в различных техниках (рис. 4). Например, цветная вышивка натурального растительного мотива (ветка рябины) без учета ажурной структуры и технологии платочного вязания, цветового решения платка никак не согласуется с традиционными художественно-технологическими приемами оренбургского пуховязания и одноцветными платками белого или серого цвета.

а

б

в

Рис. 4. Нетрадиционные ажурные платки с вышивкой в различных техниках:

а – фрагмент орнамента платка с вышивкой «Рябина» в технике «гладь»;
б, в – цветные ажурные платки с вышивкой по петлям, имитирующей геометрический орнамент

Итак, незнание или игнорирование природы орнамента, введение в него элементов, не соответствующих ему по стилистике и технологии, не способствует сохранению специфики и целостности художественно-технологической системы, обогащению и развитию традиционных основ орнаментальной композиции оренбургского платка. Такие платки можно рассматривать как эксклюзивные изделия мастериц, созданные в соответствии с покупательским спросом и веянием моды.

4. *Геометризация формы.* Стилизация природных мотивов изначально заложена в технологии платочного вязания на спицах и является фактором *геометризации формы*, которая формирует общую геометрическую конструкцию формы и предполагает членение ее на множество элементарных геометрических фигур. Горизонтальное, вертикальное и наклонное направление основных линий образует геометрический традиционный орнамент оренбургского платка. Строгая счетная система технологического упорядочения рождает эффектные геометрические решения. Вариативность соединений петель дает возможность образовывать как элементарные геометрические фигуры – в виде привычных традиционных приемов оренбургского пуховязания, так и более сложные композиционные структуры, отражающие основные образы и символы мировой орнаментики – ромбы, квадраты, зигзаги (рис. 1, 5).

Ромб
Однокруговая
композиция платка

Квадрат
Композиция платка
со сплошной серединой

Андреевский крест
Пятикруговая
композиция платка

Рис. 5. Геометрические символы мировой орнаментики в традиционном орнаменте оренбургского платка

Натурные мотивы в процессе стилизации и геометризации реализуются через одноименные технологические приемы вязания (рис. 1), превращаясь в элементы геометрической орнаментальной

формы с преобладанием так называемых «формальных» принципов ритмической организации над визуальным.

Иначе говоря, в природе орнамента лежит эстетическая потребность подчинять ритмической, симметричной, плоскостной схеме реальный, зримый мир [Герчук 2013, с. 127].

При этом природный мотив и технологический прием вязания составляют нерасторжимое диалектическое единство.

Таким образом, изобразительное, конкретно-смысловое содержание натурального мотива в процессе трансформации преобразуется в декоративно-символическое изображение. Лаконичный и выразительный язык стилизованных природных форм в орнаменте платка, с одной стороны, визуально воспроизводит натурные формы и их ассоциативное восприятие, а с другой – создает декоративный орнаментальный образ пухового платка.

5. *Эксперименты с материалом.* Важное характерное свойство орнаментальной композиции – зависимость от материала и способов изготовления вещи. Как пишет видный исследователь проблем дизайна Ю.В. Назаров,

...выделение материала чрезвычайно важно для понимания формы и формообразования в искусстве и других видах творческой деятельности. Материал – один из важнейших формообразующих факторов... форма в ее конкретном значении не существует вне того материала, который она оформляет. Материал предопределяет пластическую форму, которая уже содержится в нем в скрытом виде и лишь «раскрывается» в процессе формообразования [Назаров 1997, с 8–19].

Возвращаясь к истории формирования орнамента в пуховязании, можно допустить, что это были своего рода эксперименты с материалом – козым пухом, пуховой нитью и выявление их свойств и возможностей в передаче визуальной формы природного мотива. Как утверждает видный исследователь народного искусства Т.М. Разина, красота натуральных мотивов

...раскрывается именно в сфере овладения материалом и техникой; именно здесь мастер находит приемы, формы, трактовку, способные отразить красоту явлений природы [Разина 1970, с. 42].

Эксперименты с материалом в пуховязании дают возможность выявить новые конструктивно-пластические свойства козьего пуха, экспериментировать с различными его сортами, методами

обработки и технологическими приемами платочного вязания. Ведь художественно-технологические, функциональные свойства пухового платка зависят от качества и свойств материала (козьего пуха). Так, тонкое (14–16 мкн), длиной 7–10 см особое пуховое волокно оренбургской козы дает утонченную пряжу, применение которой в вязании дает возможность варьировать композиционную структуру платка и отразить богатство орнаментальных форм. Применение же пуха длиной 10–17 см (из Волгоградской области) и его высокий подъем (пушистость), скрывающие орнамент, утолщенная пряжа не способствуют разнообразию орнамента, мотивов и приемов в их художественно-конструктивных взаимосвязях.

Таким образом, мотивы окружающей природы стали специфической, образно-технологической основой орнамента в пуховязании Оренбуржья. Их трансформация является особым методом формообразования орнамента, содействующим формированию, сохранению и обогащению традиционных художественно-технологических основ пуховязания как системы, основанной на связи с натурой, семантике, стилизации и геометризации элементов орнамента в их структурно-технологических связях [Васильченко 2013, с. 44]. Трансформация природного мотива изначально обусловила расширение диапазона поиска и применения новых изобразительно-выразительных средств и технологических приемов в традиционном пуховязании Оренбуржья.

Семантика орнамента оренбургского платка ассоциативно-образно отражает окружающий мир через космическо-мифологическое, поэтическое мировосприятие человеком окружающей его действительности. Визуально угадываемые в нем природные формы обладают своим особым, образно-выразительным языком, своеобразным колоритом названий как отражением единства формы и содержания – универсального, межнационального закона бытия.

Технология платочного вязания оренбургского пухового платка обусловила особый характер *стилизации* природных мотивов, способствующей развитию и обогащению традиционных основ орнаментальной композиции, сохранению специфики и стилистической целостности структурно-композиционных построений. Появление нетрадиционных приемов и мотивов в орнаменте оренбургского платка содействовало формированию критериев развития традиции пуховязания и выявлению негативного влияния чуждых нововведений.

Орнамент ажурного платка – это гармоничная, целостная композиционная конструкция и особый вид *структурно-геометрического* формообразования вещи – ажурного платка; орнамент и платок образуются одновременно в процессе вязания. Это прин-

ципиально отличает орнамент оренбургского ажурного платка от других видов орнаментальных композиций. Общность геометрического орнамента оренбургского платка с универсальными знаками и символами – геометрическими формами орнаментального искусства – является значимым показателем его достойного места в ряду художественных образов предметного творчества и общенациональной культуры.

Орнамент ажурного платка, в основе своей базирующийся на трансформации природных мотивов, – уникальный вид орнаментального искусства, его выразительные средства – цвет, фактура, линия, пятно, а также ритм, симметрия, равновесие – являются основами орнаментальной композиции. Для создания пухового платка используется особый материал – козий пух. Эксперименты с различными видами козьего пуха способствуют выявлению его свойств и возможностей и совершенствованию мастерства пуховязальщиц.

Одна из первых современных исследователей оренбургского платка – искусствовед-эксперт СХ России Людмила Ивановна Беслеева писала:

На оренбургском промысле сложились самобытные традиции орнаментального искусства. Творческие устремления мастериц направлены на создание новых мотивов и их разнообразных сочетаний, на варианты декоративного украшения платков [Беслеева 1981, с. 323].

Создаваемое оренбургскими мастерицами-пуховязальщицами изделие – вязаный пуховый платок и его орнамент – является уникальным образцом предметного творчества: художественного ремесла и орнаментального искусства.

Литература

- Астраханцева 2003а – *Астраханцева Т.* Народное искусство как семантическое поле для профессионального творчества // Народное искусство России в современной культуре / Авт.-сост. М.А. Некрасова. М.: Коллекция М, 2003. С. 112–115.
- Астраханцева 2003б – *Астраханцева Т.Л.* Авторско-индивидуальное и традиционно-коллективное начала в современной практике народных художественных промыслов // Народное искусство России в современной культуре / Авт.-сост. М.А. Некрасова. М.: Коллекция М, 2003. С. 108–111.
- Беслеева 1981 – *Беслеева Л.И.* Оренбургский пуховый платок // Творческие проблемы современных народных промыслов. Л.: Художник РСФСР, 1981. 376 с.

- Васильченко 2013 – *Васильченко А.А.* Искусство традиционного вязаного платка Южного Урала и Поволжья: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2013.
- Герчук 2013 – *Герчук Ю.Я.* Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. М.: РИП-холдинг, 2013. 303 с.
- Лаврентьев 1997 – *Лаврентьев А.Н.* Эксперимент в дизайне // *Дизайн: Сб. научных трудов. Вып. V /* Ред.-сост. Н.В. Воронов. М., 1997. С. 160–164.
- Назаров 1997 – *Назаров Ю.В.* Понятие «форма» в философии, искусствознании, дизайне // *Дизайн: Сб. научных трудов. Вып. V /* Ред.-сост. Н.В. Воронов. М., 1997. С. 151–155.
- Разина 1970 – *Разина Т.М.* Русское народное творчество. М.: Изобразительное искусство, 1970. 255 с.
- Федорова 2010 – *Федорова О.А.* Так вяжут платки в Оренбурге. Оренбург: Димур, 2010. 37 с.
- Якушева 2009 – *Якушева М.С.* Трансформация природного мотива в орнаментальную декоративную форму. М.: МГХПУ им. С.Г. Строганова, 2009. 240 с.

References

- Astrakhantseva, T.L. (2003a), “Folk art as a semantic field for professional creative work”, Nekrasova, M.A. (ed.), *Narodnoe iskusstvo Rossii v sovremennoi kul'ture* [Folk art of Russia in modern culture], Kolleksiya M, Moscow, Russia, pp. 112–115.
- Astrakhantseva, T.L. (2003b), “Author-individual and traditional-collective beginnings in the modern practice of folk art”, Nekrasova, M.A. (ed.), *Narodnoe iskusstvo Rossii v sovremennoi kul'ture* [Folk art of Russia in modern culture], Kolleksiya M, Moscow, Russia, pp. 108–111.
- Besleeva, L.I. (1981), “Orenburg down shawl”, *Tvorcheskie problemy sovremennykh narodnykh promyslov* [Creative issues of modern folk crafts], Khudozhnik RSFSR, Leningrad, USSR.
- Fedorova, O.A. (2010), *Tak viazhut platki v Orenburge* [That’s how shawls are knitted in Orenburg], Dimur, Orenburg, Russia.
- Gerchuk, Yu.Ya. (2013), *Chto takoe ornament? Struktura i smysl ornamental'nogo obraza* [What is an ornament? The structure and meaning of the ornamental image], RIP-kholding, Moscow, Russia.
- Lavrentiev, A.N. (1997), “Experiment in design”, Voronov, N.V. (ed.), *Dizain: Sb. nauchnykh trudov* [Design. Collection of scientific papers], iss. V, Moscow, Russia, pp. 160–164.
- Nazarov, Yu.V. (1997), “The concept of ‘form’ in philosophy, art history, design”, Voronov, N.V. (ed.), *Dizain: Sb. nauchnykh trudov* [Design. Collection of scientific papers], iss. V, Moscow, Russia, pp. 151–155.
- Razina, T.M. (1970), *Russkoe narodnoe tvorchestvo* [Russian folk art], Izobrazitel'noe iskusstvo, Moscow, Russia.

Vasilchenko, A.A. (2013), *The art of the traditional knitted shawl of the Southern Urals and the Volga region*, PhD Thesis, Moscow, Russia.

Yakusheva, M.S. (2009), *Transformatsiya prirodnogo motiva v ornamental'nyyu dekorativnyuyu formu* [Transformation of a natural motif into an ornamental decorative form], MGKhPU im. S.G. Stroganova, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Алла А. Васильченко, кандидат искусствоведения, доцент, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия; 460018, Россия, Оренбург, пр. Победы, д. 13; vasilchenko.alla@mail.ru

Information about the author

Alla A. Vasilchenko, Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Orenburg State University; Orenburg, Russia; bld. 13, Pobedy Avenue, Orenburg, Russia, 460018; vasilchenko.alla@mail.ru

Образы шутов и юродивых в отечественном кинематографе

Оксана А. Братина

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия,
shtaynshtayn@gmail.com*

Аннотация. Режиссеры отечественного кино советского и постсоветского периода создают образы шутов и юродивых в развитие темы исторического становления допетровской Руси. Будучи участниками социальной коммуникации с нетипичным кодексом визуальной и вербальной экспрессии, шуты, скоморохи и юродивые зашифровывают социально-культурные коды исторической памяти, которые могут получить дополнительную продуктивность благодаря природе экранного медиума. Юродивые в фильмах С. Эйзенштейна, А. Тарковского, П. Лунгина изображены как обличители пороков через прямые (просьба, монолог, молитва) и косвенные (публичные жесты) обращения к людям: пародии, провокативные сценки, спонтанные выступления и цитирование. Визуальные приемы экранных искусств совместимы со всеми этими формами обличения. Единство линии изображения шутов и юродивых отечественными режиссерами становится очевидным в приеме «театр в театре», «маска маски», когда социальные маски надевают на себя маски с целью разоблачения значимого персонажа. Статья показывает перформативный характер экранных искусств и способы усиления этой перформативности через изображение социальных аутсайдеров.

Ключевые слова: дискурс власти, история, маска, режиссура, скоморохи, социокультурный код, социальная норма, шуты, юродивые

Для цитирования: Братина О.А. Образы шутов и юродивых в отечественном кинематографе // Вестник РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 135–146. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-135-146

Images of buffoons and fools in Russian cinema

Oksana A. Bratina

*Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia,
shtaynshtayn@gmail.com*

Abstract. Directors of Russian cinema of the Soviet and post-Soviet periods portray jesters and fools in the development of the theme of historical formation of pre-Petrine Russia. As participants of social communication with an atypical code of visual and verbal expression, jesters, skomorokhs and fools encrypt socio-cultural codes of historical memory, which can acquire additional productivity due to the nature of the screen medium. The fools in the films of S. Eisenstein, A. Tarkovsky, and P. Lungin are depicted as denouncers of vices through direct (pleas, monologues, prayers) and indirect (public gestures) appeals to people: parodies, provocative skits, spontaneous performances and quotations. The visual techniques of screen arts are coupled with all those forms of denunciation. The unity of the line of depicting jesters and fools by Russian directors becomes evident in the technique of “theater in the theater”, “mask of masks”, when social masks put on masks in order to expose a significant character. The article shows the performative nature of screen arts and the ways for enhancing the performativity by the portrayal of social outsiders.

Keywords: discourse of power, history, mask, directing, buffoons, socio-cultural code, social norm, jesters, fools

For citation: Bratina, O.A. (2023), “Images of buffoons and fools in Russian cinema”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 135–146. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-135-146

Шут и юродивый – две фигуры, которые позволяют сделать фильм о русской истории социально многомерным. Они вступают в социальную коммуникацию с другими через лицедейство, кривляние и уличение, что является отличительными характеристиками сценического искусства. Шут и юродивый всегда находятся на сцене, даже когда они в повседневной действительности. Они всегда исполняют историческую пьесу, в которой каждый из них невольно выступает режиссером, музыкантом, сценаристом и актером в одном лице, и лицо это из сценической маски трансформируется в социальную.

Скоморохи, шуты и юродивые предстают для современников и потомков альтернативными по отношению к официальной истории летописцами, фиксирующими событийный порядок, в дальнейшем вытесненный или, наоборот, официально признанный

идеологами. Инаковость, – условие, которое «задает дистанцию и границы социально-ролевых исполнений, являющихся единицами единого социального порядка» [Штайн 2012, с. 147]. Тогда через социальную маску память оказывается вывернутой, обращенной не только к событиям как последовательности прецедентов, но и к возможному их развитию. Она взывает к рефлексии, к активному мыслительному процессу.

Скоморохи, шуты и юродивые выворачивают историческую память, как выворачивают в ходе обрядов наизнанку тулупы ряженых. Индивидуальная или коллективная память в таком случае оказывается не просто пассивным *вос*-поминанием или *при*-поминанием, а активным средством преобразования действительности. Итак, провокативное поведение «вечных актеров» создает образ с намеренно подчеркнутым несоответствием общественным нормам.

Встреча со скоморохами, шутами и юродивыми – пример нетипичной социальной коммуникации с невозможностью вступить в диалог и информацией, переданной медиумом в иносказательной форме метафоры, пословицы, шутки, молитвы. Реципиент в данной коммуникативной связке должен быть включен в систему кодировки, располагать смыслами заданной исторической ситуации. Экранный медиум позволяет передать эту невозможность лучше, чем литература, и это ожидаемо при сравнении кинематографа и литературы.

Вспомним, как художественно показаны юродивый в «Детстве» Л. Толстого или в «Былях и небылицах» Ореста Сомова. Л. Толстой создает почти кинематографическую иллюзию: юродивый глазами взрослого и юродивый глазами ребенка – своего рода обратная перспектива видения. О. Сомов повествует о юродивом уже совсем как в документальном фильме: свидетели или участники совместных событий вспоминают о нем. Автор рассказа, как режиссер, снимает заключительный кадр на могилке юрода. Василь, так звали юродивого, «ел только хлеб, пил только воду» [Сомов 1984, с. 90], спас офицера Мельского от гибели на дуэли, прикрыв собой.

Шутовство чаще всего исследовалось с исторической или филологической, но не философской точки зрения. Буффоны, фигляры, паяцы, клоуны, балясники, скоморохи, балаганские шуты, арлекины, полишинели, комедианты, джокеры представляли нетипичную провокативную модель заказного или самостоятельного представления народу или власти. Так происходило рассмотрение перформативности в риторико-политическом ключе. Кино в силах увидеть и показать духовный смысл, стоящий за этим, т. е. общий порядок идей, потенциально понятных зрителю кинематографического сообщения.

Скоморохов, шутов и юродивых мы наблюдаем в историческом отечественном кино о допетровской Руси. Так конструируется исходя из ожиданий зрителя традиция народной религиозности, хотя юродивые были и в послепетровское время. Петровские реформы влекут за собой дисциплинарную и визуальную диктатуру. С его указов государство начинает брать на себя ответственность за легитимизацию отклоняющихся, девиантных и делинквентных, безумных, а церковь — за легитимизацию юродивых в качестве тех, кого только канонизация спасает от преследований и общественно-го недоверия.

В проявлениях экспрессии и поведенческих тактиках шуты, скоморохи и юродивые чрезмерны (через меру, выше меры), поэтому их возможность влияния на окружающих уже воспринимается обществом как опасность. Скоморох в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев» (1966) терпит участь гонений на скоморохов вследствие нарастающего противостояния ревнителей нормативного благочестия (как оно подразумевается сценарием) и похабов. Отец Анатолий в фильме «Остров» Павла Лунгина (2006) может плясать, кудахтать, сердиться, сжигать в печи сапоги настоятеля. В фильме «Царь» Павла Лунгина (2008) Шут подначивает Царя проявить гордыню и противиться легитимной церкви: об этом говорит сюжет о молнии, которая должна «хряснуть» по велению Царя. Через этот сюжет показана социально-политическая природа шутовства и сила дозволенности (чрезмерности с позволения) царского Шута, проявленная в его противостоянии митрополиту Филиппу. Мы видим Шута, который срывает с митрополита рясы прямо в Храме.

У С. Эйзенштейна в фильме конфликт Филиппа и официальной церкви также остро развивается. «Что, от попа унижение принимаешь?» – спрашивает Царя М. Колычев во второй серии фильма «Иван Грозный». В другом эпизоде фильма мы слышим возглас Филиппа: «Раздавим церковь!» Представление масок в Храме переносится библейской метафорой на Ивана Грозного, которого обличает маленький сын Ефросиньи Старицкой. Распросив мать о сюжете ввержения трех ангелов в печь огненную, ребенок делает вывод, что «Царь языческий и сатанинский» это и есть Иоанн. Известно, что во время болезни Ивана Грозного московские бояре видели в сыне Ефросиньи кандидата на престол в обход царевича Дмитрия, поэтому род Ефросиньи Старицкой представлял опасность для царствующего. В отличие от взрослых, которые считают посыл театрализованного масочного представления и молчат, он громко объявил, что узнал «Царя языческого», указал пальцем и даже по-детски рассмеялся.

Другой сюжет приема «маски маски» связан с обыгрыванием в этом же фильме коронации Владимира. Сам Иван Грозный участвует в этом представлении, подпаявая молодого амбициозного и инфантильного князя Владимира Старицкого. Маски начинают представления с дозволения Царя: «Гости въехали к боярам во дворы, загуляли по боярам топоры». Пляски масок изображаются режиссером как единый символ оргии смерти. Владимира облачают в царскую одежду, дают скипетр, усаживают на трон, надевают шапку Мономаха, расстилают красную дорожку. Все преклоняются перед ним, даже Иван Грозный. Блеск в глазах по-шутовски нареченного царя, блаженная улыбка вызывают в Иване гнев, он вскакивает и кричит: «Шутовству конец!» В истории России Владимира Старицкого и его мать Ефросинью убили в 1569 г. Маски сорваны, «шутовству конец».

Шуты чувствуют дозволенность прежде недозволенного, исполняют обязанности, официально наложенные на них властью. В истории России традиция содержания придворных шутов начала устанавливаться со времени правления Ивана Грозного. Осип Гвоздь, о котором скажем чуть ниже, состоял на службе у Царя и был его антиверсией. Шутовской жезл можно назвать антискипетром, указывающим на недостатки правления. При Петре числилась шутовская бригада из 24 человек во главе с Яном Лакостой, которого он наградил островом в Финском заливе и титулом «Самоедского короля». Большой штат карликов и шутов состоял при Анне Иоанновне, которая могла наградить шута специально утвержденным орденом Святого Бенедетто.

Только Царь определял меру дозволенности шута. Как бы ни нравилось поведение шута придворным, они терпели и публично изображали благосклонность. Так, Квасник, вельможный шут Анны Иоанновны, князь Михаил Голицын, при царице должен был подавать квас и разбрасывать серебряные монеты. Вельможам не нравилось, но Кваснику никто не мог сделать замечание, кроме той, что содержала штат придворных дураков и дурак, карлов и лилипутов. Мы видим, что С. Эйзенштейн и П. Лунгин, руководствуясь литературными и социальными представлениями образованных зрителей о русской истории, историческую традицию введения шута в штат придворных принимали в расчет в ходе создания художественной версии той самой «вывернутой» исторической памяти.

Шута могли отстранить или наказать. Царь как поднимает шута до уровня трона, так и изгоняет его. Так было с Осипом Гвоздем (князем Гвоздевым-Ростоцким) из древнего княжеского рода, потомка Рюриковичей [Лихачев 1984]. Княжеский сын Осип словами мог «пригвоздить» любого, за что получил свое прозвище

и должность придворного шута Ивана Грозного. Когда царь, следуя из загородного дворца, въезжал в Москву в сопровождении трехсот стрельцов, обычно впереди процессии на огромном быке и в золотых одеждах восседал шут Осип Гвоздь. Сам же Царь и убил шута за очередное острое замечание.

Шута Балакирева на дыбе допрашивал лично Петр I. В 1723 г. Балакирев стал личным курьером при Екатерине и доверенным посредником ее переписки с камергером Виллимом Монсом. Петр арестовал Балакирева и отправил в ссылку на строительство крепости Рогервик в Эстляндии. После смерти Петра в январе 1725 г. Екатерина вернула шута, поручив ему чин прапорщика лейб-гвардии, в 1726 г. сделала его поручиком и пожаловала имение в окрестностях Касимова, подтвердив этим жестом его старый потешный титул «Князя Касимовского».

Скоморохи же, как уличные артисты, добывающие себе пропитание сами, были опасны для социального порядка, как учрежденной властью и освящающей ее. Поэтому в целях защиты власть старалась изолировать или насильственно контролировать их поведение и стиль жизни. В фильме «Андрей Рублев» власти забирают скомороха и разбивают его музыкальный инструмент. Народ, ставший участником спонтанного представления в хлеву, своего отношения к скомороху не проявил. Люди всласть посмеялись, угостили молоком и хлебом с луком. У народа своего мнения в фильме нет. Люди настороженно наблюдают: не идут выручать или защищать скомороха у опричников, безучастно смотрят, как его забирают. Наказание – своего рода продолжение спектакля и признание силы скомороха.

У П. Лунгина Шута сжигают заживо после обличения Царицы в распущенности. Шут прилюдно цитирует Иоанна Богослова, предрекающего конец света после явления Женщины на звере. «Вавилонская блудница!» – указывает он на царицу. При всей жестокости смерть Шута оказывается в одном ряду с увеселительными каруселями и катанием на санях – одна из зимних забав. Царю становится скучно ждать окончания казни, и он уезжает.

Нормативная коммуникация требует ожидаемой внешности и поведения, в то время как шуты, скоморохи и юродивые нарушают эту предпосылку через обращение к поучительным историческим прецедентам. Тем самым их манифестация становится выразительной с той лишь разницей, что скоморохи останавливаются на этой выразительности, а юродивые обращаются к христианскому пониманию скорби о мире, показывая его невыносимость без добродетелей.

Внешний вид юрода, как и скомороха, определен костюмированием, ярком, провокативен или, напротив, наг. Святой Василий

Блаженный ходил наг и бос, Никола Салос Псковский – в рубище и лохмотьях, босой, Андрей Христа ради юродивый на иконах изображен без одежды, изможденный, с всклокоченными волосами, Ксения Петербургская ходила в мужском камзоле и отъезжалась на имя «Андрей Федорович», Параскева Дивеевская (Паша Саровская) ходила босая, в мужской монашеской рубахе-свитке. Кинематограф может передать это, даже изображая небольшие отклонения от ожидаемой нормы, что усилит доверие зрителя к историчности такого лица.

Жизнь юродивого, шута или скomorоха сопровождается испытаниями, гонениями, презрением, потерей чести. Юродивый молитвами возглашает память смертную, шут остротами возглашает память живую, историческую, поскольку сам находится ближе к истории и царскому двору. Юродивые отвергают типичный образ жизни (не имеют детей, не заводят семьи, не состоят на службе) и социально-нормированное представление себя, вызывая отторжение, брезгливость и страх по отношению к себе. Юродивые – проводники сакрального, в миру пренебрегающие любимыми правилами этикета. При этом историческая память конструирует эту роль проводников сакрального. Преподобная Исидора Тавенская (IV в.) голову прикрывала грязной тряпкой вместо платка и питалась водой, в которой мыла котлы и посуду. Также оборачивала голову грязной тряпкой Блаженная Пелагея Ивановна, Христа ради юродивая подвижница Серафимо-Дивеевского монастыря (Серебrenикова). Смерть юродивого для мира становится жертвой покаяния, иначе говоря, показывает необходимость того самого вывернутого наизнанку восприятия исторического опыта.

Кинематограф, передавая поведение, отдельные жесты скomorохов и юродивых, может наглядно противопоставить и сопоставить их, тогда как в литературе приходится наделять их характерами, просто потому что они сливаются в единый образ ненормативного поведения. Кинематограф может, например, показать усиленную мысль юродивого о смерти, в то время как литература с ее типажам и характерами должна вырабатывать отдельную концепцию размышления героев о смерти или их представленности смерти. «Я знал, чем кончится, Бог положил это мне на сердце» [Сомов 1984, с. 102], – прямо будто заключительная реплика фильма, звучит удивление автора. Говорящий не сомневался, он исполнял.

Подвижники Христа ради хранят и передают людям и культуре подвигом немислимой своей жизни память смертную, отражая искушения и провокации со стороны окружения. Они до конца дней живут на границе жизни/смерти, профанного/сакрального, скрытого/явного. Они уже «умерли» для повседневной жизни, но еще

не попали в мир чистой Божьей воли (за пределами обыденного). «Носящие смерть» юроды являются проводниками сакрального.

Отец Анатолий, главный герой фильма «Остров» П. Лунгина, выбрал себе гроб – ящик из-под боеприпасов. Отец Иова в негодовании кричит на отца Анатолия: «Ты даже помереть по-человечески и то не можешь!» На это отец Анатолий отвечает: «Когда умру, плакать будешь?» Отец Иова выходит в гнев, но останавливается заглянуть в сундук, который выбран вместо гроба, открывает его, перебирает рыболовные сети, мох и уже плачет. Именно отец Иова в заключительной сцене фильма несет крест на могилу отца Анатолия в холодный день, скорбя по усопшему.

Героическая или ожидаемая смерть достается самому достойному и чистому. Ему принадлежит не только привилегия суждения, но и привилегия предстоять смерти непосредственно, честно, в отличие от других героев, которые идут на некоторую сделку с палачами или с равнодушно наблюдающими за чужой смертью. Так, блаженная беленькая девочка из разоренного боярского рода в «Царе», с иконой в руках, остается символом чистоты, терпит гибель от медведя в показательной смертной казни над боярами, пытаясь их защитить. Казнь превратилась в зрелище и этическую призму для присутствующих.

- Ты что больше любишь: зверушек, бусинки или пряники? – спрашивает ее Царь.
- Зверушек. Мишек я не боюсь. Матушка их от меня отгоняет.
- Какая матушка? – недоумевает Царь, – зная, что у девочки родителей убили.
- Матушка Богородица. Она со мной гуляет, дорогу показывает.

История с медведем известна в судьбе греческого юродивого Николая Транийского XI в. Он поселился в пещере в возрасте 12 лет и молитвой выгнал медведицу.

Девочка до самой смерти не выпускает из рук икону, которая приплыла к ней по реке. Блаженные берут на себя боль окружения. Блаженная дурочка в «Андрее Рублеве» плачет под черным пятном на белой стене Успенского собора, что соединяет обличение юродивым мира сего, ругание миру сему и личную память смертную.

Память смертная – часть аскетического подвига христианина, размышление о конце земной жизни, покаяние и надежда на милосердие Божие. Святой Феофан Затворник писал:

Храните память Божию и память смертную. От них страх Божий будет в силе. От страха – внимание к себе и всем делам своим, мыслям

и чувствам. От сего трезвенная благоговейная жизнь. От сей – страстей подавление. От сего – чистота. От чистоты – с Богом пребывание, не мыслями только, но и чувствами. Трудитесь. Труд все преодолевает с Божией помощью [Ковалевский 2013, с. 79].

С. Иванов [Иванов 2019] пишет о греческом юродивом Николае Транийском. В монастыре его держали на цепи, топили, но его вынес из пучины дельфин. Святой умер в возрасте 18 лет в 1094 г. На иконе «Peregrinus» («Странник») XIII в. в кафедральном соборе Трани он изображен с беснующейся у его ног толпой гонителей с палками в руках. Русский юродивый разоблачал поступки обычных людей, церковнослужителей, срывал покровы с неподлинных икон. Уличение является главным видом испытания и самого юродивого со стороны окружающих: не подыгрывает, не кривляется ли он. Юродство – подвиг, отвоевывающий ценой жизни, статуса, гордости, чести, комфорта у повседневности пространство сакрального.

Исторически визуальная экспрессия юродивых, скрытость лица, судорожное бормотание в сочетании с надрывными речами подтверждали статус их табуированности и исключенности из общих правил. Сложная судьба, непрестанная молитва, одиночество, недоверие и испытания от людей ждали юродивых в миру и в монастырях. «В монастыре стану слугою всем, буду умывать ноги, буду как странная, терпя все от больших и малых, потерплю поношения ради Христа», – говорила Пелагея, направляясь в Дивеево [Ковалевский 2013, с. 78]. Признание пути юродивого – откровение людям о его подвиге, признанное епископатом, чаще всего приходит после смерти, но бывали и исключения: так, преподобный Серафим (Саровский) признал Пелагею Ивановну избранной при жизни.

В фильме «Остров» создается наложение нескольких эпох развития юродства, в связи со сложной его конвергенцией с монашеством, а следовательно, более рельефного и систематического проявления черт инаковости в сравнении с наблюдаемой публикой монастырской жизнью. В исторической реальности юродивый может оставаться в миру, как Ксения Петербургская, или может уходить в монастырь, выражая молчанием смирение, голод, одиночество, иногда являя молчание. «Лучше пойду в монастырь, где буду пребывать в молчании», – говорила Пелагея (святая блаженная Пелагия Дивеевская) [Гаевская 2013]. Окружающие юродивых люди тоже включались в механизм разоблачения. Они сомневались в праведности странного, часто босого, голодного человека. Им легче было признать, что поведение юродивого – кривляние, шутка, придури. Разоблачение юродивого возвратило бы его обратно в профанный ряд, что означало изменение тактики поведения

и прописанного стандартами различных норм, от медицинских до правовых, отношения. После уличения он стал бы обыкновенным, нормальным или официально признанным психически ненормальным, сумасшедшим, помещенным под контроль нужной институции и уже не считался бы «мнимо безумным», умершим для повседневной действительности. Опять *медиум кинематографа*, работающий с представлениями публики, конструирует публику как некоторых благочестивых наблюдателей монастырской жизни, которые сначала не принимают юродство, но потом благодаря этой «вывернутости» перспективы истории, о которой мы говорили выше, принимают героя как идеального монаха.

Следующая особенность коммуникации с юродивым – односторонний характер, вступить в нее по собственному желанию окружающие не могут. Юродивые представляют собой атомарный социальный топос, вид служения, стяжание Духа Святого в мнимом безумии. «Юродство Христа ради составляет столь редкий, столь трудный и вместе с тем столь высокий христианский подвиг, на который призываются Господом Богом только особенные избранники и избранницы, сильные телом и духом», – пишет в конце XIX в. исследователь юродства И. Ковалевский [Ковалевский 2013, с. 2]. Кинематограф позволяет создавать отдельные опознаваемые черты шута и юродивого, наглядные на экране, что способствует наложению социального опыта зрителей на изображаемый социальный опыт и видению ими юродивых и шутов уже не как характеров, но как пример вневременного пересмотра социальных привычек.

Отношения подвижника с миром в религиозно-конфессиональном и социально-обыденном пространстве сложны и противоречивы. Люди пытаются разрушить его одиночество, но диалога не получается. Юродивый является медиумом, он вещает, доносит информацию, но не разговаривает с собеседником. При Екатерине II шуты стали неофициальными, а после нее традиция придворных шутов отошла в нашей стране в прошлое. Шутовство трансформировалось и перешло в область сцены (представления на площади, театр, цирк, буффонады, кино). Юродство вышло на новый этап развития и влияния на российскую культуру. И как раз кинематограф с его идеей проекции, проецирования событий на экран, и позволяет, отказавшись от изображения шутов и юродивых как характеров, увидеть в них моменты возможного развития истории и приобретения в том числе и публикой фильма нового социального опыта.

Так перформативный характер коммуникации, лучше всего передаваемый кинематографическим сообщением, позволяет

рассматривать образ шута и юродивого в терминах власти, где власть понимается как власть социальных дискурсов. Социокультурный код феномена юродства и шутовства предьявляет в коммуникации характерный набор знаков, задающий границы дозволенной манифестации, которые ими нарочито не соблюдаются.

Литература

- Гаевская 2023 – *Гаевская Н.З.* Встреча с юродивым (к вопросу о механизме культурного функционирования // Публикации Санкт-Петербургской духовной академии. URL: <https://spbda.ru/publications/nadejda-gaevskaya-vstrecha-s-yurodivym-k-voprosu-o-mehanizme-kulturnogo-funkcionirovaniya/> (дата обращения 7 апреля 2023).
- Иванов 2019 – *Иванов С.А.* Блаженные похабы. М.: Corpus, 2019. 464 с.
- Ковалевский 2013 – *Ковалевский И.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. М.: Книговек, 2013. 299 с.
- Лихачев 1984 – *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
- Сомов 1984 – *Сомов О.М.* Были и небылицы. М.: Советская Россия, 1984. 368 с.
- Штайн 2012 – *Штайн О.А.* Маска как форма идентичности. СПб.: РХГА, 2012. 160 с.

References

- Gaevskaya, N.Z. (2023), "Meeting with a fool (on the question of the mechanism of cultural functioning)", *Publikatsii Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii* [Publications of the St. Petersburg Theological Academy], available at: <https://spbda.ru/publications/nadejda-gaevskaya-vstrecha-s-yurodivym-k-voprosu-o-mehanizme-kulturnogo-funkcionirovaniya/> (Accessed 7 April 2023).
- Ivanov, S.A. (2019), *Blazhennye pokhaby* [Blessed pokhabs (obscenecies)], Corpus, Moscow, Russia.
- Kovalevsky, I. (2013). *Yurodstvo o Khriste i Khrista radi yurodiyye vostochnoi i russkoi tserkvi* [Foolishness about Christ and for Christ's sake, the fools of the Eastern and Russian Churches], Knigovok, Moscow, Russia.
- Likhachev, D.S., Panchenko, A.M. and Ponyrko, N.V. (1984), *Smekh v Drevnei Rusi* [Laughter in ancient Russia], Nauka, Leningrad, USSR.
- Somov, O.M. (1984), *Byli i nebylitsy* [There were also tall tales], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia.
- Shtayn, O. A. (2012), *Maska kak forma identichnosti* [Mask as a form of identity]. Saint-Petersburg: RKhGA Publ.

Информация об авторе

Оксана А. Братина, кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; shtaynshtayn@gmail.com.

Information about the author

Oksana A. Bratina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; bld. 51, Lenina Avenue, Ekaterinburg, Russia, 620083; shtaynshtayn@gmail.com.

УДК 792(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-147-163

Интерпретация механизмов жизнетворчества в отечественном театре XXI в.

Лейла Ф. Салимова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, leila.salimova@mail.ru*

Аннотация. В статье критически осмысливается ряд спектаклей, драматургическим материалом для которых послужили биографии, документальные тексты, представленные в компиляции с художественными, теоретическими и философскими произведениями. Данные спектакли концептуализируются как сценические интерпретации жизнетворческих программ В.Ф. Одоевского, Л.Н. Толстого и К.Э. Циолковского. Автор также задается вопросом о применении современными театрмейкерами инструментов мистификации, мифологизации и демифологизации в проекции перформативного осмысления текста жизни человека. Показано, что режиссер с помощью этого инструментария и средствами театра не только популяризует, но и создает новый культурный миф или развенчивает архаичные представления о крупной исторической личности, обнаруживая точки пересечения с современной культурой разобщенности. Спектакли-байопики в данных режиссерских решениях начинают звучать как тотальный спектакль о трагизме жизнетворчества и его мефистофельском и созидательном началах.

Ключевые слова: театр, постмодернистский театр, Одоевский, Толстой, Циолковский, жизнетворчество, театральная мистификация, литературная мистификация, Серебrenников, Карбаускис, Павлович

Для цитирования: Салимова Л.Ф. Интерпретация механизмов жизнетворчества в отечественном театре XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 147–163. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-147-163

© Салимова Л.Ф., 2023

Interpretation of mechanisms of life creation in the Russian theater of the 21st century

Leila F. Salimova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
leila.salimova@mail.ru*

Abstract. The article critically analyzes a number of performances, the dramaturgical material for which is biographies, documentary texts presented in compilation with artistic, theoretical and philosophical works. The plays are conceptualized as stage interpretations of the life-creative programs of Vladimir Odoevsky, Leo Tolstoy and Konstantin Tsiolkovsky. The author also asks the question about the application by contemporary theatre-makers of the tools of mystification, mythologization and demythologization in the projection of performative comprehension of the text of human life. It is shown that the director with the help of this toolkit and by means of theater not only popularizes, but also creates a new cultural myth or debunks archaic notions about a major historical figure, detecting the points of intersection with the contemporary culture of estrangement. In such directorial decisions the staged biopics begin to sound like a total spectacle about the tragedy of life creation and its Mephistophelean and creative principles.

Keywords: theater, postmodern theater, Odoevsky, Tolstoy, Tsiolkovsky, vitalism, theatrical hoax, literary hoax, Serebrennikov, Karbauskis, Pavlovich

For citation: Salimova, L.F. (2023), "Interpretation of mechanisms of life creation in the Russian theater of the 21st century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 147–163, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-147-163

Интертекстуальность современного театра как особое свойство сценического текста находится в диалоге с литературными и театральными источниками, она стала каноническим элементом спектакля XXI в., определяющим актуальную темпоральность перформативного действия. В дискурсе критического осмысления сценических аллюзий, ссылок и цитат, конструирующих символическое поле театрального события, выстраивается динамическое смысловое тело спектакля. Обращаясь к той или иной культурной традиции прошлого, современный режиссер запускает механизм мифотворчества, устанавливает над фактом прошлого особую диктатуру интерпретации. Интертекст может визуализироваться в театральном событии при помощи постмодернистских инструментов мифологизации и демифологизации, позволяющих осуществить

концептуализацию культурного текста в современном эстетическом контексте.

Так происходит редукция зрительского взгляда на исходный материал, но одновременно расширяется восприятие образа за счет внедрения других текстов в единую символическую ткань спектакля. Режиссер современного спектакля действует в логике поиска поэтического сценического языка для интерпретации фактологического материала в отвлеченных, образных формах. К вышеперечисленным механизмам можно отнести и мистификацию, т. е. намеренное создание нереальной, вымышленной картины реальности. Данные механизмы понимаются автором статьи как возможные инструменты формирования и репрезентации личности в культурном пространстве. Проецирование художественных, вымышленных, ирреальных образов и конструктов в текст жизни было свойственно многим выдающимся личностям не только культуры и искусства, но и науки. Интерес к процессу претворения измышленного в реальное через призму личностной идентификации обнаруживается благодаря множеству драматических постановок, основанных на биографиях исторических личностей. Подобные механизмы актуализированы в спектаклях «Русский роман» (2016) режиссера Миндаугаса Карбаускаса, «Человек без имени» (2021) режиссера Кирилла Серебренникова, «Циолковский» (2021) режиссера Бориса Павловича.

Мистифицированное житнетворчество

Проблема литературной мистификации, театрализации литературы – отдельная большая тема в литературоведении и текстологии, которой посвящены множество исследований [Ланн 2009; Петрс 2020]. В контексте спектакля «Человек без имени» театра «Гоголь-центр», предметом интереса которого становится фигура князя Владимира Федоровича Одоевского, сам принцип мистификации стоит рассматривать исключительно с точки зрения художественного подхода авторов спектакля к декодировке личности писателя, нежели с точки зрения погружения в теорию стилистического метода «мистификации». Под мистификацией может пониматься «вид сообщения от имени фиктивного автора, цель которого – эстетический и/или “житнетворческий” эксперимент» [Петрс 2020, с. 89], то, что осуществил Одоевский, воспользовавшись изощренным способом внезапного выхода из регламентированного, этикетированного замкнутого светского общества.

Вторгаясь на территорию теургии, Одоевский тем самым расширил, раздвинул границы собственной личности, собственного бытия, не столько познавая самое себя, сколько достраивая себя в качестве другой персоны, т. е. осуществил космогонический эксперимент над собственной жизнью. Сословные, исторические, стилистические условности преодолеваются автором благодаря возможности ускользнуть под маску выдуманного персонажа. Литературная и общественная жизнь для многих отечественных и зарубежных авторов, от проектов самовоспитания эпохи Просвещения через романтические мистификации и эксперименты над исключительной личностью до символистского жизнотворчества, была способом творческой пересборки жизни, но лишь в двадцатом столетии этот процесс будет осмыслен как игровой модус взаимодействия между автором и героями его произведений.

В то время как механизм мистификации в спектакле «Русский роман» Московского театра имени Вл. Маяковского, репрезентирующий жизнь и творчество Льва Николаевича Толстого, представлен совсем иначе. Если Одоевский прибегал к использованию личин в жизни, скрываясь под литературными псевдонимами, то трансформации Толстого лежат в самой художественной ткани произведения. Опыт внедрения и переработки собственной биографии в литературной форме отнюдь не является исключительным событием в творческой среде писателей. Однако тандем драматурга Марюса Ивашквичуса и режиссера Миндаугаса Карбаускиса предложил интертекстуальную пьесу, плотно застроенный текст романа-жизни, «в основе которой лежат тексты романа “Анна Каренина” (1872–1877) и повести “Дьявол” (1889–1890), межтекстовые связи протягиваются и к ряду других толстовских текстов» [Салимова 2017, с. 183] и дополняются документальными сценами, воссозданными по мемуарным и эпистолярным материалам. Автобиографичность произведений Толстого представляется в сценическом плане своеобразной мистификацией, так как каждый герой – реальный и художественный персонаж: Софья Толстая и Анна Каренина, Левин, Каренин, Чертков, Аксинья – являются жизнотворческими оборотнями. Каждый реальный человек трансформируется не только в авторском сознании Толстого, но и в сознании самих этих людей в собственных литературных двойников.

Идеальная жизнь, ложащаяся на бумагу, вызывает дьявольскую ревность Софьи Андреевны, ведь ее реальная жизнь становится всего лишь корректурой, которую она уже не сможет переписать начисто [Салимова 2017, с. 185].

Виртуозность драматурга и режиссера заключается в том, что зритель в режиме реального времени наблюдает потерянность героев в лабиринтах литературного и жизненного текстов. Монстрация бабы Аксины из повести «Дьявол» в реального Черткова посредством одной исполнительницы подтверждает наличие одного материального тела, раздираемого множеством масок, личин, переполняющих каждого героя спектакля «Русский роман».

Для Владимира Федоровича Одоевского возможность символической трансгрессии в господина Пуфа – один из псевдонимов, под которым он печатался, – рассматривалась не как акт художественной трансформации своей личности, но как способ выстраивания коммуникации через вымышленное лицо между ним и обществом. Одоевский – мономан от литературы, наслаждающийся своим маскарадом со страниц «Лекций господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве». Господин Пуф изощренно маскировался и отчуждался от своего литературного «хозяина», но не забывал и уважить творчество князя Владимира Федоровича. Шаловливые литературные мистификации были распространены в России начиная с первой половины XIX в., процесс заигрывания с вымышленными литературными персонажами воспринимался самими участниками игры не только как определенный паттерн поведения литератора в обществе, но и как игровой процесс: «связь с сакральным и мистическим не осознается, остается только идея разыгрывания сакрального» [Петрс 2020, с. 91]. Мотив раздвоения личности как мотив безумства разрабатывается в отечественной научной мысли в нескольких направлениях – психофизиологического явления душевного расстройства (Г. Успенский), феномена своеобразного творческого расстройства, распада личности на несколько персонажей (В. Одоевский) и артикуляция наведенного безумия как клеймо мыслящей личности (П. Чаадаев). Так что за романтическое двоемирие расплачивается и вся русская литература, и общественная мысль.

Тем не менее в спектакле, созданном командой авторов в лице Петра Айду (музыка), Александра Барменкова (сценография), Никиты Кукушкина (исполнение), Валерия Печейкина (драматургия) и Кирилла Серебренникова (режиссура), жизнь и творчество «русского Фауста» разворачиваются в дискурсе мистического жизнетворчества:

Искусство окрыляется там, где призыв к творчеству есть вместе с тем призыв к творчеству жизни. <...> Жизнь и есть творчество. Более того: жизнь есть одна из категорий творчества. Жизнь надо подчинить

творчеству, творчески ее пересоздать там, где она резкими углами врывается в нашу свободу. Искусство есть начало плавления жизни¹.

И здесь стоит определить позицию самого мистификатора по отношению к личности Одоевского.

Драматургия спектакля выстроена так, что образ Одоевского всегда находится в мистическом ореоле, трансформируется во множество персонажей, меняет личины и маски, не успевая рефлексировать относительно следующей своей игровой роли. Аналогичную нагрузку на центрального персонажа можно обнаружить и в спектакле «Циолковский» режиссера Бориса Павловича, представившего в сценической версии не просто биографию одного из великих ученых Константина Эдуардовича Циолковского, но визуализированную философию космизма.

Множество я живет в теле каждого существа. Атом блуждает во вселенной. В земных животных существует непрерывный обмен внутренней материи и внешней. Материя внешнего течет через меня, как вода в русле берегов. Но пройдет несколько дней или месяцев, и во мне уже другие жилы, а бывшая во мне материя блуждает по миру... в космической пустоте².

Спектакль Театра им. Ф. Волкова предложил взглянуть на мироздание глазами и буквально «ушами» основоположника современной космонавтики, идентифицирующего себя, вслед за ренессансным человеком, как активную часть космической пустоты. Режиссер не ставит перед собой задачи раскрыть театральными средствами сами теории космонавтики, но представить гуманистический образ провинциального ученого, мыслящего категориями не только технического покорения звезд и космической вселенной, но и ментального, высокодуховного взаимодействия со вселенной. За утопичностью взглядов Циолковского выстраивается образ человека, жизнь которого соткана из шепота звезд, из физической и космической поэзии. Сценическая визуализация житнетворчества обнаруживается там, где ученый постулирует вписанность собственной жизни в жизнь вселенной, обволакивающей и пронизывающей все вокруг. Зритель, в свою очередь, получает возможность небуквального соучастия в спектакле, так как он временно лишается слуха, то есть все земные, бытовые разговоры трансформируют-

¹Белый А. Театр и современная драма. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_02_1908_arabesky.shtml (дата обращения 1 сентября 2023).

²Цит. по видеозаписи спектакля «Циолковский» (реж. Б. Павлович).

ся в галактический радиосум, именно его слышит Циолковский, страдающий глухотой.

Однако именно в этом спектакле личность гения представлена в наиболее бытовом, натуралистическом ключе, в отличие от «Русского романа», лишённого материального образа Толстого, репрезентированного в мыслях и действиях его героев и современников, и в отличие от Одоевского, некой фантазмагорической фигуры, распадающейся на множество вымышленных образов. Многоликость и оборотническая природа писателя проходят под знаком стихии inferнального, позволяющего выстроить в спектакле символическую вертикаль, где крайние сакральные точки божественного и дьявольского уживаются в самом архетипе творца, т. е. Одоевском. Здесь необходимо говорить о самом дуализме творчества, невысказанного без опыта рождения и жизни, и опыта умирания и смерти.

Проявления мистификации как механизма житнетворчества в каждой сценической интерпретации образов Одоевского, Толстого и Циолковского обнаруживают разные режиссерские подходы к природе этого явления. Мистификатор Серебренников словно бы предложил мистификатору Одоевскому прожить и пережить жизни всех тех, о ком он писал, размышлял, кем вдохновлялся. Для Карбаускиса, отказавшегося от материализации Толстого, главной мистификацией стала мысль о том, что автор живет в своих героях. Павлович представил спектакль-ораторию о познании себя и мира, превратив ученого в лирического одержимого философа.

*Сценическая мифологизация
и демифологизация личности:
В.Ф. Одоевский, Л.Н. Толстой,
К.Э. Циолковский*

Используя в качестве драматургического текста живой документальный материал биографии, скомпилированный с художественным произведением, авторы спектакля изначально встают на путь мифологизирования. Невозможность создания объективной биографической картины обусловлена режиссерской интерпретацией житнетворческого текста центральных героев разных спектаклей – В.Ф. Одоевского, Л.Н. Толстого, К.Э. Циолковского.

Авторы «Человека без имени» предлагают понаблюдать за процессом не просто раздвоения личности, но распада, расщепления целостности на множество обликов. Мифопоэтическая космология спектакля, согласно теории мифа А.Ф. Лосева, должна восприниматься не как территория фантастического, выдуманного мира, но

как необходимая категория сознания и бытия³. Фантазматическая сценическая реальность, создаваемая режиссером, воспринимается персонажами спектакля как жизненная, вещественно ощутимая данность. Механизм мистификации жизни Одоевского, создающего для сообщества фиктивную реальность своими множественными образами, позволяет зрителям пережить фиктивное как сценически-фантазматическое, повторно мифологизировав судьбу героя и демифологизировав культурный контекст его существования. Создавая двойника, литературную и социальную маску, он сотворил своеобразный миф о себе как о литераторе-мистике, но и назначил своим читателям и зрителям определенные правила игры. Образ Циолковского же выносится режиссером за пределы культурной установки и восприятия его как основоположника космонавтики, но раскрывает альтернативную сторону жизни – человеческую и философскую. Миф об ученом-самоучке разрушается благодаря сильной актерской работе Ильи Варанкина, исполнившего роль Циолковского, представившего его не столько ученым, сколько одержимым идеей космизма философом, гением с детским, непосредственным характером, искренно обижающимся на Жуковского за отсутствие интереса к его трудам.

Конструкция спектакля «Человек без имени» строится как динамическое чередование фаустианского и мифистифического начала, где первое осуществляется через теургический мотив телотворчества, а второе выявляет танатологический мотив, умирание как таинство. Одоевский предстает одновременно чернокнижником, теоретиком-эзотериком и практиком-колдуном, который с педантичностью повара излагает рецепт создания живой жизни. «В черной книге есть рецепт гомункула... Что есть гомункул? Человек, которого можно вырастить из яйца», – говорит многоликий персонаж Никиты Кукушкина, исполнившего единолично все роли от Гомункула до Мефистофеля. Тот самый гомункул, родом их алхимических опусов шестнадцатого столетия, наделен интеллектом, ему доступна музыка бессмертных, но жизнь его бессмысленна, потому что он лишен души. Он занимает пограничное состояние, не став в полной мере живым существом, но и не будучи живым мертвецом. Подобный гомункул в одной из сказок Одоевского под названием «Игоша» преобразился в демонического проказника-младенца: «...летом у земляка-то родился сынок, такой хворенький, Бог с ним, без ручек, без ножек, – в чем душа; не успели за попом сходить, как он и дух испустил». Привидение, дух безрукого и безногого уродца, а ранее гомункула, претерпевает еще одну метаморфозу, связанную

³Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 95–96.

с проблемой самоидентификации самого Одоевского в качестве несостоявшегося общественного деятеля, лишившегося одновременно рук и ног, то есть утерявшего свою целостность и моральную инстанцию, когда дело касалось общественно значимых вопросов: «Не знаю. У меня ни рук, ни ног. Нечем имя удержать».

В спектакле «Русский роман» образ писателя Льва Толстого демифологизируется, используя выражение Е.М. Мелетинского, путем извлечения фигуры писателя из материального поля спектакля – его не выводят как отдельное действующее лицо. Он раскрывается не как великий писатель, муж или отец, но как миф о писателе, миф о муже, миф о сыне. Авторы спектакля воссоздают болезненную атмосферу последних лет жизни Ясной Поляны, когда Толстого буквально прижизненно мумифицировали в общественном сознании, не спросив разрешения на такую циничную музеефикацию. Режиссерская предустановка взгляда реципиента заключается в интерпретации архетипа в мифологизированном или, наоборот, демифологизированном дискурсе.

Происходит символическая образная мутация, где персонаж из Человека превращается в Одоевского-чернокнижника, из Одоевского-чернокнижника – в господина Пуфа, из господина Пуфа – в мальчика Мишу из рассказа «Городок в табакерке», из Миши – в Бетховена, что выходит за пределы регистра реального и превращается в мрачный калейдоскоп творческого бреда, где стерты грани между сном и явью, вымыслом и реальностью. Толстой же выходит за пределы своей физической данности и находит себя во множестве художественных персонажей (Кити, Левин, Аксинья, Анна Каренина) и реальных людей, в разговорах которых он возникает. То есть некий первообраз, известная большинству культурная координата, или актуализируется посредством наращивания мифологического содержания, или развоплощается, обнажается, чтобы вскрыть истинную сущность понятия. Избыточность сценических трактовок, цитирование, реминисценции порождают наложение смыслов и их взаимное обесценивание, подрывающее уникальность и самодостаточность произведения.

Процедура демифологизации, понимаемая в контексте актуализации творчества автора, образа Одоевского происходит не только как автора одного произведения «Городок в табакерке», своеобразного манифеста просвещенного монархизма, но и как серьезного общественного деятеля в сцене с Императором, являющимся Одоевскому в символическом для русского менталитета образе увечного духовно и нравственно обрубка, обделенного в праве на свободу слова и действия, сталкивается с жестоким деспотизмом, против которого восстали декабристы в 1825 г. Одо-

евский не числился в рядах первых революционеров, но разделял их идеи, что и стало поводом для его столкновения с тираном-Императором в спектакле, насаждающем свои непреложные законы, своеобразные заповеди:

«Отечество». Нам дано Господом от рождения. «Добродетель». Она никогда не останется без награды. «Отвага». Требуется воину в ратном деле. «Евхаристия». Сие таинство нашей святой церкви. «Воинство». Защищает нас на рубежах. «Смирение». Это лучшая добродетель. «Красота». Величайшая бывает, когда суть незрима. «Истина». Откроется каждому в урочный час. «Йод». Он лечит рану, как время излечивает целые народы⁴.

С одной стороны, по аналогии с персонафицированными рыцарскими добродетелями, как дань средневековому таинственному прошлому и эстетическому систематизаторству эпохи барокко, идеями которого был увлечен Одоевский, а с другой стороны, пародируя афористичную формулу государственной политики России (Православие. Самодержавие. Народность), драматург выводит девять добродетелей в этой сюрреалистической художественной реальности.

Авторы отказываются от последнего пункта «Йод», намеренно снижающего пафос выведенной доктрины правления и управления народными массами, с тем, чтобы ввести в спектакль христианскую тему Рождества. Добродетели вписаны в октаграмму, восьмилучевую звезду, то есть Вифлеемскую звезду, оформленную скорее в мистической готической стилистике с тайнописью на алхимическом языке, чем в христианском ослепительном Божественном свете энергии сущности (Фаворский свет). Таким образом, ключевым художественным приемом в спектакле является своеобразное метонимическое наложение языческой символики на христианскую культуру, что позволяет представить личность писателя во всей его одновременно противоречивости и цельности, соответствующей принципу божественной энергии, выведенной А.Ф. Лосевым – «Энергия сущности нераздельна с сущностью и неслиянна с нею».

Сенсуалистический дрейфт

Спектакль сомацентричен. Его внутренняя чувствительность раскрывается в визуальном пластическом рисунке, там, где преодолеваются границы физической «нормальности» и открывается

⁴Цит. по режиссерскому тексту «Человек без имени» В. Печейкина.

бездна патографии с ее психофизическими экспериментами над личностью. Драматургия чувственности и чувствительности разрабатывается не только на текстологическом уровне, но и на визуальном, когда черно-белая стилистика лишается своей банальной суровой классичности, но приглашает на территорию готики эпохи романтизма, графики иллюстраций к романам и галлюцинаций «Эликсиров сатаны» Гофмана. Монохромный черный рисунок декорационного решения спектакля расцветивается белоснежными пятнами ампирной рубашки Одоевского, бледными личиками игрушечных колобков-гомункулов, витиеватыми алхимическо-рецептурными надписями, транслируемыми на жк-экранах задника. Образ Одоевского представлен во всей его исключительной исторической достоверности – безупречной белизны пышная рубашка, панталоны с высокой талией, подтяжки, жилет и сюртук. Столь же исключительно достоверен и образ самого актера Никиты Кукушкина, заглядывающего в зрительный зал, чтобы задать этот ключевой для каждого, кто пришел на спектакль, вопрос – «А ты знаешь Одоевского?».

Драматург Валерий Печейкин предлагает актеру и зрителям осуществить сенсуалистический дрейф в сферу кинестетического, где вся аудиальная, обонятельная, визуальная информация обретает свою конкретную материальность.

Тело – это фабула осязания, а плоть – это его сюжет, то есть бесконечно сплетаемая вязь осязательного рассказа о теле. <...> Плоть – это претворение тела в ту последовательность событий – соприкосновений, прилеганий, сближений, перемещений, – которая образует сюжет наслаждения [Эпштейн 2011, с. 177–178].

Поэтика плоти заключается в ее эротическом дискурсе, а именно

...метасексуальном сознании и воображении, которое уводит от тела, чтобы возвращаться к нему в остранинной, но тем более заостренной форме [Эпштейн 2006, с. 64].

Плоть не овнешняема, она представляет собой индивидуальный осязательный опыт, к которому причастились и зрители спектакля, ставшие невольными свидетелями оргазматического безумия Бетховена, извлекающего катушку со струнами из внутренностей музыкального инструмента. Бетховен, мелодиями которого вздрагивает инструмент, входит в игровое пространство как одна из галлюцинаций человека без имени, человека без будущего, человека, лишенного памяти в веках – Одоевского.

Сновидческая природа спектакля буквально разрывается материальной фигурой композитора, более реального, чем сам Одоевский. Отчаянно глухой, слушающий музыку глазами, он входит в ореоле проволочного хаоса на голове, в котором узнается портретное сходство с автором бессмертной мелодии «К Элизе». Проволочные дуги словно множество орбит опоясывают обезумевший разум Бетховена, так в спектакле реализуется одна из самых болезненных, но излюбленных тем эпохи романтизма, «художник и безумие». Прижизненное трагическое одиночество творческой личности Бетховена оборачивается не менее трагической бесприютностью Одоевского после смерти, нецененного и забытого. «Когда горит город, горят не дома, не камни, а человеческие тела. Я не слышу, как горит плоть, как дымится мясо!»⁵, – кричит в тишину Бетховен, мир которого наполнен музыкальной плотностью, о какой-то неведомой, объятай пламенем Москве.

Звуковая среда в спектакле конструируется благодаря уникальному фантазматическому инструменту, специально созданному композитором Петром Айду. Восемь пересобранных пиано превращаются в музыкальную инсталляцию, выстроенную по периметру сцены. Пангармоникон, а именно так называется музыкальный инструмент Айду, создан по аналогии с кабинетным органом «Себастьяноном», получившим свое имя в честь великого Себастьяна Баха, музыку которого Одоевский необычайно почитал. Затем в коллекции одного из основоположников музыковедения, музыкального критика князя Владимира Федоровича появился новый инструмент – энгармонический рояль.

Какофония предсмертной агонии, записанная на валиках музыкального инструмента-чудища пан-гар-мо-ни-ко-на, рождается из фантазии «Пожар Москвы» композитора Даниэля Штейбельта, творчество которого вспоминает Бетховен. Пожар уничтожает не материальные блага и даже не тела, то есть социальные функции этого города, но плоть, единственно подлинный чувственный субстрат, не способный солгать. Концепт тела предполагает его изменчивость, иллюзорность сексуальных силуэтов, способность мимикрировать в совершенно не свойственные ему образы; например, естественный обхват женской талии может уменьшиться благодаря конструкции корсета, или бедра могут раздаться в ширину за счет фижм, рост – увеличиться благодаря каблукам и т. д.

Актер открывает нам внутренности инструментов, вскрывая их, выставляя на обозрение зрителям удивительный мир животрящейся музыки:

⁵Цит. по режиссерскому тексту «Человек без имени» В. Печейкина

С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колеса... Миша удивился: «Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?» – спрашивал Миша у папеньки⁶.

Восхищает и вместе с тем ужасает эта грохочущая, звенящая, скрипящая, визжащая, вздрагивающая своими молоточками и вибрелями музыкальная плоть пангармоникона – тотального инструмента, проводника на территорию потустороннего. Перкуссия стройной какофонии. Натягивание струн, игра на струнах, кульминационное разрывание, обрывание струн считаются как эротический импульс соития композитора с самой музыкой. Нарративная прямолинейность молчаливых струн начинает оживляться трансцендентным скрежетом, воем, плачем, изнеможением той самой полыхающей плоти. Никита Кукушкин запускает свои любопытные извивающиеся руки по телу пианино, как бы обволакивая его собой, чтобы извлечь из его чрева множество маленьких головешек, звенящих шариков, колобков, гомункулов, жителей городка в табакерке.

В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

Срезанные головы переливаются, перезваниваются, словно китайские поющие шары баодин. Дзин-дин-дзин-дин – отзывается низкими частотами в сердце каждого, кто слышит эту жуткую потустороннюю мелодию.

Перед нами развертывается не само рождение музыки, но процесс ее сладострастного безумного зачатия (М. Эпштейн, Ж. Батай, Ж. Лакан). Оральные ласки музыкальных чресел обжигают композитора болью и страстью, и в кульминационной точке, когда пульс, транслируемый на экранах в глубине сцены, начинает зашкаливать, он жестоко рвет струны, высвобождая свою безудержную энергию из-под слуховой кастрации. Бетховен фактически в экстазе перерезает вены музыкальному инструменту и себе, что приводит к пику наслаждения своей гениальностью и виртуозностью. Таким образом, авторам спектакля удастся найти не просто оригинальный теургический инсайт, но репрезентовать эотику творчества в ее конкретных чувственных и визуальных формах.

⁶ *Одоевский В.Ф.* Городок в табакерке. Ростов н/Д.: Феникс, 2019. С. 6.

Страдание – сексуально, боль – эротична. Боль имеет конкретный физиологический паттерн своего проявления, аудиальное и визуальное воплощение, которое жаждет пережить, перечувствовать Бетховен. Охваченная экстазом пламени плоть – воет, ревет, бушует и тем самым подтверждает свое существование в этом мире, свою человеческую полноценность, умение испытывать чувства. Мясо уже лишено той экзотичности, которая была присуща плоти, но оно указывает на патографический дискурс творческой личности, жаждущей боли общественного унижения, а не хладнокровного равнодушия. Пушкин глаголом жжет сердца людей и кокетливо предлагает поэту свысока взирать на народную толпу, Есенин склоняется перед бронзовой славой Александра, а Маяковский рвется в бой, не щадя ни себя, ни толпу:

все это – хотите? – / сейчас отдам / за одно только слово / ласково, / человечье. / <...> За человечье слово – / не правда ли, дешево? / Пойди, / попробуй, – / как же, / найдешь его!

От Пушкина до Рыжего, от Станиславского до любого современного молодого дарования – каждый нуждается в утверждении или отрицании своей творческой индивидуальности. Целная и целостная личность или деструктивная, оппозиционно настроенная к недругу, формируется исключительно в комплексе, системе отношений и взаимоотношений.

Так не вышло из меня поэта, / и уже не выйдет никогда. / Господа, что скажете на это / Молча пьют и плачут господа. / Пьют и плачут, девок обнимают, снова пьют и все-таки молчат.../.

Тишина – вакуум творчества.

Прибегая к приему эстетизации в пластическом образе самого спектакля, режиссер исключает из него элемент правдивой чувственной утонченности в самом выразительном рисунке артиста, предлагая взглянуть на его стилистику как на опосредованный эффект стилизации. Серебренников создает стимпанковский вариант сценического существования артиста на сцене, когда на аристократичность исторической эпохи Одоевского накладывается суровая реальность графической предначертанности с ее видеопроекциями, светомузыкой, футуристичным по отношению к самому литератору пространством. Концепт черного цвета в спектаклях Серебренникова раскрывается во всем семантическом спектре – от трагического сожаления и скорби до торжественной патетики. Спектакль существует в бинарных оппозициях, поэтому лунарной символике

трагизма соответствует солярная, указывающая соответственно на смерть и жизнь. Черно-белая цветовая гамма дополняется, как и ранее в спектакле «Барокко», золотом, то есть благородным, возвышенным, богатым, ярким цветом, в который облакают Императора. Такая несколько мрачная сценографическая цветопись репрезентует настроения начала XIX столетия, фанатично увлеченного готическим романом, навевающим жуткие ощущения погружения в сверхъестественное, необъяснимое, но чарующее потустороннее.

Стилизованный сценический эстетизм тогда обладает особым эротизмом невозможности до воплощения его в реальности – мы не можем переоблечься в сюртуки, носить чепцы и корсеты. Таким образом, спектакли Серебренникова – это эротика как «о-владение, многократное пересечение границ чужой территории, а значит, и потребность снова и снова превращать свое в чужое» [Эпштейн 2006, с. 79] через систему сценических и зрительских опосредований. Преодолевая границы зрительских нравственных и эстетических табу, он вновь и вновь вызывает желание пережить те ощущения, от которых остались лишь художественные намеки. Так режиссер редуцирует «костюмированную» драму до зрительского вождения, вызванного созерцанием материальной красоты прошлых эпох, наполняя это восприятие актуальными смыслами, реализованными средствами современного театрального искусства.

Не каждый спектакль, созданный вокруг автономной фигуры представителя культуры и искусства, политики или науки, можно проанализировать с точки зрения наличия жизнетворческого аспекта. Из выборки были исключены спектакли «Горбачев» (2020) Театра наций, «Я – Сергей Образцов» (2021) Театра кукол им. С.В. Образцова в силу преобладания в них бытового фактологического материала над метафизическим, на который выходят спектакли о Толстом, Одоевском и Циолковском. Особняком стоят два спектакля – «Кант» (2013) Театра им. Вл. Маяковского и «Интервью В.» (2021) Театра ненормативной пластики. Образ Иммануила Канта, представленный режиссером Миндаугасом Карбаускисом, представляется не столько через его философию, сколько органично развертывается в поступках героев – «люди обедают, только обедают, а в этом время», философские концепты зашифровываются в бытовых действиях – сервировке стола, регламенте принятия пищи, регламенте беседы. Из моноспектакля об Александре Вертинском почти полностью исключены песни как неотъемлемая часть представления о великом русском шансонье, возникающем в образе просто человека со своими переживаниями и чувствами.

Серебренников был вынужден мифологизировать личность Одоевского, чтобы она в некотором смысле достигла масштабов

сакрализованных Гоголя или Достоевского, признанных мастеров литературной мистики. Процесс насыщения мистическим фигуры Одоевского приводит к тому, что режиссеру удается одновременно выявить идентичность романтического ученого-мистификатора и встроить в культурный контекст эпохи посредством литературных, социальных, исторических параллелей. Масштаб личности тогда раскрывается через контекстуальные детали, которые на первый взгляд всего лишь делают достоверным литературный, исторический и человеческий облик Владимира Федоровича Одоевского, литератора, философа и кулинара, государственного мужа и автора собственной таинственной мистифицированной жизни. Павлович находит в своем герое Константине Эдуардовиче Циолковском детскую непосредственность, с которой он играючи постигал космическую бездну. Циолковский – колыбель космонавтики. Лев Толстой Миндаугаса Карбаускиса лишается своей монументальности, «испаряясь» со сцены, оставаясь лишь «на словах» и в сознании людей. Каждый режиссер находит свой ключ и подход к интерпретации механизмов жизнотворчества, обнаруживая для каждого свою точку мифологического невозврата.

Источники

- Батай Ж.* История эротизма / Пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Логос: Европейские изд., 2007. 198 с.
- Белый Андрей.* Театр и современная драма (1908). URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_02_1908_arabesky.shtml (дата обращения 17 ноября 2023).
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 407 с.
- Нордау М.* Вырождение. Современные французы. М.: Республика, 1995. 400 с.

Литература

- Ланн 2009 – *Ланн Е.* Литературная мистификация. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 232 с.
- Петрс 2020 – *Петрс А.Л.* Литературная мистификация: к проблеме термина // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 197. С. 89–100.
- Салимова 2017 – *Салимова Л.Ф.* Литературные интертексты современного спектакля: «Русский роман» Миндаугаса Карбаускиса // Художественный текст глазами молодых: Материалы конф. Ярославль: Ярославск. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2017. С. 183–186.

Эпштейн 2006 – *Эпштейн М.Н.* Философия тела. СПб.: Алетеия, 2006. 431 с.

Эпштейн 2011 – *Эпштейн М.Н.* Sola amore. Любовь в пяти измерениях. М.: Эксмо, 2011. 496 с.

References

Epstein, M.N. (2006), *Filosofiya tela* [Philosophy of the body], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

Epstein, M.N. (2011), *Sola amore. Lyubov' v pyati izmereniyakh* [Sola amore. Love in five dimensions], EKSMO, Moscow, Russia.

Lann, E. (2009), *Literaturnaya mistifikatsiya* [Literary hoax], Knizhnyi dom “Librokom”, Moscow, Russia.

Petr, A.L. (2020), “Literary mystification: an issue of terminology”, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 197, pp. 89–100.

Salimova, L.F. (2017), “Literary intertexts of a modern performance. ‘Russian Novel’ by Mindaugas Karbauskis”, *Khudozhestvennyi tekst glazami molodykh*, materialy konferentsii. [Artistic text through the eyes of the young, Conference proceedings], Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet im. P.G. Demidova, Yaroslavl, pp. 183–186.

Информация об авторе

Лейла Ф. Салимова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Ярославский государственный театральный институт, Ярославль, Россия; 150000, Россия, Ярославль, ул. Первомайская, д. 43; leila.salimova@mail.ru ORCID 0000-0001-6359-2857

Information about the author

Leila F. Salimova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Yaroslavl State Theatrical Institute, Yaroslavl, Russia; bld. 43, Pervomaiskaya Street, Yaroslavl, Russia, 150000; leila.salimova@mail.ru ORCID 0000-0001-6359-2857

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
№ 3
2023

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 26.12.2023

Выход в свет 09.01.2024

Формат 60 × 90 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,3

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 1886

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru